

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

VII Международная
научно-практическая конференция

2006

ББК 60.7
3 91

Под редакцией: Алексеевко А.Н.,
Краснобаевой Н.П.,
Уалиевой С.К.

Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. тр. VII Межд. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 8-9 ноября 2005 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2006. – 408 с.

ISBN 9965-704-85-6

В сборнике представлены материалы докладов и сообщений, включенных в программу VII Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, этнологии, истории и географии населения Казахстана, России, Украины, Беларуси. Выявлен круг проблем, свойственных этнодемографическому развитию государства и отдельных регионов, широко представлены различные точки зрения.

Э 0703000000
00(05)-06

ББК 60.7

ISBN 9965-704-85-6

© Издательство «Медиа-Альянс», 2006

Айтказина З.Н.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Города – ...командный состав страны, организующий ее во всех отношениях – и в хозяйственном, и в политико-административном, и в культурном...

Н.Н. Бранский

Оптимизация пространственной организации жизнедеятельности человека, постоянное стремление приспособиться к существующим природным, историческим, экономическим условиям способствовало выделению основных форм расселения: кочевого, полукочевого и оседлого расселения населения (городского и сельского, системного и изолированного, группового и дисперсного).

Развитие систем расселения в рамках РК и в пространстве, и во времени характеризуется крайней неравномерностью.

Природно-географические особенности положения территории Казахстана обусловили сложение здесь прежде всего кочевого и полукочевого расселения. Исторические события XIX в. – первой половины XX в. способствовали повсеместному переходу к оседлому образу жизни и к сложению постоянного системного городского и сельского расселения. В свою очередь, поступательное развитие производительных сил в регионе в пользу индустриальных отраслей объективно обусловило процесс градостроительства и концентрацию населения в городах. Именно города, как производственные, научные, культурно-образовательные центры, имеющие развитую социально-экономическую инфраструктуру, взяли на себя организующую функцию региональных и локальных систем расселения. В результате чего современный этап процесса развития расселения получил название урбанизация, т.е. усиление значения городских поселений в различных сферах жизни общества и образование все более сложных систем городов.

Цель настоящей работы состоит в рассмотрении особенностей процесса формирования совокупности городских поселений в Казахстане.

Изучением систем городского расселения в Казахстане занимались такие ученые, как Искаков У.М., Алексеевко А.Н., Токуова Г.Г. и др. [1-3]. Из работ методологического и методического содержания по исследованию систем городских поселений можно выделить, прежде всего, труды ученых Лаппо Г.М., Хорева Б.С. и др. [4, 5].

Рассматривая проблему в исторической ретроспективе, необходимо отметить, что **сеть** городов Казахстана складывалась в течение многих столетий, меняясь и эволюционируя в зависимости от многих факторов.

Самые древние города Казахстана, возникшие на караванных путях как центры торговли и ремесла, Шымкент, Туркестан (Яссы), Тараз (Джамбул, Аулие-Ата) упоминаются еще в VI—XII вв. Но под влиянием преобладания кочевого животноводства, как основного вида деятельности населения, заселяющего территорию Казахстана, развитой сети городских поселений не сформировалось.

Большинство старых городов Казахстана основано в ходе присоединения Казахстана к России. Строительство городов-крепостей служило средством утверждения российской власти над Казахским ханством. Административные и военные функции городов, соответственно, были основными, а экономические — второстепенными. Поэтому цепь городских поселений располагалась по периметру Казахстана: по основному водному пути на севере, западе, востоке и из поселений укрепленных линий на юге.

Дальнейшее социально-экономическое развитие способствовало тому, что одни города, располагаясь преимущественно на пересечении железнодорожных и судоходных путей, стали крупными центрами торговли и промышленности, другие — «защитными» административными городами, мало отличавшимися от сел¹. Темпы роста городов при этом были невелики в связи с преобладанием мелких и средних предприятий и их отраслевой структурой, направленной главным образом на первичную обработку сельскохозяйственного сырья [6]. Так, на конец XIX в. большинство городов относилось к разряду малых поселений, которую, к примеру, в Сырдарьинской области составляли 71% от общего числа городов, в Семиреченской — 50%, в Тургайской — 25%, в Акмолинской — 20% [7].

Средних городов с населением свыше 50 тыс. человек вообще не было. Только четыре города приближались к этой цифре: Уральск — 47,5 тыс. человек в 1915 г., Петропавловск — 43,2 тыс. человек в 1911 г., Верный — 43,2 тыс. человек в 1913 г., Семипалатинск — 34,4 тыс. человек в 1911 г. [3, с. 38].

Основными факторами формирования населения городов были переселения крестьян, политическая ссылка, постоянный контингент воинских частей, расквартированный в осадных поселениях, рост жатчества (отходников) и др. Что в значительной степени предопределило этнический, профессиональный, религиозный, семейный состав городского населения.

В целом к началу XX в. Казахстан оставался страной с аульным расселением населения (групповое, дисперсное). Доля горожан составляла лишь 7% (Великобритания — 75%, Германия, Франция, США — 40-50%.

¹ Необходимо отметить также, что одновременно с городами, имевшими официальный статус, появляются и быстро развивающиеся рудничные и шахтёрские поселения (Риддер...), которые, являясь селами, по существу (функции) являлись городскими.

Россия — 15%) [8]. Сеть городов была редкой и «жильцом» охватывала «земли казахских кочевий». При этом наиболее распространёнными были малые города со слабо развитой промышленностью, выполнявшие в основном административные и торговые функции.

Интенсивное развитие городов и **оформление систем городского расселения** из сети городских поселений произошло лишь в XX в.

Переход от сети к системе — качественный скачок в территориальной организации жизни общества, достигаемый на определенном уровне зрелости при наличии благоприятных условий развития производства и системы обслуживания [2, с. 173].

Главным условием сложения систем городского расселения в советский период в Казахстане явилось плановое акцентированное развитие тяжелой промышленности (составляющей более 70% от всей промышленной продукции); добыча полезных ископаемых занимала доминирующие позиции, что обусловило своеобразно систем взаимосвязей, темпы роста городов и их размещение.

Так, количество городских поселений в XX в. возросло в 12,9 раз (22 в 1917 г., 284 в 1999 г.), поселков городского типа в 200 раз (1 в 1917 г., 200 в 1999 г.), городов в 4 раза (21 в 1917 г., 84 в 1999 г.), а численность городского населения в 27,5 раз (303 тыс. человек в 1897 г., 8322 тыс. человек в 2000 г.) [1, с. 8; 9].

Особенностью процесса формирования городов в XX в. была резкая смена темпов градостроительства в течение небольших промежутков времени, что подтверждает **темпы роста городского населения Казахстана в XX в.** (таблица):

1) 1917-1925 гг. — в преддверии переписи населения 1926 г. проводятся масштабные административные преобразования городских поселений в сельские и наоборот — количество городов незначительно возросло (на 9,5%);

2) 1926-1941 гг. — индустриализация народного хозяйства — ускоренные темпы роста городов, число которых увеличилось на 60,9%;

3) 1941-1945 гг. — милитаризация промышленных предприятий, эвакуация предприятий в уже существующие города Казахстана — характерны замедленные темпы роста городов (16,1%);

4) 1946-1979 гг. — научно-технический прогресс, ресурсообеспечение, развитие агломераций — количество городов возросло на 130,6%;

5) с 1979 г. по настоящее время — образование новых городских поселений практически прекратилось — число городов увеличилось на 3,6% [1, с. 8, 89; 9-11].

Таким образом, новые города и рабочие поселки в XX в. появляются в результате:

- пересмотра состава городов в зависимости от функций и численности жителей, например, в преддверии переписи 1926 г.;
- внедрения промышленных объектов на месте крупных месторождений полезных ископаемых, например, Актау, Темиртау;

Таблица

Темпы роста и численность городского населения на территории Казахстана в 1997-2000 гг.¹

Показатели	1997	1998	1999	2000	1997	1998	1999	2000
Численность городского населения, тыс. чел.	303	541	380	519	1833	2480	4318	6538
Темпы прироста городского населения, за соответствующий период, %		79	-30	37	253	35	74	51
						23	15	-11

- развития транспортных магистралей, например, Арысь, Чу;
- формирования агломераций городов, в связи с «амальгамацией» некоторых функций больших городов в близлежащие населенные пункты, например, агломерация вокруг г. Караганды, г. Алматы (города-спутники);
- разработок военно-промышленного комплекса, например, г. Курчатов (закрытые города).

В плане пространственной организации в XX в., города возникают повсеместно, независимо от благоприятствования природных условий для жизни человека, исходя из стратегических экономических линий, административных задач государства, преимущественно по экономическим линиям, «назначенным природой», в «зонах контакта», наличия природных ископаемых, источников энергии, по долинам рек, транспортных путей и т.д., ввиду того, что уровень развития градостроительства уже позволяет создавать оптимальные условия для жизни людей в городах, даже с дискомфортом природным окружением. Соответственно, рисунок сети городов меняется. Например, появляются города в Центральном Казахстане, стремительными темпами образуя систему городов.

Еще одной особенностью формирования городского расселения в XX в. является и постоянно меняющаяся структура городского расселения населения — происходит образование все более крупных городов и увеличение доли населения, проживающего в больших городах (рис. 1).

Так, в начале XX в. городское население концентрировалось преимущественно в малых городах. В середине XX в. наблюдается нормальное распределение городов, когда преобладает количество средних и полусредних городов, но прослеживается четкая тенденция сосредоточения населения в крупных городах. А к концу XX в. проявляется следующая ситуация — доля крупных городов невелика, а доля жителей в них максимальна. Причем доля средних городов и жителей в них минимальна, что свидетельствует о сложении в целом не вполне нормальной ситуации в распределе-

¹ Рассчитано по: Население СССР, 1987: Стат. сб. — М., 1986. — С. 10; Демографический ежегодник Казахстана, 1999: Стат. сб. — Алматы, 2000. — С. 6; Население СССР, 1989: Стат. ежегодник. — М., 1989. — С. 8.

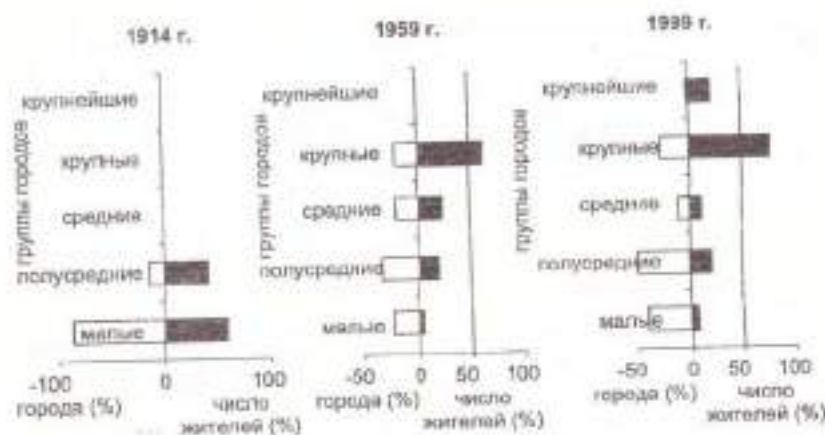

Рис. 1. Структура городского расселения населения Казахстана (малые до 20 тыс. чел., полусредние 20-49,9 тыс. чел., средние 50-99,9 тыс. чел., крупные 100-499,9 тыс. чел., крупнейшие 500 тыс. чел. и более)¹

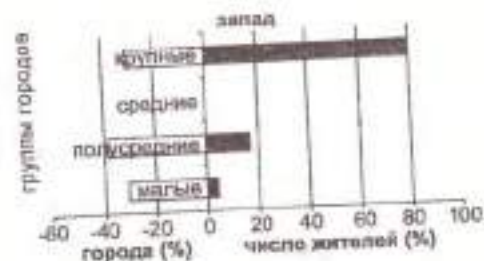
нии городов и жителей в них, а также в развитии системности городов. «Системность» городов предполагает достаточную насыщенность страны городами различных групп (крупных, средних, полусредних, малых), т.е. существует прямо пропорциональная зависимость величины организующих предприятий, расположенных в городе, с его величиной, за исключением крупных городов — областных центров [1, с. 13]. Следовательно, недостаточная развитость средних городов в Казахстане ставит под сомнение существование отлаженной системности городского расселения.

Региональный анализ структуры городского расселения за 1999 г. показал:

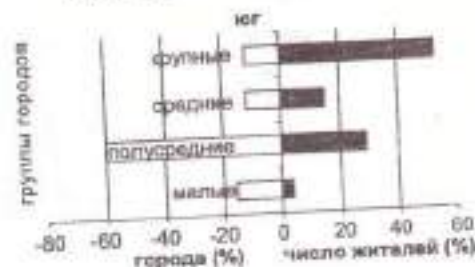

¹ Составлено по: Численность и размещение населения в Республике Казахстан // Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: Стат. сб. — Алматы, 2000. — С. 28-30; Алексеева Н.Б. Историческая демография Казахстана. — Усть-Каменогорск, 2001. — С. 21.

Запад – средние города отсутствуют, по структуре городов нормальное распределение, т.е. преобладает количество полусредних городов, население сосредоточивается в крупных городах.

Юг – нормальное распределение в структуре городов, преобладает количество полусредних и средних городов, проявляется тенденция концентрации населения в крупных городах, но в менее выраженной форме, чем в других регионах Казахстана.

Восток – население сосредоточивается в крупных городах.

Центр – практически равномерное распределение городов, население концентрируется в крупных городах.

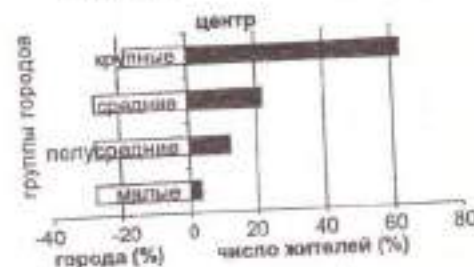

Рис. 2. Структура городского населения по регионам¹

¹ Составлено по: Численность и размещение населения в Республике Казахстан // Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: Стат. сб. – Алматы, 2000. – С. 93-98.

Следовательно, в Северном и Восточном Казахстане фактически оформился классический вариант урбанизированной структуры городского расселения, за исключением развития средних городов. В Западном и Центральном Казахстане – переходная стадия преобразования структуры городов (близкая к классическому типу урбанизации), наблюдается тенденция концентрации населения в крупных городах, за исключением развития средних городов в Западном Казахстане. На Юге Казахстана – переходная стадия преобразования структуры городов, далекая от завершения, но тенденция сосредоточения населения в крупных городах уже ярко проявляется.

Итак, к концу XX в. каждый 13 житель Казахстана и каждый 7 городской житель проживает в единственном крупнейшем городе Казахстана – Алматы, и около 50% всех городских жителей (включая ПГТ) проживают в крупных городах с численностью от 100 до 500 тысяч человек. Что служит ярким свидетельством процесса урбанизации в Казахстане.

Вместе с тем необходимо отметить, что в целом территория Казахстана по мировым стандартам относится к среднеурбанизированной, т.е. доля городского населения в общей численности составляет 50-75%. Соответственно темпы роста численности городского населения, характерные для этого этапа, объективно должны быть самыми высокими по сравнению с другими периодами. В Казахстане же темпы роста сравнительно стабильны и невелики, например, в 1970 г. городское население достигло 50%, а в 2000 г. – лишь 56%. Таким образом, при дальнейшем стабильном развитии ожидать интенсивного изменения направленности в процессе формирования новых, более развитых форм систем городского расселения, таких, например, как городские агломерации, не следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искаков У.М. Города в системе расселения Казахстана (экономико-демографический аспект). – Алматы, 1992. – 216 с.
2. Алексеев А.Н. Население Казахстана 1920-1990 гг. – Алматы, 1993. – 126 с.
3. Токуова Г.Г. Городское население Казахстана в послевоенный период (1946-1989 гг.): социально-демографический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2002. – 135 с.
4. Липс Г.М. География городов. – М., 1957. – 480 с.
5. Хорев Б.С. Проблемы городов (Урбанизация и единая система расселения в СССР). – М., 1975.
6. Герасимов З.И., Бекмаханов Н.Е. Проблемы политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII-XIX вв. (70-80-е гг.) // Вопросы истории и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). – Алматы, 1988. – С. 41.
7. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. – Алматы, 2000. – Т. 3. – С. 512.
8. Симагин Ю.А. Территориальная организация населения. – М., 2004. – С. 112.

9. Численность и размещение населения в Республике Казахстан // Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: Стат. сб. – Алматы, 2000. – С. 28.
10. Народное хозяйство Казахской ССР. – Алма-Ата, 1957. – С. 7.
11. Демографический ежегодник Казахстана: Стат. сб. – Алматы, 2005. – С. 4.

Аксенова В.В.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ В ЕС: УРОКИ ДЛЯ СТРАН СНГ

Проблема нелегальной иммиграции чрезвычайно актуальна для Европейского союза, так же как и для некоторых стран СНГ, прежде всего России, что обусловлено в первую очередь ее огромными масштабами. Хотя точное число нелегальных иммигрантов определить практически невозможно, по предварительным оценкам экспертов ежегодно в ЕС прибывает более полумиллиона «непрощенных гостей». В то же время размеры незаконной миграции в СНГ оцениваются специалистами приблизительно в 10 млн человек, причем от 3,5 до 6 млн нелегальных мигрантов приходится на Россию¹.

В Западной Европе нелегальная иммиграция и занятость довольно широко распространение получили еще в 1960-е годы. По некоторым оценкам, в начале 1970-х годов нелегальные иммигранты составляли до 10% всего иностранного населения региона, и похожий этот показатель в дальнейшем увеличивался. По данным французского Управления международных миграций, в 1991-1998 гг. численность нелегалов в Западной Европе возросла на 60% – с 1,5 до 3 млн человек. По другим оценкам темпы роста были гораздо выше. Так, Международный центр развития миграционной политики в Вене считает, что ежегодный приток нелегалов в страны Европейского союза увеличился в 1993-1999 гг. с примерно 40 до 400 тыс. человек.

Пристальное внимание к проблеме нелегальной иммиграции обусловлено не только ее масштабами, но и связанными с ней угрозами и рисками.

Опрос общественного мнения засвидетельствовал, что прежде всего нелегальная иммиграция бросает вызов в сфере занятости, на рынке труда. Многие местные работодатели и экономические группы предпочи-

тают неквалифицированный дешевый труд так называемых гастарбайтеров, создавая таким образом рынок нелегального труда.

В 1970-90-х гг., когда иммиграционный контроль усиливался практически во всех странах Западной Европы, некоторые секторы их экономик по-прежнему предъявляли спрос на дешевую и бесправную «привозную» рабочую силу. После 1974 г. нелегальный выезд иммигрантов продолжился при участии фирм в таких отраслях, как строительство и общественные работы, услуги, производство одежды, сельское хозяйство.

Спрос на «бесбумажных» иммигрантов является недекларируемым, теневым. И достаточно устойчивым, поскольку на теневую экономику, по некоторым оценкам, приходится в среднем 12% ВВП стран Западной Европы (в Испании – до 20, в Италии – до 30%). Поэтому остановить нелегальную иммиграцию практически невозможно, пока в принимающих государствах существуют «невидимые» зоны хозяйственной деятельности, предлагающие «невидимые» же рабочие места. Подобная ситуация влияет на уровень занятости и оплаты собственных граждан страны, тормозит структурную перестройку хозяйства, технический прогресс, сокращает поступления государственных и местных налогов.

Кроме экономических проблем, нелегальная иммиграция часто связывается с определенными политическими рисками. Наплыв нелегальных иммигрантов подрывает суверенитет, правовую систему, внутреннюю безопасность государства, наносит ущерб его иммиграционной политике и практике, ставит под сомнение его способность контролировать иммиграцию, девальвирует деятельность его компетентных структур. Может сложиться впечатление о бессилии государства. Такое положение обязательно приведет к эскалации неконтролируемой иммиграции.

Нередко нелегальная иммиграция выступает катализатором преступности, особенно контрабанды и трафика людей, наркотиков и оружия. Чтобы рассчитаться с контрабандистами, многие нелегальные иммигранты вынуждены заниматься различными видами криминальной деятельности. Кроме того, в странах Европы, прежде всего в Германии, дает о себе знать также преступность на почве ксенофобии и расизма собственных граждан. Преступниками обычно являются подростки, юноши, часть которых входит либо в праворадикалистские, либо в скинхедовские группировки. Считается, что усиление иммиграции в ЕС приведет к обострению проблемы правового экстремизма среди европейских граждан. В странах Евросоюза существует также проблема политического экстремизма иностранцев, в том числе членство в организациях, цели которых угрожают демократическому порядку, безопасности государства.

Безусловно, все вышеперечисленные проблемы, связанные с неконтролируемой иммиграцией, требуют выработки определенных мер иммиграционной политики, которые позволили бы снизить масштабы нелегальной иммиграции и по возможности предотвратить ее негативные последствия. Но прежде чем приступить к рассмотрению способов реше-

¹ По данным агентства «Интерфакс» за 2004 г. <http://www.sinfo.ru/rumain/focus/news/detail.shtml?id=19320>.

ния проблемы, необходимо выявить ее истоки. Многие западные ученые считают основной причиной нелегальной иммиграции в ЕС не только привлекательность европейских стран в социально-экономическом плане, но и правовые барьеры для легального въезда. Следуя их логике, расширение возможностей законного въезда на территорию стран Евросоюза с учетом их демографических и экономических потребностей могло бы способствовать улучшению ситуации с нелегальной иммиграцией в ЕС. Однако данный подход вряд ли находит поддержку в европейских политических кругах с учетом дальнейшего ужесточения иммиграционной политики, процедуры предоставления политического убежища и ограничения трудовой иммиграции в страны Евросоюза в последние годы.

В целях контроля нелегальной иммиграции в рамках Европейского союза был разработан целый комплекс совместных мер, так называемая стратегия борьбы с незаконной иммиграцией. Наиболее значимым и объемным документом в этом отношении стал «Всеобъемлющий план борьбы с нелегальной иммиграцией и трафиком людей в ЕС», принятый Советом Европейского союза 28 февраля 2002 г. на основе «Зеленой книги» Еврокомиссии. Были определены основные направления деятельности стран Европейского союза в области визовой политики, информационного обмена и анализа, предупредительных мероприятий, по управлению границами, политике реадмиссии и релатриации, деятельности Европола, санкциям в отношении организаторов контрабанды и трафика людей, нелегальных мигрантов, перевозчиков.

Визовая политика. Как известно, она имеет непосредственное отношение к передвижению лиц на внешних границах ЕС и определяется различными обстоятельствами: рисками нелегального въезда, пребывания, трудоустройства, соображениями политики, экономики, культуры, внутренней безопасности, характером взаимоотношений со странами эмиграции и прочее. Способствуя свободному передвижению мигрантов в пределах стран-участниц Шенгенского соглашения, визовая политика в то же время вносит значительный вклад в профилактику нелегальной иммиграции и террора. В отношении трехмесячного пребывания иностранцев визовая политика ЕС носит согласованный характер, поскольку все страны-участницы заинтересованы поддерживать общественный порядок и безопасность, предотвращать различные угрозы и риски. Подтверждение тому – принятый 15 марта 2001 г. регламент Совета ЕС № 539/2001, установивший списки третьих стран, на граждан которых при пересечении внешних границ Евросоюза распространяется визовый или безвизовый режим въезда. Причем Совет потребовал ежегодно обновлять данные списки. Кроме того, в рамках единой визовой политики ЕС предпринимаются меры по усилению защиты документов, дающих право иностранцам и лицам без гражданства на въезд и проживание в странах Европейского союза. В марте 2000 г. Совет ЕС принял решение «Об улучшении информационного обмена по борьбе с поддельной проез-

дных документов». Более того, Совет предложил создать европейскую систему идентификации виз, которая должна включать информацию о личности заявителей на получение виз, их фотографии, биометрические данные и отсканированные проездные документы, что позволит значительно облегчить идентификацию иностранных граждан в случае необходимости и выявление манипуляций с проездными документами. При этом Совет подчеркнул, что данная система должна функционировать в соответствии с положениями по защите персональных данных. В рамках визовой политики Евросоюза предусматривается также углубление сотрудничества заграничных консульских учреждений ЕС. При необходимости возможно создание в некоторых третьих странах общесоюзной структуры по выдаче виз.

Информационный обмен и анализ. В уже упоминавшемся выше «Всеобъемлющем плане борьбы с нелегальной иммиграцией и трафиком людей» Совет ЕС отметил значительное влияние легальной и нелегальной иммиграции на социально-экономическое и политическое развитие стран Евросоюза, подчеркнув при этом невозможность точной оценки масштабов нелегальной иммиграции. Оценивать их можно только на основе таких надежных данных, как число отказов во въезде, число задержаний при попытке нелегального перехода границы и т.д. Тем не менее, отметил Совет, одной статистикой недостаточно для понимания феномена нелегальной иммиграции и подготовки оперативных решений. Требуется углубленный анализ причин нелегальной иммиграции, способов нелегального въезда и последствий для стран ЕС. Особый акцент Совет сделал на необходимости анализа европейского измерения нелегальной иммиграции. В связи с этим Совет потребовал совершенствовать обмен статистической информацией, используя возможности специально созданного центра по информационному обмену «CIREFI».

Предупредительные мероприятия. В этом плане было предложено разработать концепцию использования офицеров связи в странах транзита и происхождения мигрантов, улучшить координацию этой деятельности среди стран ЕС, усилить сотрудничество на пограничных пунктах пропуска в странах происхождения мигрантов, используя опыт, полученный на Балканах. Большое значение при этом имеет финансовая и техническая помощь странам транзита и происхождения иммигрантов, в частности поддержка инфраструктуры по приему беженцев, создание в странах транзита центров приема нелегальных иммигрантов, улучшение защиты документов, борьба с коррупцией, размещение офицеров связи, встречи экспортов, проведение тренингов и семинаров.

Меры по управлению границами ЕС. Подчеркивая значение стандартов пограничного контроля в противодействии нелегальной иммиграции, Совет ЕС неоднократно отмечал, что управление границами не ограничивается исключительно иммиграционными аспектами. Не следует забывать также о других целях – таможенных, безопасности транспорта,

предупреждении ввоза опасных или нелегальных товаров, идентификации лиц, разыскиваемых в целях ареста или экстрадиции по просьбе компетентных судебных властей и прочее. По мнению Совета, все эти элементы необходимо интегрировать в последовательную, ясную стратегию. В связи с этим в последние годы страны ЕС приняли ряд мер по улучшению подготовки кадров пограничного контроля. Полным ходом модернизируется и пополняется материально-техническая база пограничных служб, используются компьютерные и цифровые технологии при проверке документов и транспортных средств, что позволяет более успешно бороться с трансграничной преступностью и нелегальной иммиграцией. В качестве главного условия повышения сотрудничества пограничных служб стран ЕС было принято решение о гармонизации учебных планов и всего процесса обучения кадров пограничных служб. Совет ЕС предложил учитывать возможный вклад в обучение соответствующих кадров европейского полицейского колледжа, а также проводить обмен офицерами связи на основе двусторонних соглашений, взаимного прикомандирования при помощи самого ЕС.

Политика реадмиссии и релатриции. Узловой пункт противодействия ЕС нелегальной иммиграции – сотрудничество с третьими странами, направленное на реализацию следующих целей:

- развитие законодательства этих стран в области легальной иммиграции, в частности в отношении правил допуска, прав, статуса и интеграции иммигрантов, борьбы с ксенофобией и расизмом;
- развитие легальной миграции на основе анализа демографической и социально-экономической ситуации в странах происхождения и приема мигрантов, иммиграционных возможностей стран ЕС, повышения общественного осознания преимуществ легальной и последствий нелегальной миграции;
- проведение в соответствующих третьих странах превентивной политики в борьбе с нелегальной миграцией, включая предотвращение трафика людей;
- усиление в соответствии с международным правом ответственности третьих стран по реадмиссии и реинтеграции собственных граждан, которые нелегально въехали либо пребывали на территории стран-участниц Евросоюза, или лиц, которым было отказано в убежище или международной защите в ЕС.

Принципиальный момент сотрудничества с третьими странами – заключение соглашений реадмиссии. Основные положения таких соглашений Совет ЕС определил еще в 1999 году¹. Подобные соглашения часто заключаются самим Евросоюзом, но существует также практика ассоциированных и двусторонних соглашений государств-членов ЕС с третьими странами, на основе которых осуществляются депортация нелегальных мигрантов.

¹ Bulletin EU 12-1999, Justice and Home Affairs (6/13).

Деятельность Европола. Выявление и ликвидация криминальной сети является высшим приоритетом в противодействии нелегальной иммиграции. При этом огромное значение отводится сотрудничеству полиции и судов в рамках ЕС, и в частности работе Европола. Деятельность Европейской полиции в борьбе с нелегальной иммиграцией заключается в помощи странам ЕС в предупреждении, расследовании и анализе соответствующих преступлений, оценке угроз и рисков. Европол должен обеспечивать оперативную поддержку с помощью разведывательных бюллетеней и аналитической работы, поддерживать совместные расследования и операции. В целях усиления сотрудничества Европейской полицией со странами ЕС она была наделена рядом полномочий:

- способствовать и поддерживать в дальнейшем подготовку, координацию и проведение специфических расследований компетентных властей стран ЕС, включая оперативную деятельность совместных следственных бригад с участием представителей Европола;
- обращаться к компетентным властям стран ЕС с просьбой проводить расследования по специфическим делам и специальную экспертизу в интересах стран, что поможет последним в раскрытии дел по контрабанде и трафику людей;
- по возможности способствовать обзору правоохранительными структурами докладов о подозрительных финансовых сделках, касающихся трафика и контрабанды людей, и обмениваться соответствующей информацией.

Предполагается также заключение соглашений со странами транзита, которые позволят ускорить оперативный обмен информацией между Европолом и соответствующими структурами стран-партнеров.

Санкции в отношении организаторов контрабанды и трафика людей, нелегальных мигрантов, перевозчиков. Рассматривая данный вопрос, Совет ЕС неоднократно подчеркивал, что его решение требует мобилизации всех правовых и практических инструментов, в том числе офицеров связи, юридическую сеть ЕС, особенно Евроюст, Конвенцию о взаимной правовой помощи. Принципиальное значение в борьбе с трафиком и контрабандой людей имеет четкая дефиниция этих понятий. Термины «контрабанда» и «трафик» часто используются в качестве синонимов. Между тем, согласно Конвенции ООН по борьбе с трансграничной организованной преступностью и двух ее протоколов по контрабанде и трафику, «контрабанда» означает пособничество в нелегальном пересечении границы и нелегальном въезде, т.е. она всегда имеет трансграничный характер. Дефиниция понятия «трафик людей» не обязательно содержит этот элемент; основная цель трафика – эксплуатация человека. Трафик может осуществляться при легальном и нелегальном пересечении границы или въезде в страну назначения. Нелегальная иммиграция может также включать аспект трафика, но она касается в целом нелегального въезда и нелегального проживания мигрантов. Нелегальные

иммигранты в более широком смысле, поэтому, не обязательно являются жертвами трафика.

В отношении трафика людей Совет ЕС подчеркивает важность уголовно-правовых аспектов и считает необходимым уделять особое внимание тем его жертвам, которые согласны сотрудничать с правоохранительными органами. Принципиальную позицию Совет Евросоюза занимает в отношении организаторов трафика людей, отмечая при этом важность установления источников финансирования трафика, замораживания денежных средств, конфискации имущества и автотранспорта. Правила конфискации должны включать пункты об ответственности юридических лиц, причастных к подобным преступлениям, например, запрещение заниматься коммерческой деятельностью. Кроме того, организаторы трафика и контрабанды людей, юридические лица должны нести полную ответственность по репатриации нелегальных мигрантов, включая социальные и другие общественные расходы на мигрантов за весь период их нахождения в стране.

Что же касается санкций к перевозчикам, такие меры, как инструмент противодействия нелегальной иммиграции, — обычное явление на национальном уровне стран Евросоюза. Разработана соответствующая нормативно-правовая база, установлены размеры денежных штрафов, определены требования к перевозчикам. Не менее важны меры на союзном уровне. В 2001 г. Совет ЕС принял директиву, обязывающую государства-члены ЕС применять санкции за транспортировку нелегальных иммигрантов. Транспортные компании должны нести реальную ответственность по репатриации иностранцев, которым на законном основании отказано во въезде в ЕС. К тому же, перевозчики обязаны предпринимать все необходимые меры, чтобы иностранцы имели действительные проездные документы. Показательно, что применение штрафных санкций в случае серьезного нарушения перевозчиком своих обязательств не избавляет его от угрозы других санкций, например, конфискации транспортного средства.

Таким образом, страны Европейского союза выходят на новый уровень сотрудничества в области иммиграционной политики, и хотя подобный опыт совместной работы сопряжен с некоторыми трудностями при реализации, он доказал свою эффективность. Стратегия борьбы с нелегальной миграцией признана важнейшим направлением деятельности ЕС, актуальной задачей в сфере юстиции и внутренних дел.

Между тем, анализируя сотрудничество стран СНГ в области миграционной политики, можно сделать следующие выводы. Основными факторами, снижающими эффективность борьбы с незаконной миграцией на региональном уровне, являются несогласованность визовой политики, различие миграционного законодательства, отсутствие электронных региональных баз по различным категориям мигрантов. Наиболее распространенной формой сотрудничества стран СНГ в сфере миграционной политики является заключение двусторонних соглашений, что, безусловно, недостаточно для решения столь сложной проблемы, как нелегальная иммигра-

ция, тем более что не все положения подобных соглашений реализуются на практике. Серьезной причиной слабого взаимодействия на региональном уровне в СНГ является дефицит политической воли и, возможно, недостаточное понимание того, что вообще следует предпринимать в этих целях. Проблема нелегальной иммиграции требует многостороннего подхода и готовности к сотрудничеству со стороны всех заинтересованных государств, выработка последовательной иммиграционной политики и реально действующих механизмов ее реализации, что еще раз подтверждает необходимость реформирования Содружества. В этом смысле опыт Европейского союза мог бы быть весьма полезным для стран СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. A Cooperation Agreement between Commission and Europol. Joint Press Release of the European Commission and Europol — DN-IP/K3/241. — Brussels. — 18 February 2003.
2. Bulletin EU 12-1999, Justice and Home Affairs (6/13).
3. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament in view of the European Council of Thessaloniki: On the Development of the Common Policy on Illegal Immigration, Smuggling and Trafficking of Human Beings. External Borders and the Return of Illegal Residents. — Brussels. — 03.06.2003 COM (2003) 323 final.
4. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament «Integration Migration Issues in the European Union, a Relations with third Countries». — Brussels. — 03.12.2002 COM (2002) 703 final.
5. General Report 2001, Chapter Justice and Home Affairs. — P. 170.
6. Князев В.Г., Кудряков Т.Т. Нелегальная иммиграция в Евросоюзе: Вызовы — ответы. — Бишкек: Илимпресс, 2005. — 176 с.
7. Потемкин Ю.В. Иммиграция в Западную Европу: уроки для России // Восток. — М., 2002. — № 2. — С. 85 — 98.

Алексеев А.Н.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Перепись населения Республики Казахстан, проведенная в 1999 г., зафиксировала негативные демографические итоги первых лет суверенитета. Разное сокращения воспроизводства, огромный миграционный отток привели к значительному сокращению численности населения. Причиной демографического кризиса стали не только явления 1990-х гг., но и те, что имели место на протяжении целого столетия. Формирование

населения Казахстана в XX в., особенно в первой его половине, в значительной мере зависело от миграционных процессов, в которых республика являлась реципиентом. Распад СССР, обретение суверенитета привели к тому, что солидный иммиграционный массив, складывавшийся десятилетиями, стремительно превратился в емкую эмиграционную нишу. Таким образом, в значительной мере демографические процессы конца XX в. определялись внешними факторами.

Прошло шесть лет после переписи 1999 г. Возникает вопрос: долговременны ли демографические тенденции, определившие ход событий в 1990-е г., или в начале XXI в. начали формироваться новые, какова парадигма демографического развития хотя бы в ближайшей перспективе? Прошедших лет, на взгляд автора, вполне достаточно для того, чтобы оценить инерционный потенциал прошлых явлений и увидеть нарождающиеся закономерности.

Как видно из табл. 1, наметилась тенденция некоторого роста численности населения Казахстана (на 0,8% в 1999-2005 гг.). Обращает на себя внимание региональная дифференциация динамики численности населения. Определяется она в первую очередь этническим составом областей. Данная тенденция была характерна и для демографического развития в 1990-е гг. Но в начале XXI в. она выражена намного слабее. Более явственно выделяются зоны социального притяжения (Астана, Алматы, Мангыстауская область), где, как будет показано ниже, концентрация населения происходит не по этническому признаку.

В 1999-2005 гг. в сравнении с периодом 1989-1999 гг. произошли изменения в динамике численности городского и сельского населения. Если в 90-е гг. XX в. городское население сокращалось интенсивнее, чем сельское, то в 1999-2005 гг. число городских жителей увеличилось, а сельский – сократился. Увеличение удельного веса сельского населения и уменьшение городского в 1999 г. объясняется в основном этническим фактором. В период кризиса 1990-х гг. сельское население, представленное в основном казахским этносом, хлынуло в города, жителями которых в основном являлись русские, и не сумело еще компенсировать эмиграцию горожан. К 2005 г. европейский компонент еще более сократился, вследствие чего его влияние на демографические процессы уменьшилось, начался рост городского населения.

Анализ этнического состава населения свидетельствует, что зоны этнического притяжения остались прежними: казахи расселены в основном на юге и западе Казахстана, русские – на северо-востоке (табл. 2)¹.

¹ Регионы выделены по социально-географическому принципу. В состав региона «Юг» входят следующие области: Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская; «Запад» – Актыбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангыстауская; «Восток» – Восточно-Казахстанская; «Центр» – Карагандинская; «Север» – Акмолинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская.

Таблица 1

Численность населения областей и городов республиканского значения Республики Казахстан по данным переписей населения 1989, 1999 гг., текущей статистики 2005 г. (тыс. человек) [1, 2]

	Всё население					В том числе				
	1989	1999	2005	1989	1999	2005	1989	1999	2005	2005
Казахстан	16199,2	14053,1	15074,8	9132,1	8378,8	8914,8	7067,1	6576,3	6490,2	6490,2
Алматинская	1064,4	836,3	747,2	502,4	380,4	352,2	562,0	455,8	385,0	385,0
Актыбинская	732,7	682,6	678,6	316,4	383,7	374,8	338,3	298,9	303,8	303,8
Алматинская	1642,9	1558,5	1589,8	537,0	465,0	474,0	1105,9	1020,6	1115,8	1115,8
Атырауская	424,7	440,3	463,5	256,0	258,1	261,7	168,7	184,2	201,8	201,8
Восточно-Казахстанская	1267,2	1531,0	1442,1	1031,8	880,7	853,4	735,6	631,3	586,7	586,7
Жамбылская	1038,7	960,8	892,1	491,6	450,5	447,4	546,9	532,4	544,7	544,7
Западно-Казахстанская	629,5	616,8	606,5	267,4	251,8	262,5	362,1	365,0	344,0	344,0
Карагандинская	1745,4	1410,2	1331,7	1426,4	1158,9	1116,5	319,1	251,3	215,2	215,2
Костанайская	1223,8	1017,7	907,4	617,9	562,1	486,6	605,9	455,6	408,8	408,8
Кызылординская	574,5	596,2	612,0	345,8	361,0	364,2	228,7	236,2	247,8	247,8
Мангыстауская	324,2	314,7	381,7	287,2	248,8	274,6	37,0	67,8	87,1	87,1
Павлодарская	942,3	807,0	743,8	603,2	511,8	487,8	339,1	286,1	256,0	256,0
Северо-Казахстанская	912,1	726,0	695,9	327,5	274,6	227,4	584,6	451,3	438,5	438,5
Южно-Казахстанская	1623,5	1578,3	2193,5	758,9	729,6	880,7	1084,6	1246,6	1312,8	1312,8
Астана г.а.	281,3	318,3	529,3	281,2	319,3	528,3	0,1	-	-	-
Алматы г.а.	1071,9	1129,4	1209,5	1021,4	1129,4	1209,5	50,5	-	-	-

Таблица 2

Национальный состав населения Республики Казахстан
по данным переписей населения 1989, 1999 гг.,
текущей статистики 2005 г. (тыс. человек) [2, с. 88-93; 4]

	1989		1999		1999 к 1989	2005		2005 к 1999
	чис-ть	%	чис-ть	%		чис-ть	%	
Казахстан	16 199,2	100,0	14 963,1	100,0	92,3	15 074,8	100,0	100,8
казахи	6 496,9	40,1	7 995,0	53,4	122,9	8 725,2	57,9	109,3
русские	6 062,0	37,4	4 479,0	30,0	73,9	4 024,4	26,7	89,8
украинцы	875,7	5,4	547,1	3,7	62,5	458,9	3,1	83,8
немцы	946,9	5,8	353,4	2,4	37,3	226,2	1,5	64,6
татары	320,7	2,0	249,0	1,7	77,6	231,2	1,5	92,8
другие	1 497,0	9,2	1 339,0	9,0	89,4	1 406,9	9,3	105,1
Юз	5 079,6	100,0	5 122,1	100,0	100,8	5 387,4	100,0	105,2
казахи	2 770,6	54,5	3 468,9	67,7	125,2	3 767,9	69,9	108,6
русские	1 110,2	21,9	608,6	11,8	63,0	621,8	11,5	89,0
украинцы	100,0	2,0	37,3	0,7	37,3	26,6	0,5	71,3
немцы	210,8	4,1	96,0	0,7	17,1	23,6	0,5	66,1
татары	75,3	1,5	64,2	1,1	72,0	49,9	0,9	92,1
другие	812,7	16,0	827,1	16,2	101,8	897,5	16,7	108,5
Запад	2 111,1	100,0	2 054,4	100,0	97,3	2 110,4	100,0	102,7
казахи	1 262,3	59,8	1 520,6	74,0	120,5	1 653,0	78,3	108,7
русские	560,3	26,5	373,0	18,2	66,6	317,8	15,1	85,1
украинцы	116,5	5,5	72,4	3,5	62,2	58,6	2,8	80,9
немцы	37,9	1,8	14,0	0,7	36,9	9,5	0,4	67,9
татары	39,7	1,9	27,0	1,3	68,0	24,0	1,1	88,9
другие	94,4	4,5	47,4	2,3	50,2	47,7	2,3	100,6
Восток	1 767,2	100,0	1 531,0	100,0	86,6	1 442,1	100,0	94,2
казахи	687,9	38,9	743,1	48,5	108,0	746,7	51,8	100,5
русские	914,4	51,8	694,7	45,4	76,0	620,1	43,0	89,3
украинцы	35,7	2,0	15,7	1,0	44,0	12,4	0,9	79,0
немцы	66,9	3,8	32,1	2,1	48,0	21,2	1,4	66,0
татары	28,0	1,6	24,5	1,6	87,5	22,7	1,6	92,5
другие	34,3	1,9	20,9	1,4	60,9	19,0	1,3	90,0
Центр	1 745,4	100,0	1 410,2	100,0	80,8	1 391,7	100,0	94,4
казахи	449,6	25,8	529,5	37,5	117,7	551,5	41,4	104,1
русские	817,8	46,9	614,4	43,6	75,1	559,0	41,5	80,0
украинцы	128,5	7,4	78,8	5,6	61,3	67,5	5,1	85,7
немцы	158,2	9,1	57,2	4,1	36,9	40,1	3,0	70,1
татары	52,8	3,0	38,3	2,7	74,4	35,6	2,7	90,6
другие	137,2	7,8	91,0	6,4	66,3	84,1	6,3	92,4
Север	4 142,6	100,0	3 387,0	100,0	81,8	3 003,3	100,0	80,5
казахи	1 021,2	24,6	1 155,2	34,1	113,1	1 158,9	37,8	100,3
русские	1 631,6	45,7	1 458,1	43,1	77,1	1 294,9	41,9	88,1
украинцы	426,4	10,3	302,2	8,9	70,9	255,4	8,4	84,5
немцы	431,4	10,4	194,7	5,7	45,1	117,4	3,8	60,3
татары	60,2	2,2	71,0	2,1	79,7	63,6	2,1	89,9
другие	281,8	6,8	204,8	6,1	72,7	183,9	6,0	85,8

Сокращенная таблица 2

	1989		1999		1999 к 1989	2005		2005 к 1999
	чис-ть	%	чис-ть	%		чис-ть	%	
Астана	261,3	100,0	319,3	100,0	113,5	529,3	100,0	165,8
казахи	49,8	17,7	133,6	41,8	268,3	303,0	57,3	225,8
русские	152,1	54,1	129,5	40,6	85,1	167,8	29,8	121,8
украинцы	26,1	9,3	18,1	5,7	69,3	19,4	3,7	107,2
немцы	18,9	6,7	9,6	3,0	50,8	9,2	1,7	95,8
татары	9,3	3,3	8,3	2,6	89,2	10,7	2,0	123,9
другие	25,1	8,9	20,2	6,3	80,5	29,3	5,5	145,1
Алматы	1 071,9	100,0	1 129,4	100,0	105,4	1 209,5	100,0	107,1
казахи	255,1	23,8	434,4	38,5	170,3	644,5	45,0	125,4
русские	615,4	57,4	510,4	45,2	82,9	469,2	38,9	91,9
украинцы	42,2	3,9	22,8	2,0	54,0	19,0	1,6	83,3
немцы	20,8	1,9	9,4	0,8	45,2	7,0	0,6	74,5
татары	25,5	2,4	24,8	2,2	98,0	24,5	2,0	98,8
другие	113,1	10,6	127,6	11,3	112,8	145,4	12,0	113,9

Подобное расселение сохранится еще долго. Обращает на себя внимание другое – удельный вес и казахов, и русских увеличивается и уменьшается в одних и тех же регионах, то есть зон этнического притяжения не существует. В 1990-е же годы, особенно в первой их половине, довольно четко прослеживалась закономерность: чем выше в регионе удельный вес и темпы роста казахов, тем выше темпы роста выбытия русских [3].

Среднегодовые темпы роста казахского населения в 1999-2005 гг. были в 1,5 раза ниже, чем в 1989-1999 гг. (1,5 и 2,3% соответственно). Среднегодовые темпы сокращения числа русских значительно уменьшились – с 2,6% в 1989-1999 гг. до 1,7% в 1999-2005 гг. При этом наибольшее сокращение интенсивности (в 2,1 раза) наблюдалось в Южном Казахстане, тогда как в 1990-е годы уменьшение русского населения происходило здесь наибольшими темпами (3,71% в 1989-1999 гг. и 1,8% в 1999-2005 гг.).

Таким образом, в начале XXI в. фактор этнической дифференциации прослеживается гораздо слабее, чем в конце века двадцатого. Набирает силу тенденция социальной дифференциации. Население, независимо от национальной принадлежности, концентрируется в регионах большего социального благополучия (особенно ярко это видно на примере Астаны).

Определяет становление новой тенденции внутренняя миграция, затухающая – этнорегиональные различия воспроизводства и этнически выраженные иммиграция (в основном представленная казахами) и эмиграция (представленная в основном европейскими этносами). Рассмотрим основные тенденции воспроизводства населения (табл. 3).

Как видно из табл. 3, естественный прирост за рассматриваемый период существенно увеличился, составив в 2004 г. 8,05 промилле. Произошло это благодаря высокому росту рождаемости, превывшей рост смертности. Столь быстрые темпы роста рождаемости – в основном след-

Таблица 3

Родившиеся, умершие, естественный прирост по национальностям
(на 1000 человек) [2, с. 31]

	Родившиеся		Умершие		Естественный прирост	
	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.
Всё население	14,57	18,19	9,87	10,14	4,70	8,05
казахи	17,77	21,63	6,84	6,53	11,13	15,10
русские	8,84	10,91	14,24	16,02	- 5,40	- 5,11
украинцы	9,56	10,61	21,54	24,80	- 11,98	- 14,19
узбеки	25,55	27,76	6,06	5,77	19,49	21,99
немцы	17,97	18,20	14,50	12,26	3,47	5,94
татары	7,03	11,94	10,03	15,78	- 3,00	- 3,84
уйгуры	16,72	20,81	5,72	6,01	11,00	14,80
корейцы	8,90	13,94	11,02	11,49	- 1,06	2,45
белорусы	8,02	9,70	19,35	22,88	- 11,33	- 13,18
азербайджанцы	23,78	26,62	7,79	8,38	15,99	18,24
турки	11,95	15,11	3,43	3,86	8,52	11,25
другие	14,89	20,48	12,07	12,38	2,82	8,09

стве изменения возрастно-половой структуры населения. В начале XXI в. в репродуктивный возраст вступают многочисленные поколения родившихся в 1980-е гг. XX в. Наиболее перспективная в данном отношении возрастная группа 15-24 года увеличилась в начале 2005 г. в сравнении с 1999 г. на 12,4% или на 325,5 тыс. человек (с 2621476 человек до 2946997). Тенденция увеличения общего коэффициента рождаемости будет существовать не более 10-15 лет, когда поколение 1980-х преодолает 30-летний рубеж (подавляющее большинство рождений осуществляется до тридцатилетнего возраста). В детородный возраст начнет вступать поколение 1990-х гг. В 90-е же годы XX в., как известно, рождаемость была невысокой. Так, если в 1999 г. численность возрастной группы 0-14 лет равнялась 4295692 человек, то в 2005 г. – 3700535 человек или на 13,9% меньше (на 595,2 тыс. человек) [2, с. 7]. Не будут сопутствовать росту общего коэффициента рождаемости и набирающая силу урбанизация, тенденции к сокращению многодетности.

Следует обратить внимание и на то, что во время смены многочисленной репродуктивной когорты на малочисленную произойдут изменения и в верхней части возрастной пирамиды. Значительно увеличится возрастная группа, представителям которой в настоящее время от 40 до 54 лет. Через 10-15 лет данная когорта существенно повысит общий коэффициент смертности в Казахстане. Если в 1999 г. 40-54-летние в РК насчитывалось 2410813 человек, то в 2005 г. – 2918548 человек или на 21,1% больше (507,8 тыс. человек) [2, с. 7]. Впрочем, увеличение доли старших возрастных групп в составе населения проявилось уже и в начале XX в., достаточно обратить внимание на рост общего коэффициента смертности в 2005 г. в сравнении с 1999 г.

Таким образом, тенденция увеличения естественного прироста в начале XXI в. – в основном влияние объективных факторов изменения возрастной структуры населения. И если в настоящее время возрастная структура способствует улучшению демографических показателей, то через 10-15 лет ситуация начнет изменяться в худшую сторону, общий коэффициент рождаемости будет снижаться, общий коэффициент смертности – расти.

Необходимо учитывать и то, что в составе населения РК уменьшилась (в сравнении с 1989, 1999 гг.) доля европейских этносов, демографические показатели которых негативно сказывались на общереспубликанской картине. Другими словами, чем меньше в Казахстане представителей европейских этносов, тем лучше демографические показатели, представленные казахами, узбеками и другими восточными народами.

В настоящее время темпы сокращения европейского населения значительно замедлились, в основном благодаря менее интенсивной эмиграции (табл. 4). Таким образом, данный фактор улучшения демографических показателей не сыграет в перспективе серьезной роли.

Тенденции международной миграции не нуждаются в пространных комментариях. Можно лишь отметить, что постепенно миграция все мень-

Таблица 4

Международные миграции населения Республики Казахстан
в 1999-2004 гг. [2, с. 66, 67]

	1999 – 2004 гг.	В том числе					
		1999	2000	2001	2002	2003	2004
Прибыло из стран СНГ	309871	39461	43460	49932	54206	60781	61831
Беларусь	2214	417	427	383	364	323	300
Кыргызстан	13206	1392	1673	2146	2566	2818	2612
Россия	106045	20719	23841	23497	21758	21565	18565
Туркменистан	16137	1356	2058	2947	3174	3336	3266
Узбекистан	130422	7215	12810	18783	24628	31191	35795
Другие страны	11647	2362	2651	2177	1716	1548	1293
Прибыло из стран вне СНГ	24753	1859	3982	3616	4005	4803	6468
Германия	3797	507	548	599	603	776	764
Китай	7591	145	189	656	1059	2060	3463
Монголия	4762	437	656	407	476	1177	1607
Другие страны	8603	770	2587	1955	1867	770	654
Выбыло из стран СНГ	519482	120240	116707	101008	85317	49280	46929
Беларусь	11631	4656	3265	42	1829	1086	753
Кыргызстан	3743	1110	736	548	564	461	304
Россия	481474	108115	108724	94917	80052	45451	44215
Туркменистан	712	448	85	50	59	39	31
Узбекистан	7199	2269	1277	1032	951	982	676
Другие страны	14703	3642	2620	4420	1832	1241	848

Оформление таблицы 4

	1999 – 2004 г.	В том числе					
		1999	2000	2001	2002	2003	2004
Выбыло из стран СНГ	202587	44707	39042	40701	34906	24630	18601
Германия	187842	40862	36938	38489	32832	22520	17221
Китай	704	5	1	11	159	407	121
Монголия	811	162	207	126	23	43	50
Другие страны	13430	3678	2896	2095	1892	1960	1209
Сальдо миграции со странами СНГ	-209791	-80779	-73247	-51077	-31111	11521	14902
Беларусь	-9417	-4239	-2838	-1957	-1465	-763	-453
Киргизстан	9463	282	937	1597	1982	9367	2308
Россия	-345429	-81396	-84783	-71420	-58294	-23896	-25650
Туркменистан	15425	908	1973	2897	3115	3297	3235
Узбекистан	123223	4948	11533	17751	23967	30209	35117
Другие страны	-3056	-2584	1277	1032	-116	307	346
Сальдо миграции со странами вне СНГ	-177834	-42848	-35060	-37085	-30901	-10827	-12113
Германия	-184045	-40355	-35390	-37870	-32229	-21744	-18457
Китай	6887	140	188	844	900	1673	3342
Монголия	4151	275	451	281	453	1134	1557
Другие страны	-4627	-2908	-309	-140	-25	-890	-565

шее влияние оказывает на динамику численности русских и все большее – казахов. Так, если в 1999 г. рост численности казахов на 97,2% осуществлялся за счет естественного прироста и на 2,8% за счет положительного миграционного сальдо, то в 2004 г. соответственно на 75,1 и 24,9%. Потери русских в 1999 г. на 75,7% обеспечивались отрицательным сальдо миграции и на 24,3% – отрицательным естественным приростом. В 2004 г. соответственно на 58,7 и 41,3%.

Отрицательное сальдо внешней миграции складывалось в основном из миграционных отношений с Россией и Германией, частично компенсируемой иммиграцией, прежде всего, из Узбекистана. Начиная с 2002 г. довольно четко наметилась тенденция снижения интенсивности миграции с Россией и Германией и возрастания – с Узбекистаном. В результате, впервые за многие годы, в 2004 г. в Казахстане сложилось положительное сальдо внешней миграции. Эмиграционный и иммиграционный потоки довольно четко этнически выражены: эмигрируют в основном русские (европейцы в целом), иммигрируют – казахи.

Таким образом, основным итогом демографических процессов в начале XXI в. является то, что население Казахстана начало увеличиваться. Благодаря положительному воздействию возрастано-половой структуры – в молодых возрастах находится большая группа населения, вследствие чего значительно увеличились показатели рождаемости, как и

естественного прироста в целом. Снижение интенсивности эмиграции и увеличение иммиграции впервые за многие годы (с конца 80-х гг. XX в.) привели к положительному сальдо внешней миграции. В результате совместного действия демографических и миграционных явлений произошел рост населения. В то же время необходимо отметить, что период благоприятного воздействия на демографические процессы возрастано-половой структуры вскоре завершится. Анализ же миграционных потоков показывает существенную разницу в качественных характеристиках (уровень образования, профессиональной подготовки и т.п.) эмигрантов и иммигрантов, что может создать препятствие в модернизационном прорыве РК. Данные негативные явления могут проявиться в следующем десятилетии, меры по их нейтрализации необходимо принимать уже сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткие итоги переписи населения 1999 г. в РК. – Алматы, 1999. – С. 6.
2. Демографический ежегодник Казахстана. 2005: Стат. ежегодник. – Алматы, 2005. – С. 76.
3. Алексеев А.Н. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. – М., 1998. – С. 96-113.
4. Национальный состав населения РК // Итоги переписи населения 1999 г. в РК. – Алматы, 2000. – Т. 1. – С. 6-200.

Алексеев Н.В.,
г. Усть-Каменогорск

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Основной зоной военных действий в течение всего периода гражданской войны была Уральская область. В апреле 1918 г. Уральским войсковым правительством из уральских казаков была создана Уральская армия. В состав Уральской армии входили 1-й Уральский казачий корпус, 11-й Илецкий казачий корпус, 3-я Уральская конная дивизия. Уральская армия действовала на широком фронте от северного побережья Каспийского моря восточнее Астрахани, через Александров Гай, Уральск до Елецкого городка. Главное направление было Уральское, где и проходили наиболее ожесточенные сражения.

В результате Уральско-Гурьевской операции (1919-1920 гг.) была освобождена от белогвардейцев Уральская область и Эмбинский нефтеносный район [1, с. 617].

Главными очагами гражданской войны в Семиречье являлись южные станицы, окружавшие г. Верный и северные станицы Колпаевского и

Павловского уездом Семиреченского казачьего войска. Семиреченский облысполком в 1918 г. постановил упразднить Семиреченское казачье войско, ликвидировать все органы казачьего самоуправления, конфисковать офицерские и церковные земли, произвести реквизицию скота и хлеба у кулаков. Все казаки были лишены избирательных прав. Эти действия местных властей вызвали недовольство середняков.

В июне 1918 г. приказом Семиреченского областного военного комиссара для борьбы с белогвардейскими войсками, наступавшими от г. Семипалатинска на г. Сергиполь, был образован Семиреченский фронт Туркестанской республики.

После захвата г. Сергиполя белоказачье движение охватило все северные Семиречья. Большую роль в деле привлечения трудового семиреченского казачества на сторону Советской власти сыграли обращения к казакам ВЦИК и СНК РСФСР, воззвание казачьего отдела ТУРКЦИК и РВС Туркестанского фронта к казакам, находившимся в войсках Анненкова [1, с. 536].

В конце августа 1919 г. в составе войск Котчака было не более 2 тысяч сибирских казаков. Только путем принудительной мобилизации белогвардейскому командованию удалось в сентябре 1919 г. сформировать сибирский казачий корпус (3-4 тысячи человек) [1, с. 546].

Лубны-Герцык Л.И. справедливо отмечает: «Число жертв Гражданской войны не поддается даже приблизительному определению. Урон в армиях обеих сторон должен быть гораздо меньше, чем во внешней войне, значительно более кровопролитной. Но зато в Гражданской войне, несомненно, погибли сотни тысяч мирного населения, особенно в казачьих областях...» [2].

Это заключение в полной мере относится к Казахстану. Литература по истории гражданской войны довольно обширна: сборники документов и воспоминаний, отдельные статьи и монографии [3-6 и др.].

Одним из основных источников демографических последствий гражданской войны является всеобщая перепись населения, проведенная 13 августа 1920 г. по обширной программе, состоявшей из 18 пунктов. Учитывалось наличное население, а в городах также и постоянное.

В Казахстане, в силу недостаточной квалификации кадров и просто нехватки счетчиков на местах, некоторые пункты программы или не были выполнены, или выполнены неудовлетворительно. Так, в общую сводку не вошли сведения, касающиеся пункта «участвовал ли как военнослужащий в войсках: а) 1914-1917 гг., б) 1918-1920 гг.».

В статистической литературе сложилось мнение о том, что перепись 1920 г. не охватила территории Туркестана [7]. Заблуждение, очевидно, вызвано тем, что во введении к «Предварительным итогам переписи населения 20 августа 1920 г.» отмечается, что в распоряжении отдела демографии не имеется сведений по 13 губерниям, в том числе и по 5 областям Туркестана (Семиреченской, Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самар-

кандской и Закаспийской) [8]. Речь шла о задержке сведений, а не о том, что перепись не проводилась.

Материалы демографической переписи по всем губерниям Казахстана, в том числе и по Туркестану, опубликованы [9].

Следующую группу источников составляют изданные в разное время сборники статистических данных и материалов [10-12].

Представленный статистикой цифровой материал неоднороден. Он различается по назначению, представительности, способам получения данных, содержанию и детальности разработки.

Первая мировая и гражданская войны подрывали экономику Казахстана. Ущерб, нанесенный народному хозяйству, колоссален, и определить его более или менее точно невозможно. Урон выразился в сожжении аулов и сел, выгнывании посевов, порче инвентаря, реквизиции скота, продовольствия, фуража и т.д.

Но даже имеющиеся в распоряжении официальные статистические данные свидетельствуют о снижении поголовья всех видов скота, сокращении посевных площадей, падении урожайности, уменьшении валового сбора зерновых (табл. 1).

Таблица 1

Посевные площади, валовый сбор зерновых, урожайность в 1920 г. по сравнению с 1913 г. [12]

Губернии	Во сколько раз (+, -)		
	посевн. площади	валовый сбор зерновых	урожайность
Оренбургская	-1,4	-7,3	-4,8
Актюбинская	+1,3	-4,5	-1,5
Кустанайская	-1,3	-3,8	-3,0
Уральская	-3,7	-15,4	-2,4
Акмолинская	+1,3	-2,7	-3,4
Семипалатинская	-2,2	-3,1	-1,4
Итого:	+1,1	-3,1	-2,2

По республике при небольшом приросте посевных площадей валовый сбор зерновых сократился в 3,1 раза, урожайность – в 2,2 раза. Но суммарный итог преуменьшает размеры бедствия по отдельным регионам. Так, в Оренбургской губернии посевная площадь сократилась в 1,4 раза, валовый сбор зерновых – в 7,3 раза, урожайность – в 4,8 раза. В Уральской губернии соответственно: 3,7; 15,4; 2,4 раза.

Прослеживаются, на первый взгляд, некоторые несоответствия. Так, в Актюбинской, Акмолинской и Семипалатинской губерниях посевные площади за рассматриваемый период увеличились. Увеличение посевных площадей в Акмолинской и Семипалатинской губерниях объясняется тем, что статистические сведения на 1920 г. приведены вместе с данными присоединенных к этим губерниям волостей из Омской, Тюменской и Алтайской губерний, населенных в основном земледельцами. Кроме того, как мы увидим ниже, в Актюбинской и Семипалатинской губерни-

тате победоносного окончания Гражданской войны, когда ушли целые станицы» [20].

В марте 1919 г. директива Оргбюро ЦК РКП(б) была отменена УК РКП(б). Было указано на необходимость привлечения на сторону Советской власти широких слоев трудового казачества. Больше значение для преодоления ошибок имели два обращения ВЦИК и СНК от 14 августа 1919 г. «К казакам всех казачьих войск» и «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» [1, с. 248]. Во втором обращении ВЦИК и СНК подчеркивалось: «...не подлежит уменьшению или ограничению земельное хозяйство трудового казачества. Недостаточное и беднейшее казачество должно быть дополнительно наделено из земель войскового запаса и земель частного владения казачьего офицерства и чиновничества» [1, с. 248].

С середины 1919 г. все перебежавшие казаки были отпущены, возвращено конфискованное имущество. В ответ на это, как свидетельствуют приведенные М. Сдыковым документы, «поднялось казачье восстание. Отступая, казаки опустошали область, истребляли ... пленных. В Лбищенске расстреляно полторы тысячи больных и пленных красноармейцев, столько же в Бударине, сотни в других местах... борьба приняла неслыханно жестокий характер» [16, с. 176]. Последовала ответная реакция красноармейцев. «Озлобление дошло до такого высокого размера, что отступающие части до основания разрушили все станицы, начиная от Сахарной до форпоста Мергеновской» [16, с. 176].

В декабре 1919 г. командующий Восточным фронтом М.В. Фрунзе в обращении «К Уральскому казачеству» призвал их возвращаться в свои станицы. Часть казаков вернулась. Все перебежчики и пленные поступали в концентрационные лагеря. Контрреволюционно настроенных выселяли из области, «малосознательных и колеблющихся» направляли на работы «впредь до минования обстоятельств военного времени». Какой-то части возвращали имущество и дома. В казачьи станицы начали везти прибывших из центральных губерний переселенцев [16, с. 176].

За годы мировой и гражданской войн сократилась численность городского населения, снизился его удельный вес. На сопоставимой территории (без Оренбургской губернии) удельный вес городского населения уменьшился с 7,9% в 1914 г. до 6,4% в 1920 г.

Прямыми статистическими данными относительно национального состава населения губерний, вошедших в 1920 г. в состав КАССР, на 1917 г. мы не располагаем. По материалам «Обзоров» областей и Переселенческого управления автором в свое время была сделана попытка реконструкции национального состава населения на 1914 г. [21]. Представляется, что больших изменений в относительной численности этносов, населявших Казахстан в годы Первой мировой войны, не произошло. Считаем возможным сопоставление относительных величин дореволюционных областей Степного Казахстана, а именно они составляли основной

«остяк» КАССР, с показателями 1920 г. Оговоримся, из-за малой достоверности источников выделить украинское и белорусское население на 1914 г. не представилось возможным, поэтому оно включено в состав русского. Для сопоставимости мы включили эти этносы в состав русского населения и на 1920 г. (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительный анализ численности этносов в 1914 и 1920 гг.

Этносы	% ко всему населению		
	1914	1920	1920 к 1914
Казаки	53,7	48,6	-7,1
Русские	42,0	48,2	+6,2
Татары	1,7	2,5	+0,8
Немцы	1,0	1,3	+0,3
Мордва	0,6	0,7	+0,1
Поляки	0,2	0,1	-0,1
Прочие	0,8	0,6	-0,2

Снижение доли казахского населения объясняется, наряду с потерями в мировой и гражданской войнах, введением в состав КАССР Оренбургской губернии, волостей Алтайской, Омской, Тюменской губерний, населенных преимущественно русскими и украинцами. Так, население Оренбургской губернии в общей численности населения республики составляло 15,4%, русские и украинцы составляли в ней 86,7%. Это обстоятельство существенно повлияло на увеличение доли русских в общей численности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. - М., 1983.
2. Лубин-Герды Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революций. - М., 1926. - С. 31.
3. Из истории Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане: Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата, 1962. - Т. 13.
4. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. - Алма-Ата, 1963-1969. - Т. 1-2.
5. Покровский С.Н. Разгром иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918-1920 гг.). - Алма-Ата, 1967.
6. Базанова Ф.Н. Формирование национального состава населения Казахстана в годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства // Вестник АН КазССР. - 1979. - № 1.
7. Павлов Г.А. Советские переписи населения (1920-1959 гг.) // Советская статистика за полвека (1917-1967 гг.). - М., 1972. - С. 9.
8. Труды ЦСУ. - М., 1921. - Вып. 3. - Т. 1. - С. 3.
9. Перепись населения Туркестанской республики. - Ташкент, 1922-1924. - Вып. 1-5.
10. Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической республики. - Оренбург, 1923.

11. Сельское хозяйство Киргизской Советской Социалистической республики в 1923 г. Западная Киргизия. – Оренбург, 1924. – Вып. 1.
12. Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожае по КСФСР с 1880 по 1922 гг. – Оренбург, 1925.
13. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период: Сб. док. и матер. – Алма-Ата, 1962. – С. 24-25.
14. Биллетень Туркхеспублики. – 1921. – № 3-4 (без данных по Ташкентскому уезду).
15. Отчет о деятельности Туркестанского экономического совещания за февраль-октябрь 1921 г. – Ташкент, 1922. – С. 44.
16. Срыков М.Н. История населения Западного Казахстана (XVIII – начало XX в.). – Алматы, 2004. – С. 179.
17. Казахская ССР. Краткая энциклопедия. – Алма-Ата, 1965. – Т. 1. – С. 70.
18. Петров В.И. Метеорологические «сердце» Азии. Символы: Краткая история народных движений и воспоминания. – М., 2003. – С. 325.
19. Известия ЦК КПСС. – 1999. – № 5. – С. 177-178.
20. Ленин В.И. ПСС. – Т. 42. – С. 111-112.
21. Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана. – Алма-Ата, 1981. – С. 85.

Анисимова И.В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛЪАГАЧСКОЙ СТЕПИ В НАЧАЛЕ XX в. (по материалам статистического обследования Бельагачской степи Змеиногорского уезда 1908 г.)

В конце XIX – начале XX в. перед администрацией Алтайского округа актуализировался вопрос о землеустройстве казахов, проживающих на его территории. Неоднократно на протяжении 90-х гг. XIX в. правлением Алтайского округа рассматривались прошения казахов Бельагачской волости Семипалатинского уезда о разрешении им основать оседлое поселение в Бельагачской степи. Казахам предполагалось отвести земли в размере 60000 десятин в Ремовской степи. Казахские представители, найдя недостаточной выделяемую площадь и неудачными границы для пользования сенокосами, ходатайствовали об увеличении земельных площадей и предоставлении возможности пользоваться землями по обе стороны Шульбинского бора (место земель в Ремовской степи).

В марте 1896 г. начальник Алтайского округа В.К. Болдырев в связи с тем, что «местные условия арендного хозяйства значительно изменились» [1], вновь обратился к рассмотрению казахских прошений. По его мнению, предоставление казахам земель по обе стороны Шульбинского бора «в настоящее время... в интересах Кабинета Е.В. нерационально...», так

как при перегоне своего скота через бор казахи будут наносить существенный вред лесным угодьям, поэтому выделение казахам земель может быть допущено только на одной стороне бора в Бельагачской степи. Площадь выделяемых угодий увеличивалась до 94 тыс. десятин, при этом четко обозначались границы выделяемого участка. В своем рапорте в Кабинет В.К. Болдырев указывал, что арендный доход со всей площади в настоящее время, т.е. к 1896 г. составлял всего 3000 руб., а при выделении казахам земель в арендное пользование сборы возрастут до 8523 руб. 50 коп [2].

В декабре 1898 г. вопрос о землеустройстве казахов был поднят Степным генерал-губернатором, который обращался к министру Императорского двора с просьбой о предоставлении казахам, проживающим на землях Кабинета в районе Бельагачской степи, права бессроного пользования этими землями с обложением их определенной арендной платой. По мнению министра Императорского двора, предоставить земельные угодья казахам можно лишь на условиях краткосрочного арендного пользования [3]. Для вынесения более точного заключения по столь важному вопросу была отмечена необходимость проведения статистического исследования казахского населения Алтайского округа, в том числе и Бельагачской степи. В результате были собраны сведения по состоянию на 1900 г.

Данные о казахском населении, проживавшем на землях, находившихся в непосредственном расположении Кабинета, и приписанном к Бельагачской волости Семипалатинского уезда, предоставленные управляющим Локтевским имением, показали, что в «разбитом» районе Бельагачской степи в пределах Семипалатинского уезда насчитывалось 735 кибиток, а наличное казахское население составляло 3843 чел. об.л. (2086 чел. м.л. и 1757 чел. ж.л.) В 1900 г. в арендном пользовании у 467 казахов по контрактам находилось 31807 дес. земли, размеры арендной платы за которую составляли 14863 руб. 70 коп. Кроме того, казахами было арендовано 500 дес. выгона.

В «неразбитом» районе Бельагачской и Коростелевской степи, в пределах Шелковниковской волости Змеиногорского уезда кочевало 474 кибитки, население которых составляло 1344 чел. м.л. и 1123 чел. ж.л., занимаемая площадь земли приблизительно в 100000 десятин. В «неразбитом» районе Ремовской степи в Локтевской волости Змеиногорского уезда была зафиксирована 231 кибитка с населением 626 чел. м.л. и 575 чел. ж.л., которые занимали 20000 десятин. Всего в пределах Локтевского имения на свободных землях проживало 7511 казахов об.л., которые составляли 1440 кибиток. В крестьянских селениях казахи в количестве 1010 чел. об.л. проживали в основном в качестве пастухов.

В 1907 г. начальник Алтайского округа И.А. Ульрих представил в Кабинет программу обследования, которая предполагала «привести в известность число всех киргизских хозяйств и территорию, занимаемую ими на Купундинской степи, определить норму земельных наделов для киргиз и

выяснить землепользование там оседлого населения» [4]. Данная программа была одобрена и расширена Кабинетом, кроме исследования Кулундинской степи было решено произвести обследование и Бельгагачской степи. По окончании фактического обследования все свободные земли как Кулундинской, так и Бельгагачской степи предполагалось включить в колонизационный фонд. Кроме того, отмечалась необходимость определения неудобных для поселения земель в данном районе. Это было связано с развитием приоритетного направления экономической жизни округа – разведением тонкорунного овцеводства.

Составление программы исследования Бельгагачской степи началось уже в 1906 г. Заведующий статотделом округа в своем докладе «Об исследовании землепользования и быта бельгагачских киргиз» говорил о возможных сложностях исследования. В частности, он отмечал, казахи занимают территорию, разбросанную в различных местах степи. При этом не везде определены границы отрубов, так как арендная плата вносится казахами частью подоспитно, частью с головы скота. Ни казахские, ни русские участки не нанесены на карту, что также приведет к затруднениям в определении количества занятой казахами земли. Сложности возникнут и при определении численности казахского населения, проживающего на арендованных землях, так как, по мнению заведующего статотделом, «одна часть населения уже перешла к оседлому образу жизни, а другая часть придерживается кочевого» [5].

Кроме того, в докладе отмечалось, что некоторые казахские кибитко-владельцы Бельгагачской степи высказывали намерение переселиться в Кулундинскую степь «из виду стеснения пастбищ». Некоторые районы Бельгагачской степи были арендованы овцеводами, однако часть казахских кочевий осталась в пределах арендованного района, эти казахи также требовали решения вопроса о землеустройстве [6].

Данные статистического обследования Бельгагачской степи, произведенного в 1908 г., рассматривали казахское население, проживающее в трех степях района: Ремовской, Коростелевской, Бельгагачской [7].

Бельгагачская степь издавна привлекала к себе и казахское и русское население, все это обширное пространство представляло собой «великолепное пастбище с большим запасом пресной воды, нужной для водопоя скота» [7, с. 9].

На протяжении всего XIX в. казахи перекочевывали из-за Иртыша в Бельгагачскую степь со своими стадами в поисках пропитания для скота, часть из них переходили к ведению земледельческого хозяйства, основывали свои поселки или проживали совместно с русскими. Уже к середине XIX в. в Бельгагачской степи были образованы русские поселения. Немецкие поселки появились на Бельгагаче в конце 90-х гг. XIX в. Небольшой процент составляло и татарское население. В процессе исследования татарское население учитывалось в одной группе с русскими. К мо-

менту исследования все калачное население трех степей составляло 17636 чел. об.п. (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения степей, распределение по национальностям и половой состав [7, с. 128-129]

Национальность	Население Бельгагачской степи в 1908 г.				
	число хозяйств	м.п.	ж.п.	всего	всего в %
Русские и татары	672	3166	2997	6163	34,9
Немцы	510	1600	1424	3024	17,2
Казахи	1508	4595	3854	8449	47,9
Всего	2690	9361	8276	17636	100,0

Казахи занимали первое по численности место, численность казахского населения составила 8449 чел. об.п. (4595 чел. м.п. и 3854 чел. ж.п.) или 47,9% от общего числа.

В начале XX в. Бельгагачская степь оставалась одним из важных районов переселения казахов из-за Иртыша в пределы Томской губернии. На территории трех исследуемых степей, кроме казахов Бельгагачской волости в количестве 1128 хозяйств, постоянно располагались 380 хозяйств (или 25,2% общего казахского населения) – казахов, пришедших из других волостей и уездов. В среднем на одно казахское хозяйство приходилось 5,6 чел. об.п. (3 чел. м.п. и 2,6 ж.п.). Наибольшее число казахов, проживающих в Бельгагачской степи, принадлежало к родам тобыкты, каракесек, найман и кирей (табл. 2).

Таблица 2

Распределение казахского населения по родам

Название степи	Число хозяйств	Название рода						
		тобыкты	найман	кирей	каракесек	чалак-кзыл	уак	саян
Коростелевская	323	147	49	42	33	16	33	1
Ремовская	289	82	13	153	26	1	7	7
Бельгагачская	898	304	143	19	234	17	36	7
Всего	1508	533	205	214	293	34	76	15

Данные исследования свидетельствовали о важном изменении в организации казахского хозяйства. Значительно вырос процент оседлости. Из зарегистрированных 1508 хозяйств кочевыми оставались лишь 155 хозяйств. Наибольшее число кочевых хозяйств располагалось в Коростелевской степи (117 хозяйств или 36,2%). Число не кочующих хозяйств в трех обследованных степях составляло 89,7%. Свой переход к земледельческому хозяйству сами казахи объясняли увеличением населения в степях и, как следствие, сокращением пастбищных площадей и сокращением поголовья стад (табл. 3).

Земледелие было основным занятием населения Бельгагачской степи. У казахского населения под посевами зерновых культур было занято 9200,85 дес. (28% общей посевной площади). В среднем на одно хозяйство

Таблица 3

Процент оседлости казахских хозяйств в Бельгагачской степи

Название степи	Число хозяйств (в %)		
	всего	кочующих	оседлых
Ремовская	100,0	1,4	98,6
Бельгагачская	100,0	3,8	96,2
Коростелевская	100,0	36,2	63,8
Всего:	100,0	10,3	89,7

хозяйство приходилось 6,6 дес. посеваемой площади. Среди выращиваемых культур на первом месте находилась пшеница (71,8%), площади посева овса были значительно меньше (24,8%). Из 1508 казахских хозяйств 122 (8,1%) не имели посевов.

Вторым главным промыслом населения, проживающего в Бельгагачской степи, являлось скотоводство. Наличие в хозяйстве скота является важной характеристикой экономической жизни казахского населения. В среднем на одно казахское хозяйство приходилось 13,8 головы скота¹. В структуре казахского стада преобладали лошади – 41,3%, высокая была доля и крупного рогатого скота – 34,5%, мелкий скот составлял 23,7%. У казахского населения наблюдался самый высокий показатель обеспеченности хозяйств лошадьми и мелким скотом. У немцев лошади в структуре стада составляли 33,6%, у русского населения – 32,8%, мелкий скот соответственно 9,1 и 21,1%. Однако по количеству крупного рогатого скота казахи значительно уступали и немцам (57,3%), и русским (46,1%). Наличие в стаде верблюдов являлось отличительной особенностью казахского хозяйства, но обеспеченность казахского населения верблюдами была очень низкой (71 голова или 0,3%). Как отмечалось в исследовании, все зарегистрированные верблюды были приведены из-за Иртыша в качестве свадебных и иных подарков, в Бельгагачской степи они не разводились [7, с. 22]. Процент казахских хозяйств, не имеющих скота, незначителен (0,7%).

Таким образом, статистическое обследование казахского населения Бельгагачской степи выявило ряд важных характеристик. Казахское население представляло в Бельгагачской степи численное большинство. Из трех степей Бельгагачского района основное число казахских хозяйств было сосредоточено в Бельгагачской степи, затем шли Коростелевская и Ремовская степи. Важно отметить, что исследование показало высокий процент оседлости казахского населения. Более 90% казахских хозяйств занимались земледелием. В структуре казахского стада основное значение традиционно занимала лошадь, но увеличивалась доля и крупного рогатого скота.

¹ При подсчете применялась схема, используемая в статистическом исследовании, скот был переведен на единицу крупного скота следующим образом: 1 лошадь равна 1 корове, 1 верблюду, 2 телятам или жеребяткам до 1 года и 5 головам мелкого скота.

Результаты статистического исследования позволили охарактеризовать социально-экономическое положение и демографические показатели населения Бельгагачского района. Материалы исследования имели важное практическое значение. Они были использованы для организации управления Бельгагачской степью, создания и включения административных единиц с большинством казахского населения в систему налогообложения и административно-территориальную структуру Российской империи. Летом 1908 г. в Бельгагачской степи были образованы различные участки размером от 10 до 15 десятин земли, более 80% казахского населения степи высказалось за получение земельного надела. Зимой 1908-1909 гг. во всех поселках, как русских, так и казахских, были организованы сельские общества с выбором должностных лиц. Население Бельгагачской степи представляло из себя две юридически отличающиеся группы: казахов и других национальностей (русских, немцев, татар), в связи с этим было образовано две волости: русская – Ново-Псковская и казахская – Каяндынская, которая впоследствии вошла в состав КазАССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее ЦХАФ АК). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 806. – Л. 25.
2. Там же. – Л. 26.
3. ЦХАФ АК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 133-134.
4. ЦХАФ АК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 3330. – Л. 14.
5. ЦХАФ АК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 5873. – Л. 1-5.
6. ЦХАФ АК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 2770. – Л. 28-53.
7. Итоги статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии. – Барнаул, 1909.

Аубакирова Ж.С.

Восточный гуманитарный институт, г. Усть-Каменогорск

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОНЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Необходимость применения демографического районирования в изучении региональных особенностей демографических процессов в Казахстане неоднократно обсуждалась в научной литературе. И связано это прежде всего с тем, что региональная специфика в Казахстане настолько существенна, что говорить о демографической ситуации в целом для республики не всегда целесообразно. Назрела необходимость создания региональ-

ных демографических программ, что позволит внедрить объективную, качественную и результативную демографическую политику государства.

Осуществление демографического районирования было произведено с помощью метода кластерного анализа, который позволил выделить специфику каждого типа. Основу данного метода составили признаки, положенные в основу ранжирования.

Мы исходим из того, что одной из главных демографических характеристик населения республики является его этнический состав. Казахское общество отличается полиэтничностью при абсолютной выраженности биэтнической структуры населения, когда из более 130 этносов численно преобладающими являются два — казахский и русский. Поэтому одним из главных признаков классификации будет являться удельный вес двух этносов в структуре населения. Значение этого признака возрастает в связи с тем, что современные демографические процессы в республике характеризуются высокой этнической обусловленностью, т.е. всю региональную специфику демографического развития Казахстана дает его этнический состав и тип его расселения.

В связи с этим следующим важным признаком, существенного воздействующим на демографические характеристики населения республики, является тип его расселения. Различия в уровне урбанизации через особенности городского и сельского образа жизни сказываются на темпах воспроизводства населения и его возрастно-половой структуре [1, с. 81]. Удельный вес городского населения в объектах будет выступать третьим признаком кластеризации.

В процессах воспроизводства населения также важную роль играет его возрастная структура. Возрастная структура населения находится в тесном взаимодействии со всеми демографическими процессами и оказывает активное влияние на величину многих демографических показателей. Увеличение удельного веса пожилых и старых людей приводит к демографическому старению населения, наиболее тяжелому по своим последствиям демографическому процессу. Демографическое старение обусловлено длительными изменениями в характере воспроизводства населения. Согласно международным критериям, население с демографической точки зрения считается старым, если удельный вес лиц старше 65 лет в возрастном составе населения превышает 7%. Если данный показатель находится на уровне от 4 до 7%, то население считается на пороге старости; ниже 4% — молодое население. Темпы и степень выраженности демографического старения в регионах Казахстана являются неравномерными. Они тесно связаны с этническим составом населения республики и другими характеристиками и существенно влияют на процессы воспроизводства населения. Исходя из этого, четвертым признаком, выступающим в качестве показателя кластер-анализа, является удельный вес возрастной группы старше 65 лет.

На режим воспроизводства населения влияет и количество женщин фертильного возраста. Периодом, в котором женщина способна к деторождению, является возраст от 15 до 49 лет. В международной практике учитывается количество женщин от 15 до 44 лет, так как доля женщин 45–49 лет, участвующих активно в процессах деторождения, является незначительной и существенно не влияет на процессы воспроизводства. Пятый признак кластеризации — удельный вес женщин в возрасте от 15 до 44 лет.

Как было уже обозначено, целью демографического районирования является выявление специфики региональных различий в режимах воспроизводства населения. Главными процессами, влияющими на постоянное возобновление народонаселения, являются рождаемость и смертность населения. Наилучшим показателем рождаемости является суммарный коэффициент, который обобщает и соединяет в себе достоинства целой системы показателей рождаемости. Его величина одним числом позволяет оценить состояние уровня рождаемости с позиций обеспечения им воспроизводства населения. Для такой оценки достаточно помнить критическое пороговое значение суммарного коэффициента рождаемости, соответствующее уровню простого воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости более 4,0 считается высоким, менее 2,15 — низким, формирующим суженный тип воспроизводства населения. 2,15 — уровень, необходимый для простого замещения поколений. Кроме того, разделив фактический суммарный коэффициент рождаемости на его критическое значение 2,15, можно установить, на сколько процентов данный уровень рождаемости воспроизводит население. Следовательно, следующим показателем, положенным в основу кластер-анализа, является суммарный коэффициент рождаемости.

Следующим признаком, положенным в основу дифференциации, является общий коэффициент смертности населения. Несмотря на то, что данный показатель зависит от изменений возрастной и половой структуры населения, его динамика за ряд лет позволяет судить об изменении общего уровня смертности и в то же время выявляет региональные различия в процессах смертности и воспроизводства населения.

Абсолютная величина разности между числом родившихся и умерших за определенный интервал времени дает естественный прирост населения. Показатель естественного прироста населения является неотъемлемым и важным в демографическом анализе.

Поскольку на процессы воспроизводства населения немалую роль оказывает влияние его брачная структура, то последними признаками кластер-анализа выступили общие коэффициенты брачности и разводимости в объектах исследования. Таким образом, признаками районирования выступили те демографические показатели, которые непосредственно влияют на процессы воспроизводства населения и позволяют выявить их региональную специфику (табл. 1).

Итак, основные параметры, которые были положены в основу кластерного анализа:

Признаки для кластер-анализа, положенные в основу районирования 1999 г. (составлено по [2])

Области	Суммарный коэффициент рождаемости 2000 г.	Удельный вес городского населения (%)	Удельный вес возрастной группы 15-44 лет (%)	Удельный вес возрастной группы старше 65 лет (%)	Удельный вес казахского населения (%)	Удельный вес русского населения (%)	Общий коэффициент естественного прироста (%)	Общий коэффициент брачности (%)	Общий коэффициент разводимости (%)	Общий коэффициент смертности (%)
Северо-Восточная этнодемографическая зона										
Акмолинская	1,7	45,5	45,1	7,2	29,8	49,9	0,3	5,5	1,8	11,4
Восточно-Казахстанская	1,4	58,2	45,4	8,7	46,5	45,4	-1,2	5,4	2,2	12,1
Костанайская	1,4	54,2	45,7	7,9	30,9	42,3	-0,7	5,7	2,2	11,4
Северо-Казахстанская	1,4	37,6	44,2	8,7	37,5	39,4	-1,2	5,1	1,5	12,0
Центральная этнодемографическая зона										
Карагандинская	1,4	82,2	45,8	7,4	37,5	43,6	0,3	5,8	2,1	11,6
Павлодарская	1,3	53,4	47,5	6,8	38,5	41,9	0,4	6,3	2,5	10,5
Южная этнодемографическая зона										
Южно-Казахстанская	2,9	36,9	45,9	4,5	67,8	8,2	15,8	5,5	0,8	6,8
Кызылординская	2,7	60,5	46,9	4,0	94,2	2,9	13,9	6,5	1,2	7,4
Атырауская	2,3	58,2	46,8	5,5	89,0	3,6	9,4	6,7	1,2	6,1
Юго-Западная этнодемографическая зона										
Актюбинская	1,7	56,2	47,5	5,9	70,7	16,7	4,1	5,5	1,8	9,3
Алматынская	1,9	20,8	46,4	6,3	59,4	21,6	5,5	5,8	1,4	8,7
Жамбылская	2,0	46,2	46,8	5,8	64,8	18,1	7,3	5,1	1,0	8,3
Западно-Казахстанская	1,6	40,8	45,9	7,2	64,7	28,2	0,9	6,1	1,2	10,6
Западная этнодемографическая зона										
Мангистауская	2,1	75,4	48,4	3,5	78,7	14,8	11,4	7,3	2,3	7,3

— число объектов; количество областей в республике — 14;
— число признаков — 10;

- удельный вес казахского населения (%);
- удельный вес русского населения (%);
- удельный вес городского населения (%);
- удельный вес возрастной группы старше 65 лет (%);
- удельный вес возрастной группы женщин 15-44 лет (%);
- общий коэффициент естественного прироста населения (‰);
- общий коэффициент смертности (‰);
- суммарный коэффициент рождаемости;
- общий коэффициент брачности (‰);
- общий коэффициент разводимости (‰).

Демографическое районирование 1999 г. с помощью компьютерной программы Fuzzy class выделило на территории Казахстана пять кластеров. Своеобразие демографического развития регионов настолько существенно, что можно один класс определить как класс, тяготеющий по типу своего демографического развития к среднереспубликанскому (Юго-Западная этнодемографическая зона). В ее состав вошли Актюбинская, Алматынская, Жамбылская и Западно-Казахстанская области. Следующие два класса отличаются благополучными демографическими характеристиками (Южная и Западная этнодемографические зоны). В состав Южной зоны вошли Южно-Казахстанская, Атырауская и Кызылординская области. Западную зону составила одна Мангистауская область. Остальные два класса можно охарактеризовать как кризисные с негативными демографическими характеристиками (Северо-Восточная и Центральная этнодемографические зоны). Состав Центральной зоны определили Карагандинская и Павлодарская области.

Анализ демографических показателей на 2004 г. подтверждает полученные результаты демографического районирования 1999 г. (табл. 2). Так, наиболее «худшие» демографические показатели остаются характерными для двух кластеров: Северо-Восточной и Центральной этнодемографических зон.

Остановимся на характеристике Северо-Восточной зоны, в состав которой кроме Акмолинской, Северо-Казахстанской, Костанайской областей входит наша Восточно-Казахстанская область.

В целом в данном кластере на 1999 г. выделился низкий удельный вес казахского населения — 36,6% (ниже среднереспубликанского в 1,6 раза), соответственно русского населения — 44,2% (выше среднереспубликанского также в 1,6 раза). Показатель урбанизированности населения ниже, чем по республике. Близкий к среднему контингент женского репродуктивного населения (45,1%). Данный объект отличил самый высокий уровень возрастной группы старше 65 лет. Этот показатель составлял 8,1%, что является выше в 1,3 раза, чем в среднем по совокупности. В этих областях живет самое «старое» население республики. Соответственно, естественный прирост населения носит отрицательный показатель (-0,1‰) и является

Чем выше квалификация трудящегося-мигранта, тем выше эта цифра. Мировой опыт подтверждает тот факт, что эффективно регулируемая стимулируемая государством трудовая миграция способна приносить странам-экспортерам рабочей силы ощутимую экономическую выгоду.

В настоящее время Беларусь уделяет большое внимание интеграции в международный рынок труда, принятию межправительственных соглашений в области обмена рабочей силой и защиты прав трудящихся-мигрантов. Такие соглашения подписаны с Россией, Молдовой, Украиной, Казахстаном, Арменией, Литвой, Польшей.

В Совете Министров Республики Беларусь обсуждается вопрос принятия соглашений по обмену рабочей силой с рядом стран Европейского Союза, такими как Чехия, Словакия, Германия.

Однако государства Европейского Союза (ЕС), стремясь защитить свой внутренний рынок труда, ужесточили иммиграционную политику, визовый режим, пограничный и таможенный контроль.

Правительства стран ЕС приняли так называемый Амстердамский договор, который определяет приоритет предоставления вакантных рабочих мест гражданам своих государств и стран-участниц Европейского Союза, а затем — гражданам ассоциированных государств. Допуск иностранной рабочей силы возможен в тех случаях, когда вакантные места не заняты гражданами этих стран. Странам СНГ рекомендовано осваивать восточный рынок труда.

Но потребности экономики, быстро происходящее старение населения многих европейских стран, несомненно, повлекут в недалеком будущем существенные изменения в миграционной политике.

В этих условиях белорусское правительство поддерживает стремление государственных и коммерческих структур самостоятельно выйти на международный рынок труда и заняться трудоустройством белорусских граждан за рубежом.

Чтобы придать этой работе упорядоченный, цивилизованный характер, в Республике Беларусь активно ведется разработка миграционного законодательства, регулирующего трудовую миграцию. В июне 1993 г. был принят Закон Республики Беларусь «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь». Данный Закон гарантирует в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и другими общепризнанными международно-правовыми актами обеспечение права гражданина Республики Беларусь свободно покидать свою страну и возвращаться в нее; регулирует порядок оформления документов для выезда за границу и въезда в Республику Беларусь. В декабре 1993 г. Советом Министров был принят Закон «О мерах по регулированию внешней трудовой миграции», где определены основные требования к органам государственного управления, субъектам хозяйствования независимо от форм собственности, занимающимся трудоустройством граждан Республики Беларусь за границей и привлече-

нием иностранных граждан в республику для работы на ее территории [1]. В этих целях был разработан и в июне 1998 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции». В соответствии с этим Законом разработано Положение о порядке лицензирования деятельности как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей, занимающихся трудоустройством белорусских граждан за границей и привлекающих в республику иностранную рабочую силу.

И все же в республике есть так называемые лжепредприниматели, которые из корыстных побуждений могут ввести в заблуждение или обманом путем завладеть денежными средствами своих клиентов. Для того чтобы подобные явления искоренить, специальными нормами Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» предусмотрена ответственность субъектов хозяйствования за недостоверную рекламу и деяния, которые могут привести к нежелательным и драматичным последствиям.

Однако одним лишь законодательным путем нельзя решить всех проблем, связанных с миграцией населения. Необходимо и понимание всей сложности и опасности складывающейся ситуации со стороны самих граждан. Наши же граждане, как показывает опыт последних лет, весьма доверчивы. Так, некоторые трудящиеся-мигранты принимают услуги со стороны незаконных фирм и частных лиц, не имеющих лицензий на свой вид деятельности. Особо опасна такая неосмотрительность для девушек и женщин. Мировой опыт свидетельствует, что торговля женщинами с целью сексуальной эксплуатации получила широкое распространение.

Для того чтобы не попадать в подобные ситуации, желательно перед выездом за границу проконсультироваться насчет работы за границей в компетентных органах или общественных правозащитных организациях. Например, неправительственная организация «Белорусская ассоциация молодых христианских женщин» осуществляет вместе с польским фондом против торговли женщинами «Ла Страда» проект «Ариадна» по предотвращению вывоза белорусских женщин для сексуальной эксплуатации, в первую очередь, в Польшу и другие страны Европы и Америки. Любая женщина может позвонить по телефону горячей линии этой организации и узнать все о той фирме, которая способствует их выезду за границу и о правах, которыми обладает мигрант в той или иной зарубежной стране.

Органы, участвующие в регулировании миграционных процессов, действуют в соответствии с законодательством Республики Беларусь, а также в соответствии с международными нормами и актами. Контролем и координацией работы этих органов занимаются различные правительственные и неправительственные учреждения, в их числе и ряд международных организаций. Одна из таких организаций — Международная организация по миграции (МОМ), действующая на территории Республики Беларусь с мая 1999 г. после ратификации Соглашения между правительством Республики Беларусь и Международной организацией по миграции о сотрудничестве.

«Международная организация по миграции осуществляет свою деятельность в Республике Беларусь в соответствии с решением руководящих органов МОМ и с учетом имеющихся в ее распоряжении средств по выполнению следующих миграционных программ: укрепление потенциала национальных структур в сфере миграции, оказание консультативных услуг, техническое сотрудничество по миграционным вопросам, информирование по вопросам миграции, оказание помощи в миграции гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам, лицам без гражданства, беженцам, лицам, перемещенным как внутри страны, так и за ее пределы, и другим лицам, нуждающимся в подобной помощи, возвращении квалифицированной рабочей силы и в выборочной миграции» [2].

Несколько иной подход к привлечению в страну иностранной рабочей силы. В интересах смягчения ситуации на внутреннем рынке труда применяется принцип приоритетности права белорусских граждан на занятие вакантных рабочих мест и ограничения притока иностранной рабочей силы.

Конечно, это ни в коем случае не означает, что в республике проводится изоляционная политика. Потребности обмена рабочей силой будут сохраняться, особенно если это специалисты, обладающие уникальными талантами и способностями, профессионалы в области новейших технологий, науки, культуры, учредители и руководящие работники иностранных и совместных предприятий, бизнесмены, вкладывающие инвестиции в нашу экономику.

С целью защиты внутреннего рынка труда от экспансии иностранной рабочей силы ежегодно в рамках утверждаемых Правительством программ занятости населения Республики Беларусь осуществляются республиканские проверки законности привлечения и использования в стране иностранной рабочей силы. К нарушителям законодательства применяются меры правового, дисциплинарного и экономического воздействия.

Не последнее место в области обмена рабочей силой и защиты прав трудящихся-мигрантов занимает сотрудничество Республики Беларусь с государствами СНГ. Так, в ноябре 1996 г. государствами, входящими в состав СНГ, было ратифицировано Соглашение «О сотрудничестве государств-участников Содружества независимых государств в борьбе с незаконной миграцией» [3].

В области регулирования трудовой миграции особое внимание среди стран СНГ правительство Республики Беларусь уделяет сотрудничеству с Российской Федерацией, т.к. обе страны нацелены на создание Союзного государства.

По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь миграционный обмен между Беларусью и Россией относительно не велик. В 2004 г. по трудовым договорам и контрактам из Беларуси в Россию выехало 916 человек (в 2000 г. – 1493 чел.), а из России в Беларусь по договорам и контрактам прибыло всего лишь 94 человека (в 2000 г. – 52 чел.). По экспертным оценкам число выезжающих белорусских граждан для работы

в Российскую Федерацию в несколько раз превышает число, приводимое Минстатом РБ, так как государственная статистика не учитывает трудящихся-мигрантов, которые не заключают официальных договоров и контрактов, работая в России. Отчасти этот недостаток происходит и по причине того, что между двумя странами отсутствует визовый режим, и каждый гражданин, будь-то России или Беларуси, может беспрепятственно пересекать государственную границу, нигде при этом не регистрируясь.

Для защиты трудящихся-мигрантов и регулирования миграционного процесса Россией и Беларусью был принят ряд межправительственных нормативно-правовых актов. Так, в 1996 г. в двустороннем порядке между правительствами Республики Беларусь и Российской Федерации было подписано Соглашение «О трудовой деятельности и социальной защите граждан Республики Беларусь, работающих на территории Российской Федерации, и граждан Российской Федерации, работающих на территории Республики Беларусь».

В апреле 1996 г. был заключен двусторонний Договор «Об образовании сообщества между Российской Федерацией и Республикой Беларусь». Согласно этому Договору Стороны обязуются «обеспечивать равные права граждан Сторон при получении образования, трудоустройстве, оплате труда...», «унифицируют нормы в области охраны труда, социального страхования, производственной и социальной гигиены», «создают общую информационную базу по вопросам занятости населения и наличия трудовых вакансий».

В июне 1996 г. вступило в силу Решение высшего совета сообщества Беларуси и России «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий». Согласно этому Решению «граждане государства выезда, осуществляющие трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, имеют равные права с гражданами государства трудоустройства в оплате труда, режиме рабочего времени и времени отдыха, охране и условиях труда и других вопросах трудовых отношений».

В настоящее время осуществляется унификация деятельности различных государственных структур России и Беларуси. Это происходит и в сфере регулирования миграционных процессов. В России вопросами регулирования миграционных процессов занимается Федеральная миграционная служба МВД РФ, а в Беларуси с июня 2004 г. – Департамент по гражданству и миграции МВД РБ (до 2004 г. Департамент по миграции входил в структуру Министерства труда и социальной защиты РБ).

На Федеральную миграционную службу МВД Российской Федерации возложены задачи совершенствования миграционного законодательства, создания системы иммиграционного контроля, разработки мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции, а также разработки механизмов государственного регулирования внешней трудовой миграции.

Подобные задачи решает и Департамент по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь – разработка и осуществление мер, направ-

ленных на реализацию законодательства о гражданстве Республики Беларусь, выезде из Республики Беларусь и въезде в Республику Беларусь граждан, предоставлении статуса беженца или убежища на территории Республики Беларусь, внешней трудовой миграции, организация контроля за миграционными процессами и миграционной ситуацией в Республике Беларусь, противодействие незаконной миграции.

Для России и Беларуси в данный момент основной проблемой является отсутствие ориентиров миграционной политики на перспективу. Все попытки сформулировать государственную концепцию миграционной политики сводятся, в конечном счете, к созданию механизмов регулирования миграционных процессов в качестве официальной стратегии государственной деятельности в миграционной сфере. Однако регулирование миграционных процессов – это лишь одна сторона государственной политики, она должна дополняться эффективной деятельностью в области защиты прав как мигрантов, так и собственных граждан.

Вероятно, причина такого суженного подхода к миграционной политике в том, что сегодня за государственную деятельность в этой области ответственно Министерство внутренних дел, которое ориентировано в первую очередь на защиту интересов национальной безопасности. Правоохранительные органы прежде всего охраняют право (т.е. закон), но не права граждан и уж тем более мигрантов.

Данная тенденция наблюдается не только в наших государствах, но и в других странах мира, где управление миграцией переходит из ведения министерств труда в ведение министерств внутренних дел; тем самым основной упор в миграционной политике переносится с регулирования рынка труда на национальную безопасность.

В рамках Союзного государства необходимо также создание единого миграционного пространства, что позволит более плодотворно совместными усилиями осуществлять контроль и регулирование миграционных процессов. Одним из шагов в этом направлении является подписание в 2004 г. Советом Министров Союзного государства Соглашения по единой миграционной карте.

Осенью 2005 г. на заседании Совета Министров был рассмотрен ход исполнения Концепции социального развития Союзного государства до 2005 г., в которой отражены вопросы социально-трудовых отношений; развития образовательного пространства, сотрудничества в области здравоохранения, культуры, спорта и туризма. Так как мероприятия в рамках Концепции сохраняют свою актуальность и не могут быть выполнены в полном объеме к концу 2005 г., Совет Министров продлил срок ее реализации до 2010 г. Концепция, принятая 20 января 2005 г., представляет собой систему взаимосогласованных государствами-участниками Договора о создании Союзного государства взглядов на общие цели и приоритеты социального развития в условиях углубления межгосударственных отношений, пути, мероприятия и механизмы их практического осуществления.

Концепция предусматривает и формирование единой миграционной политики, где «основной целью регулирования миграционных процессов в Союзном государстве является наиболее эффективная реализация интеллектуального и трудового потенциала мигрантов, обеспечение устойчивого социально-экономического и демографического развития, соблюдение интересов безопасности Союзного государства».

Согласно этой Концепции «регулирование миграционных процессов основывается на следующих принципах и приоритетах:

- приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права в области защиты прав и свобод человека и гражданина;
- совершенствование и унификация законодательства Союзного государства в области правового обеспечения въезда, пребывания и трудовой деятельности мигрантов;
- соблюдение и защита прав мигрантов, недопустимость их дискриминации по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям;
- обеспечение баланса прав и законных интересов местного населения и мигрантов, в том числе лиц, ищущих убежища на территории Союзного государства;
- дифференцированный подход к решению проблем различных категорий мигрантов;
- взаимодействие законодательных (представительных) органов и органов исполнительной власти с общественными объединениями; приоритетное оказание государственной помощи наиболее нуждающимся категориям вынужденных мигрантов, стимулирование добровольного переселения и создание условий для самообеспечения мигрантов;
- защита национального рынка труда, протекционизм в отношении граждан Союзного государства;
- сочетание интересов личности и государства;
- проведение согласованной политики по привлечению иммигрантов в Союзное государство, в первую очередь из государств-участников Содружества Независимых Государств, а также из Латвии, Литвы, Эстонии; создание необходимых экономических условий для сокращения эмиграционного оттока и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала Союзного государства;
- проведение согласованного комплекса правовых, организационных и финансовых мер, направленных на легализацию и адаптацию иммигрантов в Союзном государстве;
- совершенствование и унификация законодательства, касающегося защиты прав вынужденных мигрантов и регулирования миграционных процессов» [4].

Все вышеприведенные мероприятия направлены на то, чтобы трудоустройство граждан Республики Беларусь за границей и наем иностран-

ной рабочей силы в страну осуществлялся строго в соответствии с законодательными нормами, а также на пресечение фактов нелегальной занятости иностранцев в Беларуси и незаконного трудоустройства белорусских граждан за границей, ущемление прав трудящихся-мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О работе за границей по контракту / Под ред. А.И. Лемешова. — Мн.: Амафрей, 2002. — 304 с.
2. Соглашение между правительством Республики Беларусь и Международной организацией по миграции о сотрудничестве (г. Минск, 22 июля 1998 г., 5 мая 1999 г., № 251-3) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. — 2000. — № 1-2. — С. 52-55.
3. Вопросы государственного регулирования процессов миграции в Республике Беларусь. — Мн., 2000. — 87 с.
4. <http://www.soyuzinfo.ru/ru/main/library>.

Краснобаева Н.Л.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ И ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Итоги переписи населения 1926 г. дают большой материал для анализа социально-экономических изменений, произошедших в Казахстане в 1920-1930-е гг. В частности, данные о занятиях населения позволяют выявить, каково соотношение самостоятельного и несамостоятельного населения, рабочих и служащих, как распределялось население по группам занятий и конкретным занятиям, данные об участии женщин в трудовой и общественной деятельности.

В материалах переписи 1926 г. представлено распределение населения по занятости двумя категориями: 1) «самостоятельное», к ним относятся работающее население, имеющее заработок, самостоятельное в экономическом плане; 2) «несамостоятельное» — это неработающее население, в экономическом отношении несамостоятельное, зависящее в материальном плане от родных и близких [1].

Первая группа состоит из лиц, непосредственно участвующих в обеспечении общественного производства. Сюда относятся не только лица, имеющие доходное занятие, то есть лица наемного труда и самостоятельные хозяева, но и безвозмездно работающие в семейном предприятии члены семьи предпринимателя.

Вторую группу составляют лица, которые непосредственно не вступают в общественно-производственные отношения с другими лицами, но находятся в неразрывной связи с людьми, принадлежащими к первой группе; они являются индивидуумами частных лиц или государства. Сюда относятся домашние хозяйки, студенты, пенсионеры и др. Отношение численности «самостоятельного» населения к общей численности населения называется показателем самостоятельности населения или показателем активности.

Переписью 1926 г. было учтено 4754617 человек, из которых 51,2% отмечены как «самостоятельное» население, больший процент его был у мужчин — 63,9. У женщин процент «самостоятельных» выше среди рабочих и служащих. Следует подчеркнуть высокую занятость женщин в сельскохозяйственном производстве (до 90% «самостоятельного» населения). Значительный процент «самостоятельного» населения был отмечен на Западе Казахстана — 53,2.

Среди занятого населения наиболее многочисленную группу составляют лица в возрасте 20-49 лет — 79% числа всех работающих. На долю лиц в возрасте до 20 лет приходится 8% занятого населения, в возрасте 50-59 лет — 11% и на долю пожилых (60 лет и старше) — 2%.

Рассматривая занятость населения по республике в целом, следует отметить, что доля рабочих составляет 4,6%, служащих — 1,9%. Самая большая занятость населения приходится на долю «хозяева, одиночки и помогающие члены семьи» — 92,1%. В основном это занятое в сельском хозяйстве население — 98,3%.

Распределение в гендерном отношении по республике: 51% мужчин и 49% женщин. Среди мужского населения 63,9% составляют «самостоятельные» и лишь 36,1% «несамостоятельные». Среди женщин — 37,9% «самостоятельных» и 62,1% «несамостоятельных». При этом среди рабочих преобладают мужчины — 79,8%, женщины составляют 20,2%. Среди служащих — мужчин 69,0%, женщины 31%. Сходные показатели можно отметить среди категории «хозяева, одиночки и помогающие члены семьи». Аналогичная ситуация в городских поселениях, причем доля женщин среди служащих даже выше и составляет 56%.

В городских поселениях находилось 47,3% «самостоятельного» и 52,7% «несамостоятельного» населения. Из них в «самостоятельном» населении преобладали мужчины, на их долю приходилось 77,9%, на долю женского населения — 22,1%. «Несамостоятельное» население включало большую долю женского населения. Так, 75,3% составляли женщины и 24,7% мужчины в основном в возрасте до 15 лет, что соответствовало традиционной форме отношений в обществе, формам хозяйства.

Рассматривая занятость населения Казахстана по отраслям народного хозяйства, следует отметить, что в развитии экономики помимо сохранявшихся традиций наметились изменения. Так, основными отраслями хозяйства являлись скотоводство и земледелие, в которых была за-

действована половина «самодельного» населения (46,3%), наблюдается рост промышленности, кооперации и торговли.

Для оценки характера занятости населения можно привести следующие данные, связанные с развитием сельского хозяйства и промышленности. За период 1916-1925 гг. хозяйство претерпело значительные изменения – в результате войны и голода сократились посевные площади, поголовье скота, и только к 1923 г. началось восстановление.

Большая часть казахского населения была задействована в скотоводстве (рис. 1).

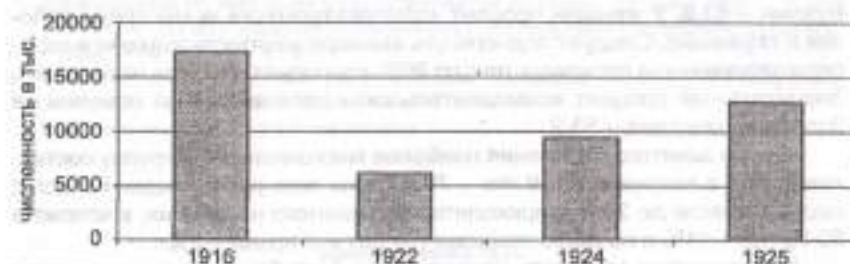

Рис. 1. Состояние скотоводства в Казахстане [2, с. 245]

Большая убыль, главным образом, овец и лошадей за время кризиса скотоводческого хозяйства тяжело отразилась на общем хозяйственном обеспечении Казахстана, способствовала миграции населения в города.

Земледелие – вторая важная отрасль в хозяйстве Казахстана. За исследуемый период в результате экономических и иных мероприятий увеличивается посевная площадь, изменяются разводимые культуры. В частности, на юге Казахстана первое место среди разводимых культур занимает пшеница – 55,1%, потом идут: просо – 9,1%, люцерна – 8,6%, ячмень – 6,0%, овес – 2,9% и др. В Кара-Калпакской области: пшеница – 15,5%, просо – 10,6%, рис – 7,4%, хлопок – 8,0% и др. [2, с. 248].

Из вышеприведенных данных видны количественное соотношение и отдельные виды разводимых растений. Хлопководство становилось значительным видом хозяйства на юге Казахстана. Площадь полей под посадки хлопка в 1925 г. равнялась 36 тыс. десятин, а в 1926 г. предполагалось довести до 52 тыс. гектаров, задействовав наибольшее количество сельского населения.

В результате земельной реформы и землеустройства было передано обратно казахам в туркестанской части Казахстана до 183 тыс. десятин земли с одновременным устройством нуждающейся части местных русских беднейших слоев. Основной задачей стало урегулирование землепользования на всей территории Казахстана, определение средней основной нормы землепользования для занимающихся земледелием и скотоводством одновременно.

Агрономических участков было определено 83, где занималось хозяйством более 80% сельского населения. Обществом сельскохозяйственного кредита было выдано ссуд нуждающимся хозяйствам в 1924-1925 гг. – 7500 тыс. рублей, а в 1925-1926 гг. – 12000 тыс. рублей [2, с. 250].

В 1926 г. численность населения, занимающегося сельским хозяйством, достигла 91,7% (в 1897 г. – 87,1%) (рис. 2).

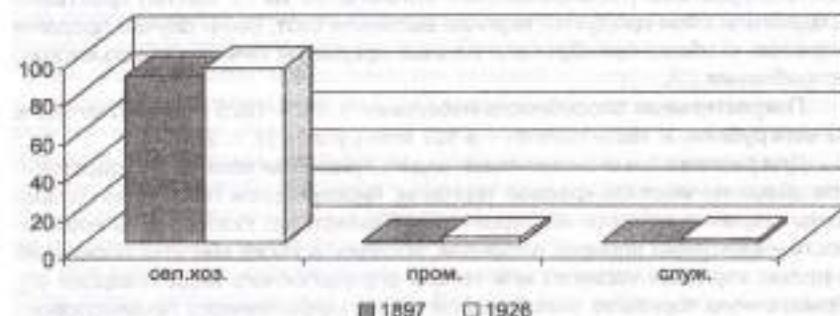

Рис. 2. Сравнение занятий населения Казахстана по переписям 1897 и 1926 гг.

В развитии промышленности в Казахстане по сравнению с 1897 г. наблюдается очевидный рост. Уровень развития промышленного производства в результате войн и экономической разрухи также сильно сократился, и восстановление началось с 1923 г.

Промышленные предприятия этого периода делились на общесоюзные, краевые и местного значения. К первой группе относятся: Риддерское месторождение руд, содержащее медь, цинк, свинец, серебро и золото; трест цветных металлов «Алткасполиметалл» и Атбасарский трест.

Из промышленных предприятий краевого значения на первом месте стоит кожевенная промышленность, следом идут соляные промыслы (Илецкое месторождение), рыбопромышленность (Аральское море и побережье Каспийского моря), текстильная промышленность (Алма-Атинская суконная фабрика), золотопромышленность (Кустанайская и Семипалатинская губернии – тресты «Казалзолото» и «Казвосзолото») с программой добычи 1 тыс. кг/год.

Промышленные предприятия местного значения большей частью кооперативного и кустарного характера (мельницы с суточной выработкой 250 тыс. пудов) [3].

В общем составе «самодельного» населения, занятого в промышленности Казахстана, преобладали работники обрабатывающей и кустарной промышленности – 2,7%.

Торговой деятельностью занимались 0,4% населения Казахстана. Внутренняя торговля имела целью снабжать население промышленными товарами и производить закупку продукции сельского хозяйства. Глав-

ным предметом торговли была продукция животноводства. Так, по данным 1-го Акционерного транспортного общества «Транспорт», в 1926 г. общий товарооборот продуктами животноводства составлял 7 млн рублей [4].

В материалах работы Уполномоченного по борьбе с контрабандой в КССР отмечались факты стихийных пунктов обмена и торговли. В частности, в Мурзатыке (Семиреченская область, 80 км от Бахты) крестьяне предлагали свои продукты, киргизы выгоняли скот, были случаи продажи маралов, в обмен приобретали разные предметы личного крестьянского потребления [5].

Покупательная способность населения в 1924-1925 гг. исчислялась в 82 млн рублей, в 1925-1926 гг. – в 107 млн рублей [2, с. 255].

Для реализации экономических задач, признавая важное государственное значение местной краевой торговли, Кирсовнарком постановил разрешить открытие ярмарок на территории Казахстана. Указывалась возможность учреждения ярмарок в городах, посадах, а также вне этих поселений с целью торговли «всякого или только определенного вида товаров» [6]. Ярмарочную торговлю освобождали от государственного промыслового налога и устанавливали льготный тариф на перевозку грузов.

К 1925 г. только в Семипалатинской губернии насчитывалось 30 действующих ярмарок, объем наиболее крупных из них достигал 6 млн рублей [7].

По данным Куяндинской ярмарки состав участников в 1926 г. включал 5,5% китайских купцов, 23% казахов, 34% русских и др. [8].

Помимо отдельных участников торгового дела во время ярмарок, в их работе участвовали кооперативы (Маслосоюз, Потребсоюз, Райпотребсоюз и др.). Кооперация в Казахстане разделялась на потребительскую и сельскохозяйственную. В потребительской кооперации преобладает, особенно в городах, русский состав пайщиков. В Казахстане на 1 июня 1925 г. насчитывалось 832 первичных кооператива, из которых 233 было казахских и 42 – городских. На 1 апреля 1926 г. работало: горело – 39 и село – 930, в том числе казахских – 300. В составе пайщиков сельских кооперативов коренные казахи составили 26,7%. Сельскохозяйственная кооперация также имела большое значение для Казахстана. Всего сельскохозяйственных товариществ и других видов кооперации по Казахстану на 1 ноября 1925 г. имелось 1576 с числом хозяйств – 123974. На 1 октября 1926 г. на территории КССР числилось 1193 кооператива [2, с. 256].

Занятость пришлого населения не имеет большого отличия от форм хозяйственной деятельности, преобладающей в районе проживания. В основном пришлые занимались сельским хозяйством и были задействованы в промышленности.

Анализируя все население республики по категориям «самодельное» и «несамодельное», важно отметить резкую дифференциацию в гендерном аспекте и занятость женщин в сельском хозяйстве.

Миграционное движение в Казахстан способствовало социально-экономическому развитию региона. Так, пришлое население проживало в городах и городских поселках, форма занятости соответствовала общему хозяйственному укладу региона проживания. Тогда как местное население занималось в сельском хозяйстве и развивало традиционные промыслы.

После установления Советской власти, одним из главных направлений политического развития Казахстана являлось «выравнивание культурного уровня развития всех народов Российской империи». Для реализации экономических и политических условий культурной революции в Казахстане, требовалось решить ряд задач, в частности, уничтожить старый колониальный аппарат власти и установить новые органы управления во всех регионах республики, «коренизировать» государственный аппарат, создать особую структуру образования и просвещения, где будет осуществлен доступ в учебные заведения всех слоев населения Казахстана и проводится политика всеобщей грамотности.

Для решения вопросов руководства культурно-просветительской работы среди «национальных окраин России» был создан отдел при Народном комиссаре по делам национальностей. Одной из задач Наркома стало сохранение уже существующего культурно-образовательного потенциала страны. Первым этапом культурной революции стала национализация материальных средств культуры и учреждений культуры. Так, в первой половине 1918 г. были национализированы школы, библиотеки, аптеки, типографии, принимались специальные меры против попыток разграбления и разрушения данных учреждений. Документы тех лет свидетельствовали о том, что «управление национализированным имуществом и денежными суммами переходило в руки рабочих организаций, или отделов при Краевых Советах народного хозяйства» [9].

Проблематичным для Казахстана стало отсутствие системы управления социальными структурами нового общества. Началом организации органов народного просвещения и культуры стало «Положение об организации дела народного образования в Туркестанской Советской республике». К декабрю 1917 г. были образованы государственные органы по просвещению и культуре в казахстанских областях и уездах, входивших в состав Туркестанской Советской республики.

В марте 1918 г. были образованы отделы народного образования в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Акмолинске и других городах. На местах создавались агитационно-пропагандистские отделы, на которые возлагались задачи контроля и руководства «культурной жизнью страны».

В целом деятельность «народного просвещения» в Казахстане имела больше недостатков, чем достоинств. Энтузиазм масс способствовал появлению интереса к проблемам грамотности, но дальше лозунгов работа не продвигалась. Основные слои населения Казахстана оставались не вовлеченными в деятельность школ грамоты. Причины, способство-

вавшие этому, лежали в отсутствии четкой программы просвещения и образования, неподготовленности руководящего состава Наркомпроса к решению назревших задач, отсутствию кадрового потенциала и средств. Коренное население Казахстана, занимаясь традиционной формой хозяйственной деятельности (кочевым скотоводством), сохраняло религиозные, родовые, патриархальные стороны жизни и недоверчиво воспринимало политику новой власти в области культуры.

Отсутствие результативности новой политики ярко проявилось в фактических данных исследования населения по переписным листам.

Перепись 1920 г. показала, что в КССР грамотное население составляло 683700 человек, на каждую тысячу жителей приходилось 143 грамотных и 857 неграмотных. Более высокая грамотность наблюдалась среди мужчин – на 1000 лиц мужского пола 191 грамотный, и меньшая грамотность среди женщин – на 1000 лиц 96 грамотных.

В городах грамотность выше, здесь на 1000 человек приходилось 435 грамотных, тогда как в сельской местности только 116 человек.

По губерниям процент грамотного населения существенно менялся. Так, в Оренбургской, Акмолинской и Кустанайской губерниях он был выше среднего. Наиболее низкий процент грамотности был в Тургайской и Буковской губерниях (таблица).

Таблица

Грамотность населения Казахстана по данным переписи 1920 г., в тыс.¹

Губернии	Всего грамотного нас.	В том числе в:			
		городах		сельской местности	
		всего грамотного нас.	% к общ. гор. нас.	всего грамотного нас.	% к общ. сел. нас.
Оренбургская	105,8	69,1	47,6	127,7	21,5
Акмолинская	34,6	9,3	44,5	25,3	6,9
Кустанайская	71,6	7,4	37,0	64,2	15,7
Тургайская	2,9	0,4	51,7	2,5	2,9
Уральская	59,0	24,5	45,0	34,5	7,7
Акмолинская	171,1	22,7	41,5	148,4	13,1
Семипалатинская	139,3	41,0	40,5	98,3	10,4
Буковская	8,7	1,7	45,8	7,0	3,0
Адаевский уезд	0,7	0,2	14,7	0,5	0,5
По Казахстану	683,7	175,3	43,5	508,4	11,8

Документы того времени отмечали недостаточную работу отделов, занимающихся вопросами ликвидации неграмотности и малограмотности. В частности, низкий процент привлечения местного казахского населения. В газете «Степная правда» за 19 июня 1920 г. главными задачами указывались «борьба с предрассудками и темнотой населения, раскрепощение молодежи», обращалось внимание на то, «чтобы работа крас-

¹ Рассчитано по: Календарь-справочник и записная книжка на 1924 г. – Оренбург, 1924. – С. 26.

ных юрт протекала в тех районах, которые менее всего обслуживаются политпросветительскими, судебными и медицинскими работниками и общественными организациями и которые наиболее удалены от них».

Для «правильной постановки и руководства просвещением среди национальностей нерусского языка в РСФСР при коллегии НКП организуется Совет по просвещению национальностей» [10]. В дополнение к этому постановлению на учредительном съезде Советов Казахстана, состоявшемся в октябре 1920 г., была принята «Декларация прав трудящихся КАССР», где указывалось одинаковое право пользования родным языком во всех государственных учреждениях и возможность свободного национального развития. Съезд принял специальные резолюции по здравоохранению и образованию [11]. В уездах проводилась регистрация всех учащихся и безграмотных.

В результате обследований 1923 г. в Казахстане насчитывалось 1823 школы 1–2 ступени, в которых обучалось 106089 человек, из них мужчин – 61,3%, женщин – 33,5%. Наибольшее количество школ и обучающихся отмечено в Семипалатинской (24,5%) и Акмолинской (23,6%) губерниях, тогда как в Буковской и Актобинской данный процент очень мал (4,6 и 8,5%).

«Ликвидация неграмотности среди киргизского населения, – отмечалось в докладе Кустанайской губернской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности о проделанной работе, – представляет из себя весьма трудную работу, имеющую свои особенности. Киргизы как народ полукочевой живут зимою небольшими поселениями в два-пять дворов. Такие поселения иногда разбросаны друг от друга на большие расстояния. Открыть школы в таких пунктах не всегда представляется возможным. Летом же во время кочевья, по отзывам лиц, знающих условия жизни киргиз, ликвидация неграмотности возможна. На основании этого губграмчека сделал распоряжение по губоно об открытии летних передвижных школ. Для этого в аулы брошены лучшие мугалимские и учительские силы» [12].

Для подготовки специалистов, способных участвовать в программе борьбы с неграмотностью, был разработан проект организации краткосрочных курсов по подготовке учителей-ликвидаторов неграмотности.

Для выполнения постановления ЦИК и СНК СССР о всеобщем начальном обучении (обязательном) рекомендовалось привлекать на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности. «Отказ от работы или выезд из района без уважительной причины лиц, способных работать на педагогической работе, – рассматривать как отказ от проведения культурной революции и как дезертира последней» [13].

Отдельным пунктом решался вопрос оплаты за педагогическую деятельность. «Культармейцам назначалась оплата из расчета 8 рублей в месяц за каждого обученного, а так как срок обучения 3 месяца, то за каждого обученного надо заплатить 24 рубля, чтобы культурмейцу создать интересы, надо за каждого обучающегося оплачивать 40% от 8 рублей ежемесячно» [14].

Значительной была и государственная программа в сфере образования населения Казахстана. В 1924-1925 гг. расходы по народному просвещению на каждого жителя КССР составляли 1 руб. 10 коп., а в 1926 г. – 1 руб. 95 коп. Расходы в среднем на одного ученика в год в том же 1924-1925 гг. были 19 руб., а в 1926 г. – 40 руб. 70 коп. [2, с. 266].

Налицо был рост школ первой ступени. По сравнению с 1924-1925 гг. количество их увеличилось на 724 школы и 3406 ученика, а всего насчитывалось на начало 1926 г. – 3475 школ с 206949 учащимися. Количество казахских школ тоже увеличилось и составляло 1600 школ с 80 тыс. учащихся [2, с. 266].

В школьном деле, по мнению Рыскулова Т., все большее место завоевывают школы-коммуны (интернаты), дающие возможность детям кочевого населения обучаться постоянно. В 1924-1925 гг. таких школ насчитывалось 20.

В различных вузах в СССР обучалось в 1925 г. 1508 человек, командированных из Казахстана, из них казахов в составе всех вузовцев было около 700 человек [2, с. 227].

Главной целью по ликвидации неграмотности устанавливалось обучить 1654 тыс. человек к 1926 г.

Однако как незначителен был энтузиазм масс, ликвидировать неграмотность в столь короткие сроки не удалось. Сказывались последствия войны, голода, отсутствие кадров, причем наиболее важной причиной стало искусственное ускорение в проведении культурной политики в сфере образования и не учет особенностей кочевого и полукочевого образа жизни, специфики быта, обычаев и традиций казахского народа.

Информацию о результатах образовательной политики и мероприятий дает Перепись 1926 г. (рис. 3). В материалах переписи был использован вопрос о грамотности населения, правда, отдельно не был отмечен уровень образования, и в расчет брали только способность человека писать и читать.

В результате по данным Переписи 1926 г. определялся низкий образовательный и культурный уровень населения. Доля грамотных людей достигла лишь 16,7%, причем среди мужчин – 35,4%, среди женщин – 14,5%¹.

В 1926 г. наиболее грамотным было население Севера Казахстана (23,6%), здесь на первом месте был Кустанайский округ (27,6%).

Западный регион Казахстана, занимающий первое место по количеству жителей, умеющих читать и писать в 1897 г., в 1926 г. оказался на третьем месте (16,2%), здесь сохранился высокий образовательный уровень в Уральской губернии (17,6%).

Самый низкий процент грамотности сохраняется на юге Казахстана, где в Кара-Калпакии и Сыр-Дарынской губернии показатель грамотности достигал 2,3 и 9,9%.

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1930. – Т. 8. – С. 125-126.

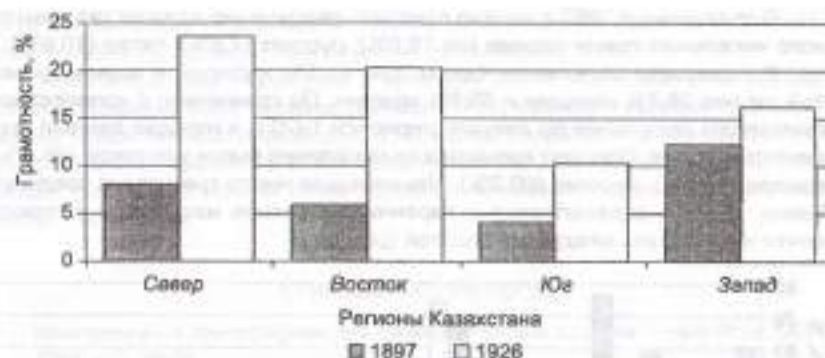

Рис. 3. Уровень грамотности населения Казахстана по данным Переписей 1897 и 1926 гг. по регионам

Перепись 1926 г. зарегистрировала высокий процент грамотного населения у евреев (67,9%), поляков (58,7%), татар (43,5%) и немцев (41,1%), в основном это жители городов и поселков городского типа (рис. 4).

По мнению Т. Рыскулова: «неграмотность среди казахов доходила до 95%, а среди русских до 74%» [2, с. 267]. В расчетах Т. Рыскулова были выявлены неточности в оценках грамотного населения Казахстана.

Автором были сделаны дополнительные исследования и отмечено, что в целом – 33,6% русских знали грамоту, из них 46,3% мужчин и 21,7% женщин.

Среди казахского населения процент грамотных составлял 7%, из них 21,7% мужчин и 1,0% женщин. Низкий уровень грамотности был отмечен у киргизов (7% грамотных), каракалпаков (1,4%) и узбеков (5,2%).

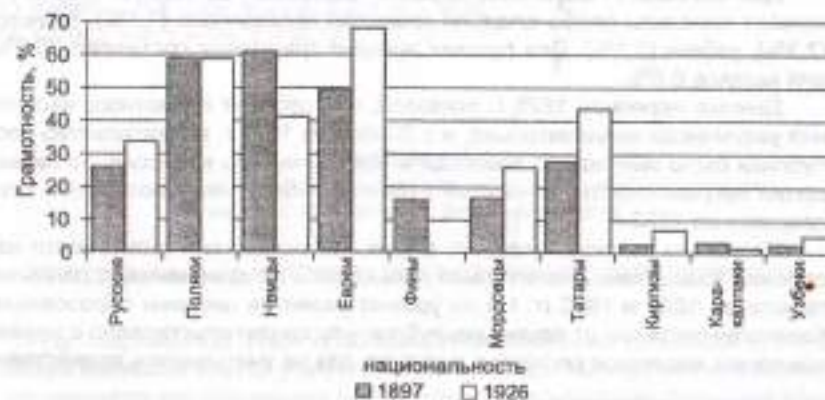

Рис. 4. Уровень грамотности населения Казахстана по национальностям по данным Переписей 1897 и 1926 гг.

В сравнении с 1897 г. можно отметить увеличение количества грамотного населения среди евреев (на 18,8%), русских (7,8%), татар (15,9%).

В городском населении Казахстана 45,5% жителей владели грамотой, из них 36,1% женщин и 55,8% мужчин. По сравнению с количеством грамотного населения по данным переписи 1920 г. в городах данный процент стал выше. Процент грамотности населения высок у поляков (76,4%), евреев (67,6%), русских (60,2%). Наименьшее число грамотных среди узбеков, дунган, каракалпаков и таранчи. Казахское население в городе почти на четверть владело грамотой (рис. 5).

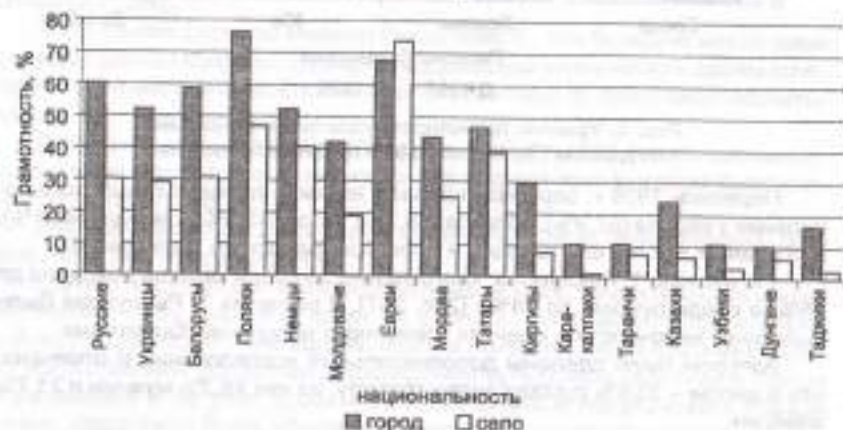

Рис. 5. Грамотность городского и сельского населения Казахстана по данным переписи 1926 г.¹

Для сельского населения процент грамотных составлял 11,2%. На момент переписи слабо владели грамотой каракалпаки (1,1%), таджики (2,3%), узбеки (3,1%). Для русских процент грамотных составлял 30,3%, для казахов 6,6%.

Данные переписи 1926 г. показали, что процент грамотного населения увеличился незначительно, и с 20 января 1927 г. правительство республики было вынуждено воссоздать Чрезвычайную комиссию по ликвидации неграмотности. Конечный рубеж борьбы с неграмотностью отодвигался до 1932 г.

На основе вышеизложенного видно, что показатели грамотности населения Казахстана значительно повысились по сравнению с данными переписей 1897 и 1920 гг. Но по уровню развития системы образования Казахстан отставал от других республик, что свидетельствовало о неравномерном характере реформ в культуре, где не учитывались хозяйствен-

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. — М., 1930. — Т. 8. — С. 120-128.

ные и этнические особенности региона, искусственно завышались темпы реализации программы «культурной революции».

Многообразные перемены в культуре были массовыми, но оставались половинчатыми, незавершенными. Так, наряду с идеями формирования новой личности свободного человека сохранялись пережитки патриархального, средневекового мышления. Многие традиции Советского общества существовали лишь условно, не найдя поддержки в широких слоях населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Многоязычный демографический словарь. Русское издание. — Нью-Йорк: ООН, 1984. — С. 38-39.
2. Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений: В 3 т. — Алматы: Казахстан, 1997. — Т. 2.
3. Наше хозяйство: Сб. 5 // Изд. Семипалатинского Губплана. Сентябрь 1926 г. — Семипалатинск: Губиздат, 1926. — С. 16.
4. Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. Вып. XIX. — Семипалатинск, 1931. — Т. 2. — С. 97.
5. ГАВКО. — Ф. 195. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 29-30.
6. Заседание киргизского экономического совещания при СНК КССР. СГА. — Ф. 73. — Оп. 1. — Д. 154. — Л. 121.
7. СГА. — Ф. 73. — Оп. 1. — Д. 178. — Л. 910.
8. Куяндинская ярмарка 1926 года // Наше хозяйство. — 1927. — № 4. — С. 42.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. — А-Ата, 1987. — С. 356.
10. Супейменов Р.Б. Лениноские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане (Исторический опыт развития социалистической культуры народов, миновавших стадию капитализма). — Алма-Ата: Наука, 1972. — С. 179.
11. Образование КазАССР: Сб. док. и матер. — Алма-Ата, 1957. — С. 275.
12. Культурное строительство в Казахстане. — Алма-Ата, 1987. — С. 109.
13. ГАВКО. — Р-4. — Оп. 9. — Св. 2. — Д. 8. — Л. 30.
14. ГАВКО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 173. — Л. 12.

Крыкпаев М.К.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На современном этапе проблемы этносоциальных процессов стоят в центре внимания многих ученых и политиков. Однако в фокусе исследования находятся определяющие их социально-экономические, культурно-языковые, правовые, демократические, отчасти, социологические факторы, и практически отсутствует научный анализ социально-психологических состав-

ляющих. А ведь не секрет, что национальные противоречия и конфликты в значительной степени носят психологически обусловленный характер. К тому же вопрос о социально-психологических особенностях нации очень сложный и запутанный. История философии дает возможность проанализировать взгляды некоторых представителей в этой области.

Многие передовые мыслители прошлого пытались разобраться в законах человеческой истории, уловить причинные связи социальных процессов. Широкое распространение в этот период получило объяснение социально-психологических особенностей этнических общностей преимущественно географическими условиями, различиями в системе государственного правления и общественного воспитания. Еще древнегреческие мыслители подмечали различия в культуре, нравах, обычаях племен и народностей. Знаменитый врач Гиппократ, к примеру, в своем сочинении «О воздухах, водах и местностях» физические и психические особенности различных народов выводил из географической среды и климатических условий. Те люди, «которые населяют страну высокую, ровную, обвеваемую ветрами и обильными водами, отличаются огромным внешним видом тела, похожи между собою, с духом немужественным и кротким. Но те, которые занимают тощие и сухие места, лишенные воды и облаженных, и не имеют умеренных перемен времен года, естественно, отличаются грубым и крепким видом тела и цветом скорее светлым, чем черным, по нравам и стремлениям духа они самолюбивы, горды и упорно держатся принятого мнения, ибо где перемены в погоде и весьма часты и многообразны между собою, там ты можешь найти и формы, и нравы, и натуры во многом различные» [1]. Мнения о том, что южный и северный климат по-разному влияет на организм, а следовательно, и на психику человека, допускал и Демокрит.

Одним из представителей географического направления в социологии был выдающийся французский просветитель XVIII в. Ш. Монтескье. Он высказал ряд интересных и оригинальных, для своего времени, мыслей относительно закономерностей развития общества, политической и социальной жизни, быта и нравов разных народов.

Монтескье улавливает определенную зависимость духовного склада и образа мышления народов от их образа жизни, хотя последний, согласно его концепции, определяется условиями климата, географической средой. Народы различного климата, по мнению Монтескье, отличаются друг от друга характером ума, степенью чувствительности к физиологическим, духовным и прочим явлениям. Он пытался показать, что «судьба народов зависит не от воли бога, а от чисто естественных причин, и что поэтому не религия, а наука должна объяснять общественную жизнь» [2, с. 412]. Объяснение социальных явлений не волей бога, аргумент данным «народным духом», как это делали теологи и средневековые философы, а естественными причинами имело большое прогрессивное значение для того времени. Народная психология, названная Монтескье «общим духом», —

продукт не только климата, но и ряда социальных факторов, которые на определенной стадии общественного развития, став реальной силой, оказывают громадное воздействие на национальный характер народа. «Многие вещи, — пишет Монтескье, — управляют людьми: юзмат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи, как результат всего этого, образуется общий дух народа» [2, с. 402].

Обычаи и нравы он рассматривает как нечто непостоянное, подвергающееся определенным изменениям в результате общения народов друг с другом. «Чем больше народы общаются друг с другом, — пишет Ш. Монтескье, — тем легче они изменяют свои обычаи, так как чаще видят друг друга и лучше замечают особенности отдельных лиц» [2, с. 413]. При этом степень изменчивости обычаев и нравов зависит, согласно Ш. Монтескье, от многих факторов, среди которых форма правления в государстве является основной, так как именно от нее зависит общение народов. К примеру, в деспотическом государстве общий дух более устойчив, так как народ лишен возможности устанавливать связи со своими соседями. Напротив, в государстве, где господствует свобода, нравы и обычаи более изменчивы. Он высказывается против того, чтобы стеснять законами обычаи и нравы народа, его вкусы и характер. Ибо, пытаясь с помощью законов исправлять нравы народа, имеющего в целом хороший характер, нельзя быть уверенным, что это не приведет к утрате данным народом многих своих положительных духовных качеств. «Внушите дух педантизма народу, веселому по своей природе, и государство ничего не выиграет от этого ни для своего внешнего, ни для своего внутреннего благополучия. Не мешайте же этому народу серьезно заниматься пустяками и весело серьезными делами», — справедливо подчеркивает Ш. Монтескье [2, с. 412].

Национальный характер каждого отдельного народа, с точки зрения великого французского просветителя, есть сочетание добродетелей и пороков, хороших и дурных качеств. При этом иногда бывают смешения, производящие не только много добра, но и много зла. Например, у одного народа честность сочетается с ленью, а у другого — трудолюбие с чрезмерной жадностью к стяжательству и т.д. Все это является свидетельством того, что Ш. Монтескье внес большой научный вклад в развитие истории социологической мысли, явился, по существу, одним из первых, кто приблизился к объективному объяснению национального характера.

Но в целом Ш. Монтескье объективно не смог подняться до научного, диалектического понимания истории. Объясняя нравственный облик народа, его характер географическими условиями, он так или иначе отрывал их от социальной среды. Абсолютизация роли географической среды в формировании и развитии черт характера этнической общности неизбежно ведет к отрицанию того, что национальные различия суть явление исторически приходящее. В одной и той же географической зоне, как правило, живут разные народы. И если бы их духовный облик, включая черты национальной психологии, обуславливался лишь одной географической средой,

то эти народы по своим внутренним этническим признакам были бы похожи друг на друга. В действительности же дело обстоит далеко не так.

Вместе с тем было бы ошибкой не признавать за географической средой никакой роли в формировании самобытных черт национальной психологии. Жаркий климат вырабатывает у людей одни привычки, холодный — другие. И чем ниже ступень исторического прогресса, на которой находится тот или иной народ в данный момент, тем больше подтверждены его отдельные привычки, вкусы, а также особенности его ценностной ориентации влиянию природных условий. Но прогресс науки и техники, общества в целом в конечном итоге ведет к все большему ослаблению влияния природного окружения на человека, к «унификации» жизненных условий народов, населяющих разные географические зоны, континенты. Закономерным следствием этого является постепенное сглаживание тех национально-психологических черт, существование которых в большей или меньшей степени поддерживается своеобразием данной конкретной природной среды.

Вопрос о расовых и национальных различиях получил некоторое свое освещение в трудах И. Фихте и Г. Гегеля. В сочинении «Назначение человека» И. Фихте писал: «Назначение человеческого рода — объединиться в одно тело, известное себе во всех частях и одинаково построенное. Природа, даже страсти и пороки людей, с самого начала ведут человечество к этой цели» [3]. Он выражал уверенность, что все народы земли через все трудности и изгибы развития в конце концов достигнут своей общей и конечной цели. Мысли И. Фихте по рассматриваемой проблеме касаются лишь отдельных ее моментов и носят разрозненный, противоречивый характер.

Для Гегеля «народный дух» был ступенью, формой развития, конкретным воплощением саморазвивающегося «абсолютного духа» в определенный отрезок времени. Разнообразие «Народного духа» он также связывает с различием географических условий существования людей, с той лишь разницей, что природа у него есть не что иное, как «отчужденный от себя дух». Душа, согласно Гегелю, выступает как «субстанция, абсолютная основа всякого обособления и всякого разъединения духа», при помощи которой он объясняет «духовные расовые различия человеческого рода, равно как и различия между национальными духами», и ставит себе задачу «рассмотреть национальный характер лишь постольку, поскольку последний содержит в себе зародыш, из которого развивается история нации» [4, с. 76].

Гегель не допускает параллельного развития, взаимообогащения народов и располагает их на различных ступенях исторической лестницы саморазвития духа. В своем развитии каждый народ, с точки зрения Гегеля, достигает лишь определенной ступени, дальше которой он не поднимается, будучи обреченным на вечный застой. К тому же «неизменность климата, всей совокупности свойств и особенностей страны, в которой та

или иная нация имеет свое постоянное местопребывание, способствует неизменности ее характера» [4, с. 76].

Анализ гегелевской концепции по вопросу о природе национальных различий показывает ее противоречивый характер. С одной стороны, создается видимость, что Гегель осуждает попытки обосновать «правомочность» господства одной нации над людьми другой. Однако, с другой стороны, сам же утверждает, что негры не способны к дальнейшему историческому прогрессу, усматривая причину этого в том, что они не проявляют «внутреннего влечения к культуре» и «дух их дремлет» [4, с. 72]. Давая различным народам весьма поверхностные субъективные оценки, Гегель от утверждения, что лишь у европейцев господствует «бесконечное стремление к знанию, чуждое другим расам», в конце концов доходит до обоснования евроцентристской концепции, согласно которой «всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало» и что «...азиатские государства неизбежно должны подчиняться европейцам, этой участи некогда должен будет подвергнуться и Китай» [5]. В конечном счете эта гегелевская концепция «народного духа» послужила обоснованием расистских идей о якобы «духовном превосходстве» одних и «природной неполноценности» других народов.

Попытку раскрыть природу «психологии народов» с позиции «народного духа» сделали Г. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт, Г. Лебон и др. Термин «народный дух» был введен впервые в социологическую литературу исторической школой права и в конце 50-х годов XIX в. стал сдерживаемым понятием в западной этнопсихологии. А вот методологическая основа этой дисциплины своими корнями уходит в немецкую классическую философию и, в частности, гегелевскую философию. Под «народным духом» его представители понимают также абстрактное качество, берущее свое начало не в объективном внешнем мире, а где-то за пределами этого мира, существующее вне исторических эпох, остающееся неизменным, как бы не менялись условия жизни народа.

Наибольшее внимание проблеме этнической психологии уделялось в эпоху капитализма, с возникновением и развитием которого связано открытие новых стран, колониальные войны, порабощение народов целых континентов, расширение рынков сбыта. Поэтому географический детерминизм стал использоваться для обоснования различного рода расистских теорий и оправдания колониального гнета. Типичным примером может служить учение английского социолога второй половины XIX в. Д. Дрейпера, который считал, что все явления общественной жизни, в том числе и судьба каждой нации, нравы и обычаи, определяются климатом. Именно климатические условия «делают из австралийца дикаря, лишают способностей негра, который не в состоянии выдумать ни азбуки, ни арифметики, и в своих теологических понятиях не идет дальше колдовства. Малорослое племя европейцев они превращают в инстинктивных рудоко-

пов и металлургов», даже «инстинктивная склонность к пьянству обуславливается известными широтами» [6].

Во второй половине XIX в. в западной социологии возник ряд течений, школ, рассматривавших человеческое общество по аналогии с жизнью животного мира. В частности, это такие школы, как антропологическая, органическая, социальный дарвинизм. Суть их одна — механическое перенесение биологических законов Дарвина на явления общественной жизни. Этому же закону подчинена и жизнь наций, государства, которые «воспитываются на постоянных войнах и развиваются при помощи своего рода естественного отбора» [7].

Согласно утверждению Б. Кидда, в кровавых последствиях «крестовых походов» англосаксов «виноваты» лишь естественные законы. Английский биолог Х. Спурел, продолжая теоретические положения Б. Кидда, «углубляет» их в духе мальтузианства. Поэтому, когда нация обременена излишком населения, начинается нужда, и ей ничего не остается, кроме как начать войну против своих соседей, чтобы отобрать у них землю и богатство. В этой никогда не скончаемой межнациональной грызне большую роль, по мнению Х. Спурела, играет чувство патриотизма, являющееся неотъемлемым свойством национальной души каждого народа. Однако патриотизм он рассматривает как природный инстинкт самосохранения, защиты ценою каких бы то ни было жертв.

Здесь следует отметить, что попытка найти верный критерий для научной характеристики природы национальной психологии, установить действительные ее детерминанты, сама по себе заслуживает только одобрения. Однако западная этнопсихология XIX-XX вв. была далека от раскрытия подлинных закономерностей возникновения и дальнейшей эволюции этнической психологии, как и во времена М. Лацаруса и Г. Штейнтала. Так, голландские ученые Х. Дуйкер и Н. Фрийдя прямо говорят, что знание национального характера может помочь понять действительного или потенциального врага. Это знание может быть использовано для психологической войны. «Техника психологической войны» «зависит от умения и способности психолога-солдата понимать проблемы врага, его образ мышления и действий и оказывать на него воздействие всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Эмоции других народов становятся оружием в его руках...» [8]. Неслучаен тот факт, что в 1960-1980-е гг. ряд важных этнопсихологических исследований, по признанию самих исполнителей, финансировался военным ведомством США.

С критикой расистско-биологического понимания наций в свое время выступил Н.Г. Чернышевский. Истинно национальное развивается благодаря общечеловеческому, культурным связям и взаимообогащению. Он выступает против тех исследователей, которые на основе субъективных впечатлений составляют понятие о национальном характере народа. По утверждению историков, пишет Н.Г. Чернышевский, «фиванцы обжоры и пьяницы... и были лишены живости ума. Пьяницы и обжоры, они погряз-

ли в тупой умственной и нравственной апатии. Фессалийцы были грубые пьяницы и развратники, презиравшие всякую умственную деятельность» [9]. Подобные безапелляционные заключения и дефиниции о характере народов составлены произволом фантазии и под преобладающим влиянием симпатии и антипатии, основываются на предрассудках и предубеждениях. Поэтому не случайно, что многие предвзятые высказывания о характере народов ложились в основу различных расистско-психологических теорий, тем более что расисты никогда особенно не заботились о научном обосновании своих взглядов.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса можно найти определенную систему взглядов на социально-историческую природу национальной психологии, о детерминирующих ее объективных факторах, многочисленные лаконичные и очень меткие характеристики особенностей психологических свойств ряда конкретных наций [10]. Ф. Энгельс, сравнивая уровень экономики, характер внешних и внутренних связей Англии, Франции и Германии в XVIII в., подчеркивал, что «английский национальный характер существенно отличен как от немецкого, так и от французского, ему свойственно неведение в свою способность уничтожить противоположность и вытекающие отсюда полное подчинение эмпирии» [11].

Длительная совместная жизнь в приблизительно одинаковой среде вырабатывает у людей некоторые общие черты психологии, особенности стилей поведения, общие привычки, способствует появлению общих традиций. Все это К. Маркс и Ф. Энгельс считали важными моментами и советовали учитывать их для налаживания дружественных отношений между нациями и дальнейшего интернационального сплочения. Они подчеркивали, что психология наций, их характер, чувства, настроения, воля, интересы выступают важными проявлениями социально-экономических и этнических процессов. Поэтому, говоря о различиях в духовно-психологическом облике народов, необходимо исходить из того объективного факта, что эти народы живут в неодинаковых социально-экономических и природно-географических условиях, находятся на разных стадиях общественного развития. Эта сторона дела оставалась и остается в тени у западных этнопсихологов раньше да и теперь.

Определенное внимание изучению чувств, настроений различных классов, наций в зависимости от условий их жизни уделял в своих работах В.И. Ленин [12]. Он выступал против буржуазного и ревизионистского толкования национального характера, против попыток рассматривать этот вопрос вне и независимо от классовой борьбы.

В годы культа личности, волюнтаризма и застоя классовые идеологические и догматические представления помешали должным образом развить на основе научной методологии идеи прогрессивных историков, социологов и философов об этнопсихологии, национальном характере и чувствах. Здесь сказалось и наше общее отношение к социальной психологии вообще, национальной (этнической) психологии в частности,

которую, как и генетику, кибернетику, сочли буржуазной лженаукой. А вот, к примеру, в Японии и некоторых других странах активно использовали особенности национальной психологии, национального чувства для ускорения научно-технического прогресса, повышения качества продукции. Наша же идеологическая, догматическая позиция в этом вопросе сослужила весьма неблагоприятную службу.

Исследование данной проблемы в историко-философском и современном аспекте обусловлено прежде всего теоретической и практической потребностью в разработке философии этноса, ибо прежняя теория нации и национальных отношений, разработанная в рамках идеологизированной и политизированной, догматизированной, схоластической теоретизированной марксистско-ленинской философии, устарела и не отражает адекватно современную противоречивую, специфическую этническую действительность. «Ибо тщетно обольщать себя надеждой на значительные успехи в науках, если мы станем сваливать все в одну кучу и прививать новое на старое», — справедливо отмечал еще Ф. Бэкон [13].

Поэтому до сих пор в понимании важнейших этнопсихологических явлений и процессов нет достаточно полной ясности, существует даже терминологическая путаница, разночтения в понимании тех или иных этнических понятий. А выдвинутая Ф. Бэконом в XVII в. задача реформы понятий на основе конкретизации их содержания имеет актуальное значение на современном этапе. К тому же национальная психология имеет много сторон, граней и оттенков, развивается под воздействием всей совокупности экономических, нравственно-этических, политических, культурных и других сторон национальной жизни. Она включает в себя совокупность рациональных, эмоциональных, волевых процессов, свойств и состояний, проявляющихся в национально-своеобразной форме. Явления национальной психологии характерны своей массовостью, то есть в большей или меньшей степени свойственны всем слоям этноса, проявляются в их совместном поведении, переживаниях, способах психологического общения друг с другом, они придают устойчивость и целенаправленность деятельности отдельного человека.

Национально-психологические явления следует рассматривать как социально-психологическую адаптацию этноса к объективным условиям национального бытия. Они выполняют ряд общественно значимых функций: этнообъединительную, этноотличительную, нормативную, накопления и передачи социального опыта, нравственных и культурных ценностей народа, регулируют социальные ориентации, установки и т.д. Нации отличаются по форме и своеобразию проявления общечеловеческого и того национально-особенного, которое является неизбежным атрибутом каждой из них. Все зависит от того, какое место занимает та или иная черта среди других свойств характера народа, какое нормативно-оценочное значение приобретает она в культуре, обычаях этого народа и в каких формах реализуется.

В структуре национальной, этнической психологии многие исследователи справедливо выделяют психический склад нации, национальный характер, национальное чувство, национальные стереотипы, национальное самосознание, психологические аспекты обычаев и традиций, культуры и т.д.

В современном мире нарастает процесс глобализации этнических и межэтнических процессов. Все более или менее значимые события, будь то социально-экономические, политические, культурные, религиозные и т.д., практически повсеместно принимают этническую окраску. Социальная философия, в силу своей специфики, изучает все стороны этносферы в их взаимосвязи и взаимообусловленности, как нечто целое, что позволяет наиболее полно и всесторонне исследовать этнореалии современного общества. И одним из последних достижений цивилизации и достижений науки является идея мультикультурализма, которая стала девизом многих современных полиэтнических государств, что позволяет жить в мире и согласии многим этническим группам внутри одного государства. Этот принцип вполне приемлем и для Казахстана, поэтому девиз «единство в многообразии» или «казахстанская мозаика» взят как приоритет в стратегической политике нашего государства. Поэтому в перспективном развитии Казахстана предусматривается решение двойной задачи: во-первых, дать возможность для развития каждой отдельной этнической группы, во-вторых, создать условия для объединения всех народов Казахстана в единую гражданскую общность. Поэтому исследование проблемы социальной природы национальной психологии, этнопсихологии — не самоцель, а связано с решением определенных научно-теоретических, нравственно-психологических и практических задач. Основная из них — изучение и вскрытие объективных закономерностей, тенденций в этой сложной и противоречивой сфере, выявление причин и путей преодоления возникающих противоречий и негативных процессов в ходе реализации в Республике Казахстан двух взаимосвязанных целей: этнической идентификации и государственной интеграции, рассмотрение путей и условий формирования мультикультурализма в полиэтническом и поликонфессиональном Казахстане, формирование в перспективе единого народа — казахстанцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиппократ. Избранные книги. — М., 1936. — С. 304.
2. Монтескье Ш. Избранные произведения. — М., 1955.
3. Фихте И. Назначения человека. — СПб., 1913. — С. 149-150.
4. Гегель Г. Сочинения. — М., 1956. — Т. 3.
5. Гегель Г. Сочинения. — М., 1935. — Т. 8. — С. 98, 135.
6. Дроппер Д.В. История умственного развития Европы. — СПб., 1901. — Т. 1. — С. 24-25.
7. Кидд Б. Социальная эволюция. — СПб., 1897. — С. 39.

8. Современная американская этнография. — М., 1962. — С. 82.
9. Чернышевский Н.Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории // Избран. филос. труды. — М., 1951. — Т. 3. — С. 588.
10. Маркс К., Энгельс Ф. // Собр. соч. — Т. 1. — С. 585, 618-619; Т. 2. — С. 355-358.
11. Маркс К., Энгельс Ф. // Собр. соч. — Т. 1. — С. 601.
12. Маркс К., Энгельс Ф. // Собр. соч. — Т. 1. — С. 154, 347; Т. 37. — С. 351-352.
13. Ленин В.И. // Полн. собр. соч. — Т. 32. — С. 342; Т. 43. — С. 401-402; Т. 48. — С. 233-234.

Куделка Д.Н.

ГУ «Научно-исследовательский институт статистики
Министерства статистики и анализа Республики Беларусь»

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАИБОЛЕЕ КРУПНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Прогнозирование численности и этнического состава населения является неотъемлемой частью проведения демографических исследований. Демографические процессы приобретают все большее значение как во внутренней политике отдельных стран, так и в международном аспекте, поэтому их прогнозирование является важным аналитическим средством познания и управления социально-экономическими процессами общественного развития. Демографическое прогнозирование готовит исходную базу для научного обоснования использования трудовых ресурсов, определения их качественных и количественных параметров развития, решения проблем занятости. Особое значение в демографических прогнозах имеет его этническая составляющая, ее изучение представляется актуальным с позиции разработки планов социально-экономического развития этнических групп, проживающих в РБ. Исследование процессов воспроизводства населения с учетом этнических особенностей признается и осуществляется не только демографами, но и другими специалистами — экономистами, социологами, градостроителями, экологами и др.

Основная цель нашего исследования — оценить возможные последствия длительного сохранения фактической демографической ситуации, на основе которой делается прогноз, что позволит своевременно принять адекватные меры по стабилизации этнодемографического развития Республики Беларусь. Прогноз производился методом так называемой «возрастной передвигалки», при котором исходная численность и сложившаяся структура этнических групп «передвигается» в будущее без изменений, а прогнозная численность рассчитывается по индексам динамики за последние 5-7 лет. Прогнозные показатели динамики численности населения проводились в отдельные отрезки расчетного периода по каждой возрастной группе. Оценки числа умерших в каждой группе поко-

лений основываются на предполагаемых изменениях в уровне возрастных показателей смертности. Совокупность живущих после расчетного периода определяется по оценкам числа родившихся на основании оценок возрастной структуры детородного контингента и предполагаемых возрастных показателей рождаемости.

Исходными составляющими данного прогноза являлись:

- численность и половозрастная структура национальных групп по данным переписи населения 1999 г. по однолетней возрастной группировке;
- половозрастные этнические коэффициенты рождаемости и смертности, рассчитанные за последние межпереписные годы (1988-1989 гг.). Полученные данные были сведены к 2002 г. с учетом того, что все этнические группы в одинаковой степени изменили свое демографическое поведение.

При разработке реалистических демографических прогнозов на более чем двадцатилетний период следует учитывать, что по истечении 20 лет численность возрастов максимальной рождаемости достигнет численности поколения женщин, которая уже была оценена на основе предполагаемой рождаемости. Таким образом, велика вероятность того, что случайная ошибка в оценке рождаемости на более отдаленное время увеличится. Исходя из этого, мы и выбрали двадцатилетний прогнозируемый период, т.е. с 1999 г. по 2019 г.

Оценка сложившегося воспроизводства этнических групп осуществлялась без учета влияния миграционных процессов. Предложенный нами прогноз воспроизводства населения с гипотезой о неизменных коэффициентах смертности и рождаемости за рассматриваемый период не может претендовать на абсолютную точность, а лишь определяет сложившуюся тенденцию динамики численности и состава населения на ближайшее будущее.

Если на протяжении всего прогнозируемого периода уровень рождаемости и смертности сохранится на современном уровне и не будет внешней миграции, численность населения Беларуси будет неуклонно сокращаться и составит в 2019 г. 8910,9 тыс. человек, уменьшившись по сравнению с началом 1999 г. более чем на 1,1 млн чел. (в городских поселениях на 450 тыс., а в сельской местности на 683,2 тыс.). При этом более интенсивно число жителей будет убывать во второй половине прогнозируемого периода. Так, если в первое прогнозируемое десятилетие (1999-2009 гг.) жителей Беларуси станет меньше на 508 тыс., то во второе (2009-2019 гг.) — на 625 тыс. человек. Естественно, изменится не только общая численность населения, но и соотношение этнических групп. В конце прогнозного периода белорусы будут составлять в общей численности населения подавляющее большинство — 82,4%, русские — 10,8%, поляки — 3,6%, украинцы — 2,1%, евреи — 0,1% и другие национальности — 0,9% (табл. 1).

В целом по республике по сравнению с 1999 г. (при отсутствии внешней миграции и сохранении демографических установок на современном уровне) вырастет только доля белорусов на 1,2 процентных пункта и лиц

Таблица 1

Динамика доли лиц данной национальности
в общей численности населения в 1999-2019 гг.¹

Годы	Белорусы	Русские	Поляки	Украинцы	Евреи	Другие
1999	81,2	11,4	3,9	2,4	0,3	0,8
2009	81,7	11,2	3,8	2,3	0,2	0,9
2019	82,4	10,8	3,6	2,1	0,1	0,9

другой национальности на 0,1 процентных пункта. Доля остальных национальностей уменьшится, в наибольшей степени у русских – на 0,6%, поляков и украинцев – на 0,3%, а евреев – на 0,2%.

Однако если рассмотреть изменения, которые, вероятно, произойдут в национальном составе белорусского общества (без учета внутренней миграции) в разрезе город-село, то можно заметить, что развитие этнической структуры населения будет происходить в разных направлениях. Городские поселения станут более моноэтничными (преобладание лиц коренной национальности увеличится на 2,2 процента и к 2019 г. составит 81,2%) (табл. 2). Сельские поселения, наоборот, приобретут более полиэтнический вид. Доля белорусов в общей численности сельского населения опустится на полпроцента, поляков – на 0,7%; в то же время вырастет процентная доля русских на 0,6%, украинцев на 0,2%, а лиц другой национальности почти на треть, что составит около одного процента.

Таблица 2

Динамика доли лиц данной национальности в общей численности
населения в городских поселениях и сельской местности в 1999-2019 гг.¹

Годы	Белорусы		Русские		Поляки		Украинцы		Евреи		Другие	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1999	79,0	86,3	14,0	5,5	3,1	5,9	2,7	1,7	0,4	0,0	0,9	0,7
2009	80,0	85,8	13,3	5,9	3,1	5,6	2,4	1,9	0,3	0,0	0,9	0,8
2019	81,2	85,8	12,5	6,1	3,0	5,2	2,2	1,9	0,2	0,0	0,9	1,0

К окончанию прогнозного периода население трудоспособного возраста составит немногим более половины всех жителей страны – 57,8%. Доля населения, перешедшего рубеж трудоспособного возраста, будет неуклонно и быстро расти, начиная с 2006 г., и в 2019 г. составит более четверти населения – 25,4%. Доля лиц в возрасте до 16 лет, наоборот, будет снижаться (по сравнению с 1999 г. она уменьшится на 5,3%).

Особенности, уже сложившиеся в режиме воспроизводства различных этнических групп, а также имеющиеся у них различия в возрастно-половой структуре скажутся на их демографическом развитии и в будущем.

Белорусы. Перспективная численность лиц титульной национальности в 2019 г. будет составлять 7344,9 тыс. чел.; это на 813,9 тыс. меньше, чем по переписи населения 1999 г., что составляет 90% от переписной численности лиц белорусского этноса в стране. Из них 5285,2 тыс. (72%)

¹ Рассчитано автором.

будут жить в городах и 2059,1 тыс. (28%) – в сельской местности. Таким образом, уровень урбанизации белорусов за двадцатилетний период увеличится почти на 5%. Среднегодовая убыль составит около 41 тыс. чел., а ежегодные потери – около 0,5%.

Почти все первое десятилетие XXI в. возрастная структура белорусов будет благоприятствовать замедлению темпов убыли. В активный репродуктивный возраст станут входить родившиеся в 1983-1987 гг., когда имел место кратковременный подъем рождаемости. Достигать пожилого возраста будут сравнительно малочисленные контингенты военных лет рождения. Даже при неизменном режиме воспроизводства лиц белорусской национальности это приведет, с одной стороны, к некоторому увеличению числа родившихся, а, с другой стороны, снижение доли пожилого населения будет тормозить рост общих показателей смертности. В результате в 2008 г. будут наблюдаться минимальные значения депопуляции – 34,6 тыс. чел. В 2009 г. общий коэффициент рождаемости составит 10,6 промилле – это максимальный показатель среди всех исследуемых нами этнических групп за исследуемый нами период.

Совершенно иная ситуация сложится после 2008-2010 гг. Репродуктивного возраста начнут достигать малочисленные контингенты родившихся в 90-е гг. XX в., а в возраст, для которого характерен относительно высокий уровень смертности, будут постепенно входить родившиеся в послевоенные годы компенсационного повышения рождаемости. Вызванные этими процессами структурные факторы обусловят заметное снижение общих показателей рождаемости и более быстрый рост общих показателей смертности. Начиная с 2009 г. естественная убыль белорусов будет непрерывно нарастать с 34,8 тыс. до 54,6 тыс. чел. в 2019 г. При данном перспективном расчете число родившихся на 1000 чел. составит 8,3, а умерших – 16,1.

В целом за прогнозируемый период численность белорусов в городских поселениях уменьшится на 212 тыс. чел., что составляет 26% от общей ее убыли, а в сельской местности – на 602 тыс. чел. (74%). Однако в сельской местности темпы депопуляции белорусов будут постоянно уменьшаться – с 41 тыс. чел. в 2000 г. до 23,3 тыс. чел. в 2019 г., а в городах, наоборот, возрастать – с 0,2 тыс. до 31,4 тыс. чел. В 2017 г. впервые демографическая убыль лиц титульной национальности в городах превысит аналогичный показатель на селе – 25,8 тыс. чел. против 24,1 тыс. чел.

В конце второго десятилетия XXI в. возрастно-половая пирамида у белорусов будет иметь вид ромба. Максимальный выступ будет соответствовать возрастной группе 30-34 года. Затем стороны этой пирамиды будут идти навстречу друг другу, вверх (к старшим возрастам) более плавно, а вниз (к младшим возрастам) более резко, что в целом говорит о постарении населения. И хотя доля трудоспособного населения к концу прогнозного периода вырастет и составит 59,7% (61% в городских поселениях и 56,3% в сельской местности), в возрастной структуре будет от-

четливо проявляться негативная тенденция – быстрое снижение доли белорусов моложе трудоспособного возраста как в городах, так и в селах республики.

Русские. При сохранении нынешнего режима воспроизводства лиц данной национальности их численность будет заметно сокращаться. Согласно полученным результатам, в 2019 г. русские составят около 80% от общей численности 1999 г. (322,1 тыс. чел. против 395,7 тыс. чел.), ежегодно они будут «терять» около 1% (3,7 тыс. чел.), что в два раза больше аналогичного показателя для белорусов. Наибольшие потери будут приходиться на последние годы прогнозного временного отрезка. Так, если в 2000 г. демографическая убыль составляла около 6 тыс. чел., то в 2019 г. она составит около 12,3 тыс. чел. В результате в городских населенных пунктах будет проживать 196,5 тыс. русских (91,4% от численности 1999 г.), а на селе – 125,6 тыс. чел. (69,5%).

Общий коэффициент рождаемости в городских поселениях на протяжении всего прогнозного периода будет неуклонно падать (с 7,8 до 5,1‰), а умерших – возрастать (с 12,8‰ в 1999 г. до 18,5‰ в 2019 г.). В сельской местности демографическое развитие русских будет не столь однозначно. После падения общего коэффициента рождаемости в самом начале XXI столетия до 10,4‰ ожидается рост данного показателя до 11,7‰ в 2007 г., а затем снова падение до 8,7‰. В то же время общий коэффициент смертности за рассматриваемый период вырастет на 3,2‰, с 15,4 до 18,6‰.

В результате произойдет незначительное снижение уровня урбанизации этой национальной группы: если в 1999 г., согласно переписи населения Республики Беларусь, данный показатель составлял 85,2%, то в 2019 г. он будет равен 84,9%.

Как видно из рис. 1, в возрастной структуре русских, проживающих в городах, в 2019 г. будут преобладать лица в возрастном интервале от 45 до 70 лет. В сельской местности возрастная структура лиц данной национальности будет выглядеть иначе, так, наиболее активная возрастная группа 30-34 года будет составлять почти 9%. Доля детей и подростков в возрасте до 20 лет в сельской местности будет в полтора раза выше, чем в городской – 22,7 и 15% соответственно.

Доля лиц русской национальности, перешедших рубеж трудоспособного возраста, будет неуклонно расти с 21,4% в 1999 г. до 33,4% в 2019 г. Таким образом, каждый третий русский, проживающий в республике, будет пенсионером, причем в городских поселениях таких лиц будет 34,4%, а на селе – 27,8%. Естественно, вырастет и демографическая нагрузка на лиц в трудоспособном возрасте данной этнической группы: в целом по республике с 578% в 1999 г. до 845% в 2019 г. (в городах с 561 до 848% и в селах с 685 до 843% соответственно).

Поляки. Общая численность поляков за прогнозируемое двадцатилетие уменьшится на 73,6 тыс. чел. и составит в 2019 г. около 322 тыс. чел. Особенно сильно сократится их численность в сельской местности – на

55 тыс. чел., что составит 75% от общих демографических потерь данного этнического сообщества. В городах потери составят 18,6 тыс. чел.

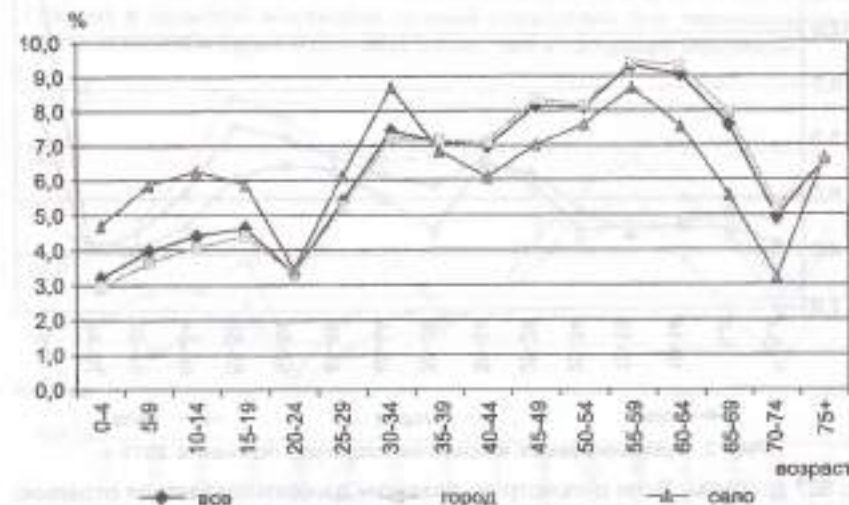

Рис. 1. Прогнозируемая возрастная структура русских в 2019 г.

Вследствие особенностей возрастной структуры поляков общий коэффициент рождаемости достигнет максимального значения в 2010-2012 гг. и составит 9,1‰, по данному показателю они будут уступать только лишь белорусам. Но после 2012 г. общий коэффициент рождаемости будет снижаться – до 7,8‰ в 2019 г. Общий коэффициент смертности за двадцатилетний период вырастет на 3,1‰ и составит 19,6‰. Преобладание лиц старших возрастных групп в сельской местности приведет к повышенному общему коэффициенту смертности (26,0‰) – это самый высокий показатель для всех крупных этнических групп, проживающих в сельской местности.

Возрастной состав населения поляков, проживающих на территории Беларуси, который может сформироваться к концу второго десятилетия XXI в. при условии сохранения нынешнего режима воспроизводства и отсутствии миграционных перемещений, наглядно виден на рис. 2. Как видно из данного рисунка, для поляков будет характерна следующая тенденция: с увеличением возраста до 59 лет будет увеличиваться и процентная доля лиц этих возрастов в общей численности данного этноса. Исключение в городах составит лишь возрастная группа 20-24 года, а на селе – 35-39 лет. Также заметна значительная доля лиц старше 75 лет в сельской местности – 14%.

В результате снижения демографической нагрузки детьми и подростками на трудоспособное население (с 312 до 271%) снизится и общая нагрузка на трудоспособное польское население: в целом по республике

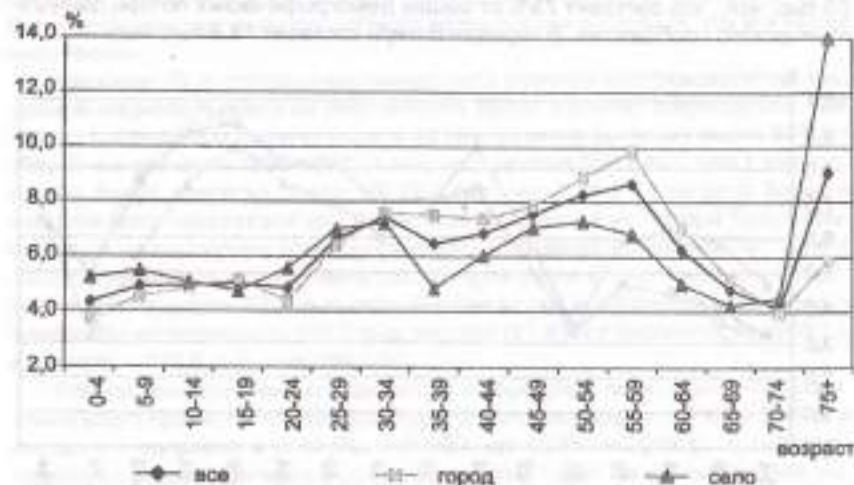

Рис. 2. Прогнозируемая возрастная структура поляков в 2019 г.

с 827 до 794‰. Если рассмотреть развитие данного показателя отдельно в городской и сельской местности, то можно заметить существенное различие. В городских населенных пунктах в связи со стремительным ростом демографической нагрузки группой лиц в возрасте старше трудоспособного с 265 до 479‰ вырастет и общая нагрузка — с 553 до 722‰. В сельских поселениях, наоборот, вследствие значительного сокращения демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста с 957 до 599‰ снизится и общая нагрузка — с 1311 до 918‰.

Украинцы. В результате снижения рождаемости и роста смертности численность украинцев, проживающих на территории Беларуси, сократится с 1999 г. на 48,8 тыс. чел. и на начало 2019 г. составит 188,2 тыс. чел. Число родившихся на тысячу лиц данной национальности снизится более чем в два раза — с 10,2‰ в 1999 г. до 4,7‰ в 2019 г., а умерших возрастет — с 14,3 до 20,3‰ соответственно. Естественные потери в городах будут значительно больше, чем на селе. Так, за выбранный нами двадцатилетний прогнозный отрезок времени украинцы потеряют 42,7 тыс. чел. (23,1%) в городских и 6,1 тыс. чел. (11,7%) в сельских поселениях.

В городах общий коэффициент смертности будет постоянно расти: с 14,4‰ в 1999 г. до 21,7‰ в 2019 г. Общий коэффициент рождаемости уменьшится более чем в два раза — с 8,8 до 3,4‰. В сельских поселениях общий коэффициент смертности украинцев будет колебаться не так значительно, как в городах республики: от 13,6 до 15,9‰. Особенности возрастной структуры лиц данной национальности будут способствовать в начале XXI в. довольно стабильному положению показателя общего коэффициента рождаемости (на уровне 11‰), но после 2013 г. этот показатель начнет снижаться и в 2019 г. составит 8,6‰.

В перспективе возрастная структура украинского населения будет «стареть». Так, почти половина лиц данной национальности (49,5%) будет находиться в возрастном интервале от 45 до 69 лет (рис. 3). Доля детей в возрасте до 4 лет составит 2,8%, 5-9 лет — 3,5%, 10-14 лет — 4,2%. Причем в сельской местности данный показатель для перечисленных групп населения будет в два раза выше, чем в городской местности.

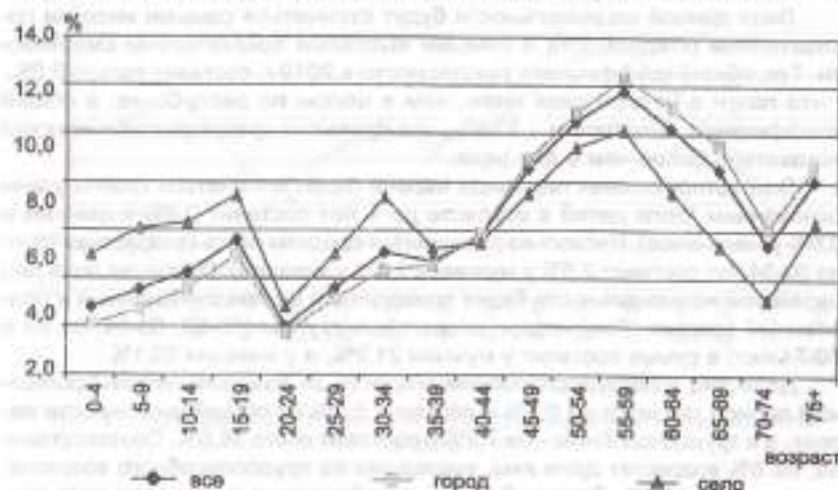

Рис. 3. Прогнозируемая возрастная структура украинцев в 2019 г.

Доля лиц в трудоспособном возрасте будет составлять менее половины от общей численности украинцев — всего 49,9%. Особенно неблагоприятно будет складываться ситуация в городской местности. Так, доля лиц в дотрудоспособном возрасте будет составлять 9,2%, в трудоспособном — 48,8%, старше трудоспособного — 42,1%. В сельской местности обращает на себя внимание достаточно высокая доля лиц в возрасте моложе трудоспособного — 18,7%, что более чем в два раза превышает аналогичный показатель в городах. Трудоспособное население будет составлять 53,2%, а старше трудоспособного — 28,1%.

Общая демографическая нагрузка у украинцев за прогнозное двадцатилетие вырастет в два раза и составит в 2019 г. 1006‰, 23% от общей нагрузки будет приходиться на лица дотрудоспособного возраста и 77% — на старше трудоспособного. В городских населенных пунктах из общей демографической нагрузки (1050‰) 17,9% будет приходиться на украинцев в дотрудоспособном возрасте и 82,1% — старше трудоспособного. На селе этот разрыв будет не таким большим, 39,9 и 60,1% соответственно (от общей нагрузки в 879‰).

Евреи. Регрессивная возрастная структура лиц данной национальности наряду с низкими показателями рождаемости приведет в будущем к

значительному сокращению численности евреев. Так, если по данным последней переписи населения в 1999 г. на территории республики проживало 27,8 тыс. лиц данной национальности, то в 2019 г. их перспективная численность составит всего 12,8 тыс., т.е. за 20 лет уменьшится более чем в два раза (при условии отсутствия миграции). Практически все евреи (12,7 тыс. или 99%) будут проживать в городах республики.

Лица данной национальности будут отличаться самыми низкими показателями рождаемости и самыми высокими показателями смертности. Так, общий коэффициент рождаемости в 2019 г. составит только 2,0‰, что почти в четыре раза ниже, чем в целом по республике, а общий коэффициент смертности – 33,5‰, что превысит среднереспубликанский показатель более чем в два раза.

Возрастно-половая пирамида евреев будет отличаться крайне узким основанием (доля детей в возрасте до 4 лет составит 0,6% у девочек и 0,6% у мальчиков). Несколько расширится средняя часть (возрастная группа 30-34 лет составит 2,5% у мужчин и 2,4% у женщин). Основная доля лиц еврейской национальности будет приходиться на предпенсионный и пенсионный возраст. Так, четыре возрастные группы (55-59, 60-64, 65-69 и 70-74 лет) в сумме составят у мужчин 21,9%, а у женщин 23,1%.

Доля лиц в нетрудоспособном возрасте за двадцатилетний прогнозный период снизится на 0,5% и составит 5,3% от общей численности евреев, а в трудоспособном – на 7,5% и составит всего 38,6%. Соответственно, на 8% возрастет доля лиц, вышедших из трудоспособного возраста, она составит 56,1%. Таким образом, преобладание лиц преклонного возраста в возрастной структуре евреев вызовет демографическую нагрузку в 1588%, что более чем в два раза превышает среднереспубликанский показатель, причем 91,4% от этой нагрузки будет приходиться на лица старше трудоспособного возраста.

Другие национальности. Численность лиц другой национальности на протяжении всего прогнозного периода будет оставаться примерно на одном уровне – около 83 тыс. чел. Причем, если в городах Беларуси их численность сократится с 62,7 тыс. чел. в 1999 г. до 58,8 тыс. чел. в 2019 г., то в сельской местности, наоборот, вырастет с 20,2 тыс. до 24,2 тыс. чел., т.е. почти на 20%. В результате около 70% лиц данной категории будет жить в городах и 30% – в селах.

Возрастно-половая структура лиц другой национальности в разрезе город-село будет существенно отличаться (рис. 4). Так, для городских поселений будет характерна низкая доля детей и достаточно высокая доля лиц предпенсионного и пенсионного возраста (в возрасте от 45 до 64 лет будет почти половина – 45,3% всех лиц данной категории). В сельской местности, наоборот, доля детей в возрасте от 0 до 14 лет составит 24,5% (это самый большой показатель из всех исследуемых нами этнических общностей) от всех лиц, вошедших в эту группу. Доля в возрасте 45-64 года составит всего 28,7%. В целом возрастно-половая пирамида лиц другой

национальности, проживающих в сельских поселениях, будет иметь отчетливые черты прогрессивной, т.е. будет отличаться широким основанием. Так, доля детей в возрасте до 4 лет составит 4,3% у мальчиков и 4,1% у девочек.

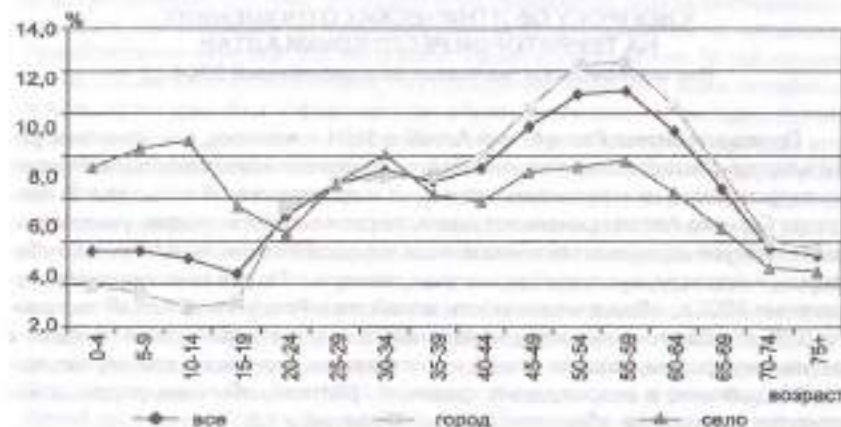

Рис. 4. Прогнозируемая возрастная структура лиц другой национальности в 2019 г.

В городах доля лиц, не входящих в пятерку исследуемых нами этнических групп, в возрасте до трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного составит 4,6; 65,2 и 30,2% соответственно. На селе при группировке по экономической активности прежде всего обращают на себя внимание очень высокий процент лиц в нетрудоспособном возрасте – 25,9% и достаточно низкий для нашей республики процент лиц старше трудоспособного возраста – 20,7%. Такая молодая возрастная структура, безусловно, позитивно скажется на демографическом и экономическом развитии лиц другой национальности, проживающих в сельской местности нашей республики.

Опыт европейских государств, а также демографические прогнозы, выполненные различными исследователями, показывают, что Беларусь в обозримом будущем едва ли может рассчитывать на увеличение численности населения за счет естественного прироста. Поэтому этнодемографические прогнозы могут стать мощным инструментом для разработки миграционной политики с учетом этнодемографического состава мигрантов.

Лысенко Ю.А., Кушнерик Р.А., Ноздрина И.А.
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
Алтайский центр востоковедных исследований (г. Барнаул)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ**
(по материалам полевых исследований 2004 г.)

Провозглашение Республики Алтай в 1991 г. явилось, как известно, результатом общественно-политического движения малых народов России за возрождение их национального языка и традиционной культуры. В пределах Горного Алтая проживают шесть тюркоязычных народов, утвержденных в статусе коренных малочисленных народов России, – теленгиты, тубаларцы, чепкажцы, кумандинцы, шорцы, телеуты. По данным переписи населения 2002 г., общая численность алтайцев в Республике Алтай составила 31% от общего количества населения, а создание автономии привело к активному формированию новой идентичности коренного этноса, нашедшей выражение в возрождении традиций, религий, обычаев, родовых институтов, в создании общественных организаций и т.д.

В то же время на территории Горного Алтая в силу объективных обстоятельств, а именно исторических событий XVIII – начала XX в., сложился полиэтнический состав населения. Так, кроме алтайцев наиболее многочисленными являются русская и казахская этнические группы.

Процесс освоения и заселения русскими южно-сибирского региона начался в XVII – первой половине XVIII в. Богатство недр Горного Алтая способствовало созданию здесь Кабинетного землевладения и сооружению Колывано-Воскресенских заводов по добыче и переработке ископаемых руд. Хозяйственное освоение края сопровождалось казачьей, а с середины XIX в. и крестьянской колонизацией. Процесс освоения Алтая Российской империей совпал по времени с миграцией сюда кочевников-казахов. Эти события были связаны с падением Джунгарского ханства в середине XVIII в. и установлением фиксированной российско-китайской границы в Центральной Азии, что привело к изменению традиционных маршрутов кочевания и вызвало дробление пограничных кочевых, в том числе казахского, ареалов. Более полутора веков в юго-западной Сибири проблема урегулирования миграционного движения казахов на территорию Алтайского округа оставалась одной из наиболее острых [1, с. 3]. Правительственные круги то сдерживали, то разрежали перекочевки казахов в регион и уже в начале XX в. здесь появились казахские волости, которые были включены в общеимперскую систему управления.

Таким образом, на территории Республики Алтай сформировался полиэтнический состав населения, что является важным фактором формирования концепции развития региона в целом и демографической политики в частности (по материалам Всероссийской переписи населения

2002 г. 63% населения Республики Алтай составляют русские, 5,6% – казахи) [2].

Характер развития межэтнических отношений на современном этапе в значительной степени определяется процессом самоидентификации народов, населяющих регион. Особенно ярко он отразился на алтайцах – приобретение ими статуса титульной нации в Республике Алтай изменило их социально-политический тип поведения, возросла роль алтайского языка, культуры, был сформирован образ «истинного алтайца», руководящие посты в управлении республикой стали открыты только для этой социальной группы населения и т.д. Таким образом, была сформирована новая этническая иерархия при одновременной унификации культурных и языковых стереотипов, ориентированных на ценность титульной группы, что, в свою очередь, провоцирует конфликтную логику межэтнического диалога и ведет к усилению центробежных тенденций. На практике в Республике Алтай эта ситуация отразилась на усилении мобильности этнических групп, в частности, миграции казахского населения в соседний Казахстан и русских в сопредельные районы Алтайского края. Так, например, только в 1994 г. число уехавших казахов из Республики Алтай составило 7024 чел., в 1995 г. – 7103 чел. [3, с. 393]. Таким образом, отслеживание межэтнической ситуации в регионе просто необходимо для сохранения ее стабильности и пресечения возможных конфликтов.

С целью реализации данной задачи в июне-июле 2004 г. сотрудниками Алтайского центра востоковедных исследований были проведены полевые исследования по программе «Этноконфессиональная ситуация в Республике Алтай». Программа полевых исследований не ставила своей целью получение данных, репрезентативных для региона в целом. Она ставила своей задачей выявление оценочных и качественных характеристик восприятия разными этносами некоторых аспектов этнической и конфессиональной ситуации. Анкетирование, устный и письменный опросы местного населения были проведены в Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском и Усть-Коксинском районах Горного Алтая. В ходе опроса был применен метод организации выборки, называемый в социологических исследованиях методом «снежного кома», особенностью которого является выбор очередного респондента по указанию респондентов, включенных в выборку на предыдущем этапе. В опросе приняли участие следующие этнические группы: алтайцы, русские, казахи [4]. Результаты опроса позволили определить уровень этноконфликтного потенциала региона и стереотипы этнического восприятия алтайцами, русскими и казахами друг друга.

По результатам опроса 69,3% респондентов считают, что в регионе не существует проблемы межэтнических отношений; из числа тех, кто ответил на этот вопрос утвердительно, показатели распределились следующим образом: лишь 9,9% алтайцев признают существование межэтнической проблемы, в то время как у казахов этот показатель составляет 42%, у русских – 34%. Среди причин, деструктивно влияющих на межэтни-

ческую ситуацию в районах, на первом месте названы причины политического характера – 40,5% респондентов считают, что ухудшает межэтническую ситуацию борьба за власть, 33% – распределение административных и руководящих постов по национальному признаку; второе место занимают причины экономического характера – ухудшение экономической ситуации и борьба за распределение рабочих мест; и лишь 18,2% указывают на неуважение их обычаев и традиций со стороны других этносов. Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что утвердительно на неуважение к национальной культуре ответили только казахи (28,4%) и алтайцы (25%), причем оба этноса отмечают как взаимное неуважение, так и неуважительное отношение со стороны русских.

Целая серия вопросов, включенных в анкету, позволила определить уровень межэтнической толерантности в исследуемых районах в Республике Алтай. По полученным показателям, из трех этносов, участвовавших в опросе, наибольшая степень толерантности выявлена у казахов. Так, 71% респондентов оценивают взаимные отношения с представителями других этносов как дружественные, спокойные, ровные; 71% утвердительно ответили на вопрос о том, что население поселков, в которых они проживают, должно быть многонациональным, и 78,4% согласны на брак своего ребенка с представителем другого этноса (чаще с русским или алтайцем).

В то же время при большей межэтнической толерантности казахи менее толерантны в конфессиональном отношении. Лишь 56,8% из них согласны на брак своего ребенка с представителем другой веры. Одной из причин этого является, видимо, та существенная роль, которую играет религия в самоидентификации казахов в условиях анклавного проживания в иноэтнической и иноконфессиональной среде.

Менее терпимыми к представителям других национальностей по данному опросу оказались алтайцы. Несмотря на то, что 65% опрошенных согласны на интернациональный и 35% на межконфессиональный брак, 40% утверждают, что население их поселка должно состоять только из представителей одной нации.

Подобная ситуация объясняется, на наш взгляд, теми же процессами самоидентификации алтайцев, в результате которых последние стали считать себя этносом, обладающим особыми привилегиями и льготами в Республике, что в конечном итоге провоцирует осложнения в межэтническом диалоге. Подтверждением этого тезиса являются результаты опроса на вопрос о готовности респондентов сменить место жительства. 45% алтайцев готовы переехать на новое место жительства, но только в пределах Республики Алтай, по причине тяжелого экономического положения и безработицы. И только 5% из них указали, что причиной переселения могут стать этнические противоречия в их поселке. Иная ситуация проявилась у казахов: 56,8% респондентов готовы мигрировать в другие районы, но чаще всего за пределы Горного Алтая – в Алтайский край или в соседний Казахстан. Причинами, побуждающими к переезду казахского

населения в другие районы, наряду с экономическими часто указываются проблемы межэтнических отношений. Русские по сравнению с казахами ощущают себя в Республике Алтай более комфортно. Так, 66,4% опрошенных готовы сменить место жительства по экономическим причинам, но в пределах Горного Алтая.

Вопросы анкеты позволяют выявить собирательный образ, сформировавшийся у алтайского, русского и казахского населения по отношению друг к другу. Согласно проведенным опросам, в целом у носителей тюркской традиции, т.е. казахов и алтайцев, сформировался нейтральный образ русских. Так, на вопрос: «Представители каких национальностей вам симпатичны?» 100% казахов и 65% алтайцев назвали именно русских. В то же время более положительную характеристику русским дали казахи. По их мнению, русские обладают следующими чертами характера: добротой, честностью, терпимостью, дружелюбием, вежливостью, воспитанностью, отзывчивостью, открытостью. Из опрошенных казахов 100% готовы видеть русского в качестве друга, соседа, гостя и депутата; 56,8% – в качестве супруга и 71% – в качестве своего начальника. 85,2% казахов считают, что русские уважают язык и культуру их народа, 100% уверены, что русские помогают им сохранять обычаи и традиции, образ жизни, легко уживаются друг с другом и отвергают факт насильственного крещения в православную веру. И только 14,2% респондентов утверждают, что русские считают свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими.

Собирательный образ русских в оценке алтайцев менее лестен для первых. Так, согласно опросу, к негативным качествам русских алтайцы относят: расчетливость, шовинизм, несдержанность, легкомыслие, высокомерие, национализм. 100% респондентов готовы видеть русских только в качестве друга, соседа и гостя, в то время как в качестве супруга – 30%, в качестве депутата – 45%, в качестве своего начальника – 65%. Только 45% алтайцев считают, что русские помогают им сохранять обычаи, традиции и образ жизни их народа; 43% полагают, что русские не уважают язык и культуру алтайцев, а 25% убеждены, что их народ подвергся насильственной христианизации, и как логическое завершение почти половина респондентов (47%) уверены, что русские считают себя более одаренными и развитыми по сравнению с другими народами.

Таким образом, результаты опроса определили, что у казахского этноса, проживающего на территории Республики Алтай, сформировался более положительный стереотип восприятия русского этноса, чем у алтайцев. По-видимому, эта ситуация объясняется исторической ретроспективой. Как указывалось выше, алтайцы являются аборигенами данного административно-территориального образования, и поэтому в их менталитете крепко укоренился штамп русского колонизатора и, как следствие, негативное восприятие русских. Казахский же этнос, являясь пришлым в данном регионе, воспринимал русских более по-людски, чему в немалой степени содействовала продуманная политика руководства Ко-

лывано-Вознесенской линии, которое в XVIII – начале XX в. пыталось отрегулировать казахские миграции на Алтае во избежание казахско-алтайских столкновений.

Русские, согласно результатам опроса, воспринимают алтайцев и казахов как родственные народы, поэтому стереотип восприятия ими алтайцев и казахов во многом совпадает. Так, 50% респондентов считают, что и казахи, и алтайцы готовы «есть на голову», если их вовремя не осадить. В то же время 100% опрошенных утверждают, что и с алтайцами, и с казахами возможна настоящая дружба, оба народа уважают язык и культуру русских, вносят большой вклад в улучшение жизни поселков, в которых они совместно проживают. 100% готовы видеть оба этноса в качестве и друга, и супруга, и соседа, и гостя, и начальника, и депутата. В то же время 66,6% отметили, что алтайцы «все же чересчур склонны не уважать права и собственность других людей», и что «лучше, если бы в их поведении было меньше самоуверенных поступков и более веротерпимости».

Таким образом, по результатам опроса можно утверждать, что в собирательном образе русских об алтайцах и казахах отсутствует стереотип о том, что русская духовная и материальная культура «выше и лучше» тюркской. Более того, русские респонденты отмечают факт взаимовлияния русской, алтайской и казахской культур, особенно в быту и в духовной сфере. Некоторые данные показывают, что на уровне индивидуального общения между представителями различных этносов грани коллективных стереотипов размываются, а то и вовсе стираются. Наиболее ярким показателем взаимной комплементарности алтайцев, казахов и русских является тот факт, что абсолютное большинство респондентов согласны как взять, так и одолжить деньги представителю иного этноса.

В целом следует отметить, что, по нашим наблюдениям и выводам, потенциал межэтнической напряженности в районах проведения опроса невысок и находится в пределах допустимых норм. Вероятность обострения межнациональных отношений в Республике Алтай в сложившихся условиях минимальна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова И.В. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа (вторая половина XVIII – начало XX в.): Автореф. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004.
2. http://nsl.nasledie.ru/nasledie/OUT_DOS/ID/140516
3. Октябрьская И.В. Казахи Южного Алтая: современные этнические процессы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. 5-й годовой итоговой сессии института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1997.
4. Кузнецов Р.А. Этноконфессиональная ситуация в Республике Алтай (по материалам полевых исследований 2004 г.) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в центральной Азии и Сибири: история и современность: Матер. междунауч.-практич. конф. – Барнаул, 2004.

Манохина О.В.

Управление статистики Восточно-Казахстанской области,
г. Усть-Каменогорск

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 1999-2004 ГОДЫ

Важным элементом социальной структуры региона является демографическая ее составляющая, которая за последние годы претерпела существенные изменения. Восточный Казахстан в этом плане является достаточно типичным среди регионов республики, и тенденции изменения демографической ситуации в области во многом схожи с процессами, происходящими в соседних областях. Анализ, проведенный за 5 лет на материалах государственной статистики, охватывал следующие аспекты структуры региона: плотность населения, общую численность населения, рождаемость, смертность, основные причины летальных исходов, возрастную структуру населения.

Восточно-Казахстанская область расположена на востоке республики. В состав региона входят 19 административных единиц. На территории области находятся 10 городов, 25 поселков городского типа, 826 сельских населенных пунктов.

Восточный Казахстан занимает территорию 283,23 тыс. км², что составляет чуть более 10% от всей территории Казахстана, аналогична и доля проживающих в численности населения страны. Плотность населения на 1 км² сложилась почти на среднереспубликанском уровне – 5,1 чел. (по Республике – 5,5). Наиболее густонаселенными территориями являются г/а Курчатова (4950 чел. на 1 км²) и г/а Усть-Каменогорска (560 чел. на 1 км²).

На 1 января 2005 г. население Восточно-Казахстанской области составляло 1442,1 тыс. чел. За период с начала 1999 г. население области уменьшилось на 90,8 тыс. чел. (на 5,9%).

На рост или сокращение численности населения области влияют естественный и миграционный прирост (убыль), половозрастная структура (табл. 1).

Таблица 1

Годы	Численность населения на начало года, тыс. чел.	Общий прирост (убыль), тыс. чел.	В том числе	
			естественный, тыс. чел.	миграционный (с учетом поправочного коэффициента), тыс. чел.
1999	1532,9	-29,4	-1,8	-27,6
2000	1516,8	-16,1	-1,7	-14,4
2001	1499,1	-17,7	-1,8	-15,9
2002	1482,6	-16,5	-1,8	-14,7
2003	1466,0	-16,6	-1,1	-15,5
2004	1455,4	-10,6	-0,4	-10,2
2005	1442,1	-13,3	0,1	-13,4

Естественный прирост населения, в свою очередь, зависит от трех факторов: рождаемости, смертности и половозрастной структуры. За последние шесть лет число новорожденных в области в абсолютном выражении увеличилось с 16,9 до 19,4 тыс. В гг. Курчатове, Риддере, Абайском, Бескарагайском, Катон-Карагайском и Курчумском районах этот показатель имеет тенденцию к снижению; в остальных регионах – роста. Наибольший темп роста с 1999 г. наблюдался в г. Усть-Каменогорске (40%), г. Семипалатинске (31%), Бородулихинском (21%) и Глубоковском (20%) районах.

В расчете на 1000 чел. нас. коэффициент рождаемости в целом по области с 1999 г. по 2004 г. увеличился с 11,1 до 13,4. В 2000 г. каждый пятый регион области имел менее 9 рождений на 1000 жителей, в 2001 г. каждый четвертый, в 2003 г. не зафиксировано ни одного региона с показателем уровня рождаемости менее 9‰, а в 2004 г. уже 7 регионов из 19 имели уровень рождаемости выше 14‰ (табл. 2).

Таблица 2

Группировка районов и городов по уровню рождаемости

Уровень рождаемости, ‰	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Менее 9,0	3	4	5	3	-	-
9,0-10,9	5	4	3	6	5	4
11,0-13,9	6	7	9	6	9	8
14,0-16,9	3	4	2	4	3	6
17,0 и более	2	-	-	-	2	1

Сравнительный анализ рождаемости в Восточном Казахстане и других областях республики показывает, что она растет повсеместно. В целом по республике коэффициент рождаемости в прошедшем году составил 18,19 против 14,57 в 1999 г. В области в 2004 г. ее уровень был одним из самых низких (13,39‰) и находился примерно на одном уровне с Костанайской (12,64‰) и Северо-Казахстанской (12,27‰) областями.

При применении абсолютных значений следует иметь в виду влияние возрастных факторов на показатели рождаемости. Исключить их позволяют коэффициенты суммарной рождаемости условного поколения (СКР) и возрастные коэффициенты. Для простого воспроизводства населения, то есть для полного замещения двух родителей, необходимо, чтобы на одну женщину фертильного возраста (15-49 лет) приходилось по два ребенка. Однако в области на одну женщину фертильного возраста в 2004 г. приходилось лишь 1,69 ребенка (в 2003 г. – 1,58, в 2002 г. – 1,46, в 2001 г. – 1,37). Следует отметить положительную тенденцию роста СКР по Восточно-Казахстанской области: за период с 2001 по 2004 гг. на 23%.

Рост обусловлен прежде всего вступлением в детородный возраст весьма многочисленного поколения 1980-х годов рождения. Всплеск рождаемости в 1980-х годах был последствием введения новой демографической политики, направленной на продление срока отпуска матери по

уходу за ребенком, выплаты денежных пособий по достижению ребенком возраста одного года и т.д. Современная ситуация с рождаемостью является ярким примером демографических волн.

Анализ возрастных коэффициентов рождаемости за 2004 г. свидетельствует, что «пик» рождаемости у женщин приходится на возраст 20-24 года. По отношению к предыдущему году возрастные коэффициенты рождаемости возросли в возрасте от 25 до 44 лет.

Следует отметить, что в 2004 г. число новорожденных по сравнению с 2003 г. несколько увеличилось, что обусловлено ростом числа рождений как у первородящих, так и у повторнородящих женщин (табл. 3). Как показывает анализ, число вторых, третьих и т.д. детей по отношению к уровню 1999 г. составило 124%, количество первенцев к аналогичному периоду – 107%.

Таблица 3

Динамика и структура рождений

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Родилось живыми, чел.	16870	17025	16306	17013	18288	19397
В том числе:						
у первородящих	8833	8808	8559	8844	9229	9465
в % от общего числа	52,4	51,7	54,5	52,0	50,5	48,8
увеличение (+) или уменьшение (-) по сравнению с предыдущим годом	-578	-25	-249	285	385	236
у повторнородящих	8037	8217	7747	8169	9059	9932
в % от общего числа	47,6	48,3	45,5	48,0	49,5	51,2
увеличение (+) или уменьшение (-) по сравнению с предыдущим годом	-360	180	-470	422	890	837

При увеличении за год общего числа новорожденных остается высокой внебрачная рождаемость. Данная проблема оставалась актуальной и в 2004 г., при этом острота ее несколько снизилась. Число новорожденных, рожденных в неполных семьях, в 2004 г. составило 5455 (в 1999 г. – 4788). Их доля в общем количестве – 28%.

Из числа новорожденных, родившихся в 2004 г. вне зарегистрированного брака, лишь 33% затем регистрируются по совместному заявлению родителей, состоящих в гражданском браке (в 2002 г. – 14%, в 2003 г. – 26%).

Общезвестно, что многие показатели заболеваемости и смертности среди этой категории детей значительно превышают аналогичные в семьях с обоими родителями, поскольку дети, растущие в неполных семьях, сталкиваются с большими трудностями при адаптации к условиям жизни, имеют меньшую материальную защищенность.

Репродуктивные ориентации дифференцированы в зависимости от этноса. Наибольшую долю в числе новорожденных занимают казахи – 65% и русские – 31% при удельном весе их в общей численности населения области соответственно 52 и 43%. В расчете на 1000 жителей одной и той же национальности в 2004 г. родилось 17 казахов, 13 немцев, по 10 русских и татар, 6 украинцев (в 2003 г. соответственно 16, 13, по 9 и 7).

Таким образом, увеличение рождаемости за год отмечено у казахов, русских и татар, у украинцев этот показатель уменьшился. Представители казахского этноса предпочитают иметь двух, трех и более детей, в то время как остальные национальности нормой детности считают одного-двух детей. Как показывает проведенный по итогам 2004 г. анализ, доля первенцев у казахов составляет 42%, а на рождение второго, третьего и более ребенка приходится 58%. Для сравнения у русских удельный вес родившихся первыми по счету составляет 62%, у татар – 55%, у немцев – 63%. Доля третьих по счету детей у казахов – 16%, у русских – 6%, у немцев – 5,7% (табл. 4).

Таблица 4

Динамика рождений и доля первенцев по основным национальностям ВКО

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Казахи: число рождений	10542	10621	10118	10826	11627	12560
доля первенцев в общем числе новорожденных	45,8	45,7	46,3	45,9	44,2	42,2
Русские: число рождений	5473	5560	5343	5434	5878	6006
доля первенцев в общем числе новорожденных	64,0	62,4	63,5	63,8	63,2	61,8
Немцы: число рождений	350	331	322	275	278	280
доля первенцев в общем числе новорожденных	61,7	66,2	62,1	62,2	59,4	63,2
Татары: число рождений	209	186	179	203	201	225
доля первенцев в общем числе новорожденных	59,8	54,3	54,7	54,2	60,2	54,7
Украинцы: число рождений	92	100	105	85	93	73
доля первенцев в общем числе новорожденных	59,8	53,0	58,1	51,8	50,5	47,9

Смертность – второй компонент формирования естественного прироста населения. В области она еще достаточно высока. Следует отметить, что в результате повышения рождаемости и некоторого спада смертности в 2004 г. впервые за последние восемь лет зафиксирован прирост населения от естественного движения на 999 чел.

За последние шесть лет наибольшее количество умерших отмечено в 2000 г., в последующие два года этот показатель стабилизировался, в 2003 г. зафиксирован рост смертности по отношению к предыдущему году на 2,8%, а в 2004 г. вновь отмечено снижение на 1,1%.

В расчете на 1000 жителей в Восточном Казахстане по предварительным данным за 2004 г. коэффициент смертности был выше, чем в других областях республики (кроме Акимовской, Карагандинской и Северо-Казахстанской областей). Наименьший уровень смертности (от 6,49 до 7,43‰) наблюдался в г. Астане, Кызылординской, Мангистауской и Южно-Казахстанской областях.

Сохраняется внутриобластная территориальная дифференциация смертности. Максимальный ее уровень отмечен в промышленных регионах: г. Риддере (20,40‰), Глубоковском (18,20‰), Зырянском (18,53‰) и Шемонаихинском (19,02‰) районах; минимальный – в аграрных: Абайском (8,07‰), Аягозском (8,21‰), Жарминском (9,72‰), Зайсанском (8,84‰), Курчумском (9,01‰), Тарбагатайском (7,49‰) и Урджарском (8,80‰) районах. Усть-Каменогорская городская администрация по уровню смертности в 2004 г. занимала в области пятое место, Семипалатинская – седьмое.

В общем виде причинная структура смертности населения области в 2004 г. существенно не изменилась – «лидирующие» причины смерти сохранили свои ранговые позиции. На первом месте традиционно находилась болезнь сердечно-сосудистой системы. Их удельный вес в 2004 г. составил 55%. Второе место заняли новообразования (14%), третье – несчастные случаи, отравления, травмы (13%), четвертое – болезни органов дыхания (5%). Пятую позицию заняли болезни органов пищеварения (4%), шестую – симптомы и другие недостаточно обозначенные состояния (2,5%).

Смертность населения в рабочих возрастах представляет наибольший интерес, поскольку сказывается на формировании и составе занятого населения. В трудоспособном возрасте смертность от болезней системы кровообращения и несчастных случаев, отравлений и травм ежегодно подвергалась скачкообразным изменениям: то в сторону роста, то в сторону уменьшения. Смерти от болезней пищеварительного тракта ежегодно росли от 3 до 20%. По злокачественным новообразованиям смертность в данной возрастной группе ежегодно уменьшалась; по инфекционным заболеваниям отмечалось снижение смертности до 2001 г., в 2002 г. и в 2004 г. этот показатель вновь увеличился соответственно на 6,7 и 2,1%.

Первое место среди причин в трудоспособных возрастах занимают болезни системы кровообращения, второе – несчастные случаи, отравления и травмы, третье – новообразования. Каждый шестой погибший от неестественных причин в трудоспособном возрасте – женщина, удельный вес мужчин составляет 82%.

На снижение общей смертности населения области влияет младенческая смертность. Если в течение предыдущих лет показатель младенческой смертности имел тенденцию к постепенному снижению, то в 2003 г. эта тенденция нарушилась и коэффициент составил 104,2% к предыдущему году. В 2004 г. показатель младенческой смертности вновь уменьшился, составив 93,7% к уровню прошлого года (табл. 5).

В 2004 г. в возрасте до 1 года умерло 315 чел., более половины умерших младенцев (62%) не дожили до месяца. Основной причиной столь ранних смертей явились состояния, возникающие в перинатальный период (49%), и аномалии развития (16%), то есть причины, тесно связанные со здоровьем матери. Кроме того, дети до одного года умирают от заболеваний органов дыхания (14%), несчастных случаев, отравлений и травм (7%), инфекционных и паразитарных болезней (5%).

Таблица 5

Коэффициенты младенческой смертности

Годы	Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся	В процентах	
		к предыдущему году	к уровню 1999 г.
1999	20,2	90,2	-
2000	19,9	98,5	98,5
2001	17,9	89,4	88,1
2002	16,8	94,4	83,2
2003	17,5	104,2	86,6
2004	16,4	93,7	81,2

Как известно, мальчики рождаются чаще девочек. По Восточно-Казахстанской области на каждые 100 девочек в 2004 г. родилось 108 мальчиков. Однако смертность мужского населения заметно превышает смертность женщин уже на первом году жизни. Так, в 2004 г. смертность мальчиков составила 57% от всех умерших детей до 1 года.

Деформированная возрастная структура населения – третий фактор, от которого зависит его естественный прирост. Эволюционные изменения, произошедшие за последние шесть лет, свидетельствуют о старении населения области. Так, доля детей в возрасте от 0 до 14 лет в 1999 г. составляла 25%, а к началу 2005 г. – 20%. Удельный вес населения старше 75-летнего возраста за этот период увеличился с 2,6 до 3,6%. Следует отметить, что некоторый рост рождаемости за последние два года обусловил увеличение доли детей от 0 до 4 лет в общей численности населения (табл. 6).

Таблица 6

Процентное распределение населения ВКО по пяти основным когортам на начало года

Годы	0-4 года	5-14 лет	15-59 лет	60-74 лет	75 и более лет
1999	6,3	18,7	61,7	10,7	2,6
2000	5,9	18,3	62,2	10,9	2,7
2001	5,7	17,7	62,6	11,2	2,8
2002	5,5	16,9	63,4	11,2	3,0
2003	5,5	16,1	64,3	10,9	3,2
2004	5,7	15,2	65,4	10,3	3,4
2005	5,9	14,3	66,5	9,7	3,6

Таким образом, в Восточном Казахстане уровень рождаемости невысокий, однако с 2002 г. отмечены позитивные сдвиги в сторону увеличения числа рождений, особенно у повторнородящих женщин. Ежегодно растет суммарный коэффициент рождаемости, что свидетельствует об увеличении замещаемости поколений. Основным положительным моментом в демографической ситуации области является впервые зафиксированный за 8 лет естественный прирост населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шокаманов Ю.К. Человеческое развитие в Казахстане: методология измерения и анализ. – Алматы: Агентство РК по статистике, 2003. – 372 с.
2. Уровень жизни населения в Казахстане: Стат. сб. / Под ред. Ю.К. Шокаманова. – Алматы, 2003. – 356 с.
3. Данные годовых отчетов по ЕДН Управления статистики ВКО.

Морозова С.С.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ОТРАЖЕНИЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РК
В ЭТНИЧЕСКОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Последнее десятилетие XX в. стало для Казахстана, равно как и для многих других бывших республик Советского Союза, переломным не только в плане крупных политических и экономических перемен, но и в социально-демографическом поле. Произошли серьезные изменения в этническом и возрастном составе населения, во многом связанные с миграцией и социально-экономической нестабильностью на всем постсоветском пространстве. Большая территория страны, полиэтничность населения, а также геополитическая ситуация определили особую специфичность происходящих в Казахстане демографических процессов. Каждая область Республики Казахстан к началу 1990-х гг. уже имела исторически сложившиеся традиции развития народонаселения. Принятие суверенитета и начавшиеся преобразования во многом их изменили. Наиболее общими тенденциями можно указать снижение уровня рождаемости, изменение соотношения городского и сельского населения, активную внешнюю и внутреннюю миграцию, изменение этнической карты регионов республики.

В региональном аспекте существенные перемены произошли в этническом составе населения южных и приграничных областей республики. Здесь наблюдается серьезное изменение в процентном соотношении населения русского и казахского этносов. Немаловажным фактором была иммиграция оралманов, чаще всего оседающих в южных областях, где высокая доля казахского этноса (во многом это связано с языковой проблемой в адаптации нового населения), а также эмиграция русского населения.

В Алматинской области за межпереписной период численность населения казахского этноса возросла почти на 200 тыс. чел., а численность русских уменьшилась ровно на треть. Среди остальных этносов рост численности наблюдался только у уйгурского и турецкого населения (рис. 1). В Южно-Казахстанской области рост численности населения наблюдался у таджикского, узбекского и казахского этносов соответственно на 10,

20 и 30%. Численность русских сократилась ориентировочно на 30% по отношению к численности 1989 г. (рис. 2).

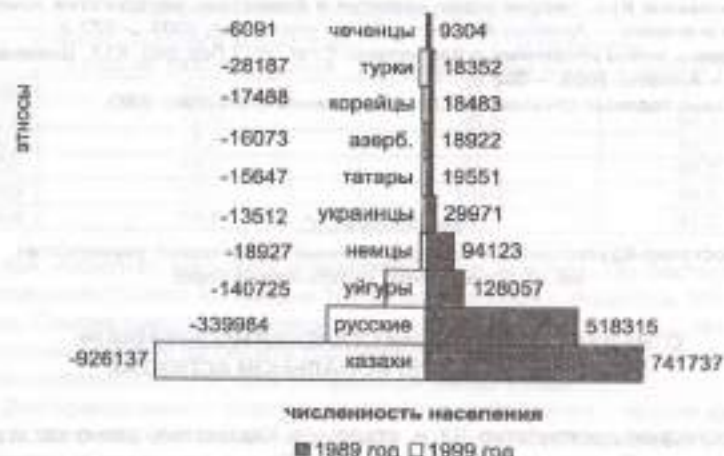

Рис. 1. Динамика численности населения наиболее крупных этносов, Алматинская область¹

Рис. 2. Динамика численности населения наиболее крупных этносов, Южно-Казахстанская область²

¹ Рассчитано по: Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Т. 1. – С. 51.

² Там же. – С. 183.

В приграничной с Россией Павлодарской области традиционно преобладало русское население. Но если в 1989 г. разница в численности казахов и русских была весьма значительной и составляла 150 тыс. чел., то после переписи населения 1999 г. при сохранившемся превосходстве общей численности населения русского этноса разница составила всего 26 тыс. Численность населения остальных крупных этносов значительно сократилась (рис. 3). Кроме того, общей тенденцией явилось резкое уменьшение численности населения немецкого этноса. Павлодарская область потеряла в численности половину немецкого населения.

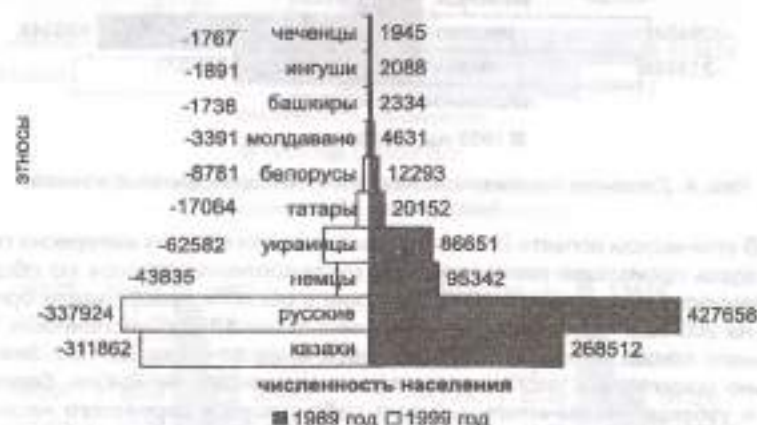

Рис. 3. Динамика численности населения наиболее крупных этносов, Павлодарская область¹

Наиболее показательной в этом плане является динамика численности населения в Акмолинской области. За 10 лет в межпереписной период область потеряла более 80 тыс. немецкого населения. Численность казахов возросла почти на 50 тыс. чел., а численность русских сократилась более чем на 100 тыс. чел. (рис. 4).

Аналогичная ситуация складывалась в Актобинской и Алматинской областях, где повторяется практически то же изменение соотношения населения русского, казахского, украинского и немецкого этносов.

Восточно-Казахстанская область является одной из самых неблагоприятных в плане рождаемости и прироста населения. Общие, свойственные всему населению Казахстана тенденции обостряются здесь крайне неблагоприятной экологической обстановкой. В 1989 г. естественный прирост населения составлял 1,2%, а в 1999 г. – уже -0,1%. Если в 1989 г. на 1000 чел. в среднем приходилось 21 родившихся и 9 умерших, то в 1999 г. – только 10 родившихся и 12 умерших.

¹ Рассчитано по: Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Т. 1. – С. 159.

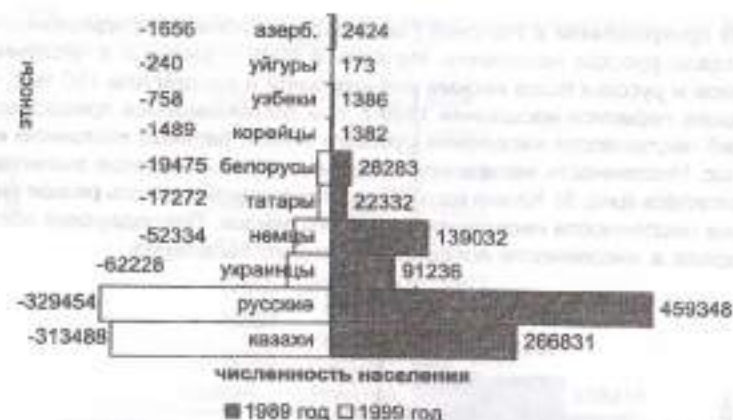

Рис. 4. Динамика численности населения наиболее крупных этносов. Алматынская область.¹

В этническом аспекте Восточно-Казахстанская область интересна тем, что здесь произошла перестановка в распределении этносов по общей численности населения. В 1989 г. русские в области преобладали более чем на 200 тыс. чел. После переписи населения 1999 г. численность титульного этноса «обогнала» русское население почти на 50 тыс. Значительно сократилась численность немцев, украинцев, чеченцев, белорусов и узбеков. Незначительный рост наблюдался у корейского населения (рис. 5). Причем потери, происходившие за счет миграции, «вырывают», как правило, из половозрастной структуры именно группу населения фертильного возраста.

Процесс старения населения Республики Казахстан нагляднее всего демонстрируется показателями коэффициентов рождаемости и смертности. Во многом эти показатели зависят от распределения населения по различным регионам страны, а также соотношения городского и сельского населения. Традиционно у сельского населения более высокий уровень рождаемости, хотя и коэффициент младенческой смертности тоже более высокий, чем в городе. Половозрастная пирамида сельского населения, как правило, имеет более «правильную» форму (рис. 6).

За последние двадцать пять лет в Казахстане произошло существенное перераспределение населения, отток из села в город. Это значительно ускорило процесс старения на фоне общего снижения числа рождений и волны миграции.

Если рассматривать половозрастной состав населения различных регионов нашей страны, то, несмотря на некоторые отличия и особенно-

¹ Рассчитано по: Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Т. 1. – С. 27.

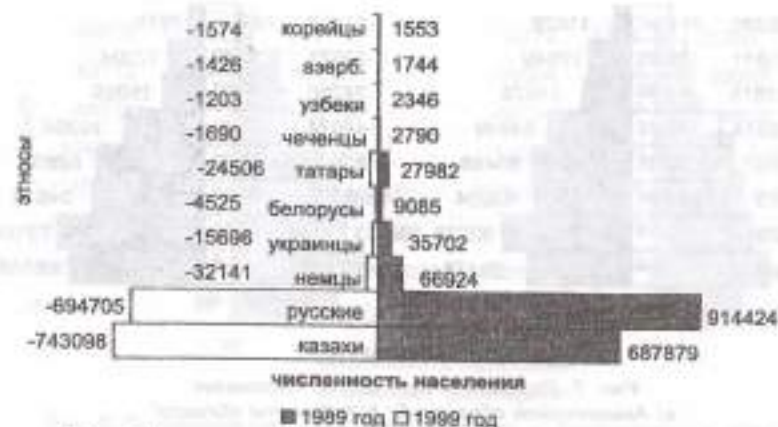

Рис. 5. Динамика численности населения наиболее крупных этносов. Восточно-Казахстанская область.²

Рис. 6. Половозрастной состав населения Алматынской области по материалам переписи 1999 г.: а) городского; б) сельского.²

сти, можно выделить общие показатели: зауженное основание половозрастной пирамиды (возраст до 10 лет); самая большая доля населения приходится на возраст от 10 до 20 лет; трудоспособное население составляет менее половины населения (то есть уже несет довольно большую экономическую нагрузку); в группе населения «третьего» возраста доля женщин более чем вдвое превышает долю мужчин (рис. 7).

² Рассчитано по: Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Т. 1. – С. 75.

³ Там же. – Т. 4. – С. 82-91.

Рис. 7. Половозрастной состав населения:
а) Акмолинской области; б) Актобинской области¹

Среди половозрастных пирамид всех областей Казахстана четко выделяются две основные группы: регионы, где основная доля в численности населения приходится на трудоспособную часть, а половозрастная пирамида имеет усеченное основание (рис. 8); и вторая группа, более малочисленная, где пирамида имеет правильную форму с достаточно широким основанием.

Рис. 8. Половозрастная структура населения Костанайской области²

К первой группе по большей части относятся промышленные области, с преобладанием городского населения. Это Восточно-Казахстанская, Северо-казахстанская, Павлодарская, Карагандинская, Актобинская и другие области (рис. 9).

¹ Рассчитано по: Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. - Т. 4. - С. 50-81.

² Там же. - С. 158.

Рис. 9. Половозрастная структура населения: а) Карагандинской области; б) Восточно-Казахстанской области¹

Ко второй, малочисленной группе половозрастных пирамид относится Южно-Казахстанская, Кызылординская и, отчасти, Мангистауская области (рис. 10).

Рис. 10. Половозрастная структура населения: а) Южно-Казахстанской области; б) Кызылординской области²

Это сельскохозяйственные и скотоводческие регионы Казахстана, а следовательно, с сохраняющимся традиционным типом воспроизводства. В результате, здесь можно ожидать более стабильную демографическую

¹ Рассчитано по: Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. - Т. 4. - С. 104, 143.

² Там же. - С. 173, 216.

ситуацию при сохранении соотношения городского и сельского населения, а также при соответствующем стимулировании государством развития определенных отраслей хозяйствования.

Таким образом, политические и социально-экономические преобразования в Казахстане породили ряд существенных изменений в половозрастной и этнической структурах практически всех областей Республики Казахстан. За редким исключением эти изменения демонстрируют нарастание тенденции старения населения.

Мукушев М.А.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ФАКТОР ПОЛИЭТНИЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА

Казахстан по размерам территории и полиэтничности занимает одно из ведущих мест среди членов Содружества Независимых Государств. Пестрый этнический состав – одна из основных характеристик республики. На формирование этнической структуры народонаселения Казахстана существенное влияние оказали миграционные процессы, вызванные столыпинской реформой начала XX в., коллективизацией 1920-х гг., голодом 1930-х гг., депортацией и военной эвакуацией 1940-х гг., освоением целинных земель 1950-х гг.

На данный момент наиболее значительными по численности этносами Казахстана являются: казахи (53,4%), русские (30,0%), украинцы (3,7%), немцы (2,4%) (по переписи 1999 г.) [1]. По Восточно-Казахстанской области несколько другое распределение по национальностям: казахи (51,8%), русские (42,9%), украинцы (0,2%), немцы (1,5%) (Демографический ежегодник ВКО: Усть-Каменогорск, 2005 г.). Сам факт наличия значительной численности русского населения в республике, которая имеет протяженные границы с Россией, не может не оказывать большого влияния на внутреннюю и внешнюю политику руководства Казахстана. Это тем более важно, если принять во внимание специфику этнорегионального распределения в стране. На севере и востоке страны преобладают представители европейских этносов, а на юге – представители коренного этноса и некогда иммигрировавшие выходцы из государств Средней Азии. При этом общей характеристикой почти всех урбанизированных районов Казахстана является превалирование славянского населения над казахским, которое в основном проживает в сельской местности. Но в последнее время наблюдается процесс массового притока сельских жителей, в большинстве своем безработной казахской молодежи, в города республики.

Это приводит к интенсивному процессу маргинализации городского населения, увеличению социальной напряженности.

Массовая эмиграция неказахского населения, пик которой пришелся на 1994-1995 гг., привела к снижению численности населения республики. Сокращение жителей Казахстана было детерминировано не только массовой эмиграцией, но и ухудшением демографических показателей, которые были обусловлены экономическим и социальным кризисом в обществе. Ухудшение этих показателей в регионах выразилось в значительном падении темпов естественного прироста населения.

Для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы семьи с тремя и более детьми составляли более половины общего числа семей. Но большинство казахстанских женщин в виду серьезных социальных проблем и ухудшения показателей здоровья ограничиваются рождением 1-2 детей. Особую тревогу вызывает также увеличение смертности в трудоспособном возрасте, прежде всего у мужчин. Одна из трех составляющих индекса человеческого развития – продолжительность жизни – в Казахстане уменьшилась на 3,5 года у мужчин и 2,8 года у женщин (1998 г.). Наличие таких показателей говорит о существовании большой и реальной, а не гипотетической угрозы для демографической безопасности Казахстана. В первую очередь это касается нетитульных этносов (русских, украинцев, немцев), которые фактически находятся на грани депопуляции. Главная цель национальной безопасности состоит в том, чтобы создать благоприятные условия для полноценного развития всех этносов Казахстана, реализации их интересов и предотвращения потенциальных конфликтов на национальной почве.

Многоязычный состав населения Казахстана является тем фактором, который влияет на политический климат внутри страны. Межнациональное согласие выступает как важнейшее условие безопасности и развития государства. Задача государства заключается в формировании такого самосознания всех этносов республики, при котором чувство принадлежности к единой стране играло бы важнейшую роль в ее сохранении и развитии. Здесь речь идет о становлении принципа «согражданства». Первостепенную роль в этом играет национальная политика государства. В современном мире существуют различные модели организации и реализации национальной политики. Однако истина одна: чем больше масштабы государства, его политическое пространство и чем пестрее этнический состав населения, тем больше оно нуждается в прагматической, дееспособной и сильной национальной политике. Это касается как федеративных, так и унитарных государств, каким является Республика Казахстан. Особенностью нашего государства является тот факт, что при небольшой численности (15 млн чел.) по отношению к территории (2717,3 км²) состав населения весьма полиэтничен (более 130 этносов).

Именно унитаризм в условиях полиэтничности Казахстана обеспечивает консолидацию народа, утверждение общенациональной идеи, диалога

межконфессионального общения, развитие общественного согласия, единство управленческой, правовой, социально-экономической систем, соответственно бесконфликтность, целеустремленность и успешность проводимых реформ служит гарантией стабильности и прочности государства.

Для казахстанской национальной политики общей является обязанность недопущения принятия политических решений, ущемляющих права национальных меньшинств на жизнь, образование, развитие культуры и родного языка, свободу вероисповедания, и дискриминации по национальным, расовым и религиозным признакам. Иными словами, суверенитет республики распространяется на всю ее территорию, и государство обеспечивает целостность, неприкосновенность и неотчуждаемость своей территории.

Требования государства в этом направлении нашли и законодательное закрепление. Главным основополагающим документом, фундаментально регулирующим сферу общественных отношений в целом, межэтнических в частности, является Конституция РК, в которой зафиксирован базовый принцип подхода к национальной политике — принцип равенства всех граждан республики независимо от их национальности. Вектор этого документа ориентирован на достижение оптимального баланса интересов. Такой баланс способствует стабилизации общества, придает мощный положительный импульс на развитие консолидации казахстанской нации:

1. Каждый вправе определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную и религиозную принадлежность.

2. Каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества [2].

Важное значение играет и Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан», где отмечено: не допускается принятие решений и совершение действий, заведомо способных:

1) нарушить единство народа Казахстана и ухудшить состояние межнациональных отношений;

2) нарушить общественное согласие и политическую стабильность в стране;

3) повлечь незаконное вмешательство религии в дела государства и государства в дела религии [3].

В унитарном Казахстане проблема выработки правового механизма защиты этнических меньшинств решена на основе таких научно обоснованных политических решений, как Закон «О языках в Республике Казахстан», который устанавливает правовые основы функционирования языков, обязанности государства в создании условий для их изучения и развития, обеспечивает одинаково уважительное отношение ко всем без исключения употребляемым в республике языкам, а также Законы «О свободе вероисповедания», Закон «Об экстремизме».

Четырнадцать лет независимости Республики Казахстан продемонстрировали оправданность такого подхода, направленного на целостность административно-территориального устройства государства, что обеспечивает стабильность и устойчивость самих властных структур, конституционного строя в целом.

Проанализировав этнополитику в Казахстане за этот период, можно отметить, что она в первые годы независимости была ориентирована на этносы. На данном этапе такой характер национальной политики был необходим. Она закрепилась Конституцией 1993 г., Декларацией о государственном суверенитете, Декларацией о государственной независимости. В этих документах этноориентированный характер национальной политики проявлялся в предоставлении казахской нации особого статуса. Однако и такая политика была действенной на начальном периоде, позже она стала противоречить дальнейшей демократизации государства. Противоречия этнополитики и демократических преобразований решились в новой Конституции 1995 г. Национальная политика приобретает новый характер, «элементы новой национальной политики, направленной на формирование единой нации, мы находим в Конституции 1995 года» [4]. Как известно, национальный вопрос — очень деликатный вопрос, малейшие противоречия в этой сфере способны привести к конфликтам.

Угрозами этнической безопасности могут быть:

— ухудшение социально-экономического положения основной массы населения, ведущей к повышению социальной напряженности;

— появление радикальных националистических групп;

— усиление процесса социального расслоения общества по этническому признаку;

— использование тем или иным государством факта наличия своей диаспоры в Казахстане для дестабилизации межнациональной и внутриполитической обстановки.

Опасность межэтнического конфликта увеличивается пропорционально ухудшению социально-экономического положения основной массы населения. Пример многонациональной Индонезии, где взрыв социального недовольства против власти был переведен на крупную китайскую диаспору, должен быть принят во внимание и в Казахстане. До сих пор существует диспропорция между экономическим благосостоянием казахов, живущих в основном в депрессивных, сельских районах, и представителей казахской и других национальностей, живущих в городах. Этим фактом могут воспользоваться те или иные экстремистские националистические группы, появление которых на фоне роста социальной напряженности не исключено.

Нашим государством взят курс на предупреждение возникновения противоречий, а также недопущение их перерастания в конфликты. По мнению отечественного исследователя Б. Туребековой, «секрет» успеха национальной политики Казахстана заключается в принятии следующих мер:

- создание общенациональной идеи, основанной на политической стратегии «единство в многообразии», как основы политического общества и внутренней политики культурного плюрализма;

- проведение общенациональных кампаний по развитию культуры всех народов;

- введение стратегии прощения межэтнических политических образований;

- развитие социальных институтов по сохранению межнациональной стабильности [4].

В связи с тем что конфликт неизбежен и несет серьезную угрозу обществу, необходимо разрабатывать методы и пути мирного его предупреждения. Только при условии постоянного выявления конфликтных ситуаций и конфликтов, а также контроля над ними можно гарантировать стабильное развитие общества. Конфликтные ситуации легче не допускать, а для этого нужно уметь их прогнозировать. Для успешного прогнозирования нужно знать, кому выгоден конфликт, кому он угрожает, какие последствия он влечет. Также во избежание конфликта необходимо знание истоков, причин столкновения, его объекта и его участников. Среди конкретных методов разрешения уже существующего конфликта выделяются следующие:

- метод избегания конфликта;

- метод отрицания или подмены конфликта;

- метод конфронтации;

- метод отпугивания;

- метод примирения сторон на основе сближения интересов через посредника и третейское разбирательство или арбитраж [5].

В качестве примера применения на практике метода примирения сторон через посредника можно подчеркнуть миротворческую роль Казахстана в попытке политического урегулирования конфликта между Индией и Пакистаном. В июне 2002 г. по инициативе Президента РК Н.А. Назарбаева в г. Алматы состоялось Сопредседательство по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), в котором приняли участие лидеры и политические деятели 16 стран Азии, Египта и Палестинской национальной автономии. Главной темой саммита была проблема индо-пакистанского конфликта. Перед началом саммита было проведено совещание, где за стол переговоров сели Премьер-министр Индии Атал Бихари и Президент Пакистана Первез Мушарраф. Несмотря на то, что конфликт не был разрешен, удалось избежать военных действий.

Межэтнические конфликты являются одним из факторов дестабилизации государства, они угрожают существованию политического строя. Именно они порождают антипатию, нетерпимость к другим национальностям. Межэтнические конфликты – это противоречия между мнениями, взглядами групп, различающихся по этническому признаку. К таким конфликтам относят те, которые, так или иначе, включают в себя национально-этническую мотивацию. В такого рода конфликтах действует сознание

«Мы» как этнической или национальной общности, выступающее специфическим средством или механизмом мобилизации социального, массового действия» [6].

Эти конфликты являются наиболее опасными в мировом сообществе на сегодняшний день. К сожалению, практически каждое государство встречалось с проблемами национального характера. Можно привести в качестве примера множество государств, где вопросы национальной напряженности существуют на протяжении долгого периода: Турция, Ирак, Ближний Восток, Китай, Испания и др.

Ученый и исследователь конфликтов М. Иордан считает, что истоки межэтнических конфликтов нужно искать в социальной стороне жизнедеятельности общества.

Так или иначе, межэтнические конфликты очень разнообразны, поэтому сложно определить оптимальный набор путей и механизмов для их предупреждения и разрешения. Среди причин возникновения межэтнических конфликтов выделяют следующие: недовольство государственным строем; территориальный вопрос – требование отделения автономии для отдельной национальной общности (например, российско-чеченский конфликт, конфликт Северной Ирландия – Англия); экономический кризис также порождает проблемы межнационального характера; дискриминация той или иной этнической группы; проблемы языка; факторы исторического характера – промахи в национальной политике и установлении границ и т.д.

По мнению российских ученых А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова, для возникновения конфликта необходимо наличие трех факторов. Первый фактор связан с уровнем национального самосознания, которое может быть неадекватным, заниженным и завышенным. Вторым фактором – наличие в обществе «критической массы» проблем, оказывающих давление на все стороны национального бытия. Третий фактор – наличие политических сил, способных использовать в борьбе за власть два первых фактора. Ученые считают, что объективный анализ причин межэтнических конфликтов возможен при условии анализа всех аспектов этого явления: этнопсихологического, социально-экономического, политического и социокультурного.

1. Этнопсихологический фактор – общий компонент национальных интересов в конфликтной ситуации. Уроки насильственного разрушения привычного образа жизни, материальной и духовной культуры, эрозия системы ценностей и традиционных норм по-разному воспринимаются социальными группами и индивидами в этносе. В целом они вызывают в этнической общности защитные реакции, так как отказ от привычных ценностей предполагает признание превосходства ценностей доминирующего этноса, порождает представления о национальном неравенстве.

2. Межэтнические конфликты на почве социокультурных разногласий возникают, как правило, вследствие форсированной принудительной языко-

вой ассимиляции, разрушения культуры и норм религиозного или цивилизованного свойства. Это делает реальной перспективу дезинтеграции этноса как социокультурной общности, вызывает защитные реакции.

3. Социально-экономический фактор действует во всех межэтнических конфликтах, но его значимость различна: он может играть определяющую роль, быть одной из причин конфликта, отражать реальное социально-экономическое неравенство, мнимую дискриминацию или экономические интересы узких групп.

4. Политический фактор. Возрождение этничности в любой стране сопровождается появлением новых политических лидеров меньшинства, которые добиваются большей политической власти в центре и в автономии на местном уровне. Они расторгают прежние идейно-политические союзы, подвергают сомнению легитимность существующей системы государства, отстаивая право на самоопределение меньшинства как равноправного члена международной политической системы, как нации среди наций [7].

Политолог Н.В. Романова в монографии «Политические факторы развития национальной психологии» рассматривает конфликты как один из факторов, влияющих на национальную психологию, и приводит свою типологию и причины межэтнических конфликтов:

- территориальные конфликты – часто тесно связаны с воссоединением раздробленных в прошлом этносов. Их источник – внутреннее политическое, а нередко и вооруженное столкновение между стоящим у власти правительством и каким-либо национально-освободительным движением той или иной сепаратистской группировки, пользующейся политической или военной поддержкой соседнего государства;
- конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государства;
- конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов;
- конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства;
- конфликты, источниками которых служат последствия территориальных изменений;
- конфликты, порожденные многолетним пребыванием депортированных народов на территории других государств, стран [8].

Распад СССР повлек за собой экономический кризис, который, в свою очередь, явился катализатором некоторых конфликтов. К сожалению, многие столкновения, возникшие после дезинтеграции СССР на этнической основе, до сих пор неразрешены. Это говорит о том, что межэтнические конфликты разрешить очень сложно.

Конечно, для предотвращения межэтнических конфликтов и их демократического мирного обоюдного решения нужно вести правильную национальную политику. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев на IX сессии Ассамблеи народов Казахстана отметил: «У каждой страны в

силу ее этнических и историко-культурной уникальности должен быть свой подход к решению межнациональных проблем» [9].

В целях предотвращения межэтнических конфликтов, во-первых, нужно уметь заранее выявлять и искоренять неблагоприятно развивающиеся причины, во-вторых, вовремя реагировать при первых сигналах проявления конфликтов. Так как межэтнические столкновения возникают из-за противоречий между группами, различающимися по национальному признаку, нужно создавать максимальные условия для равноправного соблюдения их прав. Именно государство должно создавать эти условия, которые благоприятно должны сказываться на состоянии межэтнических отношений, а также привлекать этнические группы к сохранению и развитию своей культуры, к изучению своей истории, что позволяет благоприятно развиваться этногруппам.

Межэтнический конфликт – это один из самых труднорегулируемых. Эти конфликты, как правило, имеют многолетнюю предысторию, порождаются комплексом этнопсихологических, социально-экономических, политических, социокультурных, правовых проблем. Вследствие чего необходимо всемерно определять и развивать механизмы и пути по предотвращению межэтнических конфликтов, а также решать все спорные вопросы исключительно неконфликтными методами на основе нормативно-законодательной базы.

Рассматривая проблему этнической безопасности, следует затронуть и конфессиональную область, которые взаимосвязаны.

Конфессиональная безопасность. Она направлена на обеспечение права конкретного человека на свободу совести и выбора вероисповедания. В Казахстане сложились две традиционные религии: ислам и православие, которые играют стабилизирующую роль во внутренней жизни государства. Но значительную опасность могут вызвать:

- Активизация нетрадиционных «тоталитарных сект» по типу «Аум Синреке», чья деятельность направлена на совершение преступления против сознания и моральных ценностей людей (в основном молодежи).
- Появление радикальных клерикальных группировок, выступающих против светской формы правления. В связи с этим реальную опасность представляет импорт идей ваххабизма, как крайней непримиримой ветви ислама.

Сам факт активной рекрутации молодых людей в различные секты, среди которых могут быть и «тоталитарные секты» с антиобщественной направленностью, представляет для Казахстана наибольшую опасность.

Для того чтобы предотвратить угрозу религиозного экстремизма, необходимо:

- активно реализовывать молодежную политику, которая в первую очередь должна быть направлена на сокращение безработицы среди молодежи и целенаправленное внедрение общегражданских принципов;
- открытие в областях молодежных центров занятости и регулярное проведение ярмарок вакансий;

— ужесточение требований при регистрации той или иной религиозной секты;

— полный запрет на деятельность тех религиозных организаций, которые уже совершали противоправные действия в других государствах, несущих угрозу здоровью и сознанию личности и общества.

— создание при сотрудничестве с иностранными спецслужбами полного банка данных на все существующие в мире религиозные организации и их ранжирование по степени опасности.

Стабильность в Казахстане достигается благодаря умелой национальной политике, а также поддержке многонационального народа нашей республики и его мудрости, толерантности. Президент РК Н.А. Назарбаев всегда отмечает, что народ Казахстана может быть уверен: руководство республики будет твердо и до конца проводить политику национального согласия, прочно стоя на законной основе, не позволит разжечь вражду, под какими бы предлогами она ни возникала.

Представители всех национальностей Казахстана должны осознавать, ценить и уважать понятие — Родина. Исследователь Р. Абсаттаров говорит о том, что «каждая нация или народность, национальная или этническая группа нашей республики является составной частью этнополитической общности — казахстанского народа. В этой общности каждый народ — равный среди равных, а то же время он вносит активный вклад в общее развитие казахстанского народа, и наоборот, прогресс казахстанского народа ускоряет развитие каждого из народов республики» [10].

Казахстанский народ — этнополитическая общность, формирование которой происходит в настоящее время в результате демократических преобразований, интернационализации национальной жизни, связанных с развитием наций, народностей, национальных и этнических групп на основе совокупности общественных отношений, сохраняющих свои национальные черты и особенности, имеющих общую Родину — Казахстан, территорию, экономику, социально-классовую структуру, унитарно-правовое государство и общую цель — построение цивилизованного общества.

Национальная безопасность Казахстана, которая реализуется в соответствии с одним из семи приоритетов стратегического курса «Казахстан — 2030», направленных на достижение и развитие внутреннего единства страны, вполне отвечает потребностям унитарного государства с президентской формой правления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеретов С.Г. Новейшая история Казахстана (1985-2002 гг.). — Алматы: ЮРИСТ, 2003. — С. 116.
2. Конституция Республики Казахстан. — Алматы: Жеті Жарғы, 2000. — С. 48.
3. Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан». — Алматы, 1996. — С. 225.

4. Турабекова Б. Некоторые теоретические аспекты национальной политики современного государства // Саясат. — 2004. — № 4. — С. 5.
5. Кадмырханов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. — Алматы: Институт филос. и политол. МНВО РК, 1999. — С. 119.
6. Общая и прикладная политология / Под общей ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. — М., 1997. — С. 384-386.
7. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997. — С. 6.
8. Андупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. — 2-е изд. — М.: ЮНИТИ — ДАНА, 2002. — С. 411-412.
9. Шевцов В.П. Межнациональные конфликты: механизмы их разрешения. — М.: ГАВС, 1994. — С. 34.
10. Назарбаев Н.А. Дружба и доверие — наше главное богатство // Казахстанская правда. — 2002. — 16 ноября.
11. Абсаттаров Р.Б. Национальные процессы: особенности и проблемы. — Алматы: Филым, 1996. — С. 123.

Никифоров И.Д.

г. Шемонаиха, Восточно-Казахстанская область

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАСЕЛЕНИЯ РУССКИМИ КРЕСТЬЯНИМИ ТЕРРИТОРИИ УБИНСКОЙ ВОЛОСТИ ЗМЕИНОГОРСКОГО УЕЗДА КОЛЫВАНОВО-ВОСКРЕСЕНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА. XVIII — XIX ВЕКА

Крестьянство при Петре I пережило очень крупную реформу. Издавна прямая подать на Руси платилась с недвижимого имущества. Сначала брали ее с «паханой земли», которую исчисляли в «сохи» (особую единицу в несколько сот десятин земли); в XVII в. подати стали брать со «двора», разумея под ним крестьянское хозяйство. Постепенно, чтобы облегчить платежи, податные люди (крестьяне) стали сбиваться по несколько семей в один двор, и все вместе платили подать с одного двора. В разгар Шведской войны Петру пришлось заметить резкое уменьшение податных дворов в государстве, происшедшее от набегов, разорения и от хитростей плательщиков. Лучшей мерой для борьбы с таким уменьшением поступающих в казну денежных средств была признана податная реформа, смысл которой заключался в том, чтобы брать налог не с имущества, а с людей, с «голов», заменив таким образом подворную подать подушной («поголовщиной»). С этой целью в 1718 г. Петр I положил начало переписи тягловых людей (в городах и уездах), записывая в «казавки» всех взрослых мужчин. Ревизская перепись была начата в 1718 г., окончена к 1722 г. Позднее была назначена ревизия для проверки переписи. Отсюда в историю Российского государства вошли следующие названия: перепись населения — «ревизия», списки плательщиков — «ревизские сказ-

ки», плательщики — «кревизские души». Ревизия 1718-1722 гг. определила число плательщиков в 5 млн чел., подушная подать была введена 11 января 1722 г. Подушные деньги собирались выборными от местного дворянства. Размер новой подати был определен по 74 копейки в год с частновладельческих крестьян и до 80 копеек с крестьян казенных. Затем в «кревизские сказки» стали вносить и детей, и стариков. Все население России исчислялось примерно в 15 млн чел. [1]. Периодичность переписей чередовалась через 16-20 лет. Таких ревизий в XVIII в., вплоть до 60-х гг. XIX в., было проведено десять: 1718, 1743, 1863, 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1852, 1858 гг. К сожалению, на данном этапе исследования мы располагаем сведениями о численности населения на даты не всех ревизских сказок. Полнее представлена картина о приписных крестьянах к Колывано-Воскресенским рудникам и Локтевскому заводу. К примеру, во второй народной переписи 1743 г., в соответствии с ревизской сказкой, в селении Плоское было зарегистрировано душ: мужчин — 933, женщин — 1013, лиц обоего пола — 1946 чел. В с. Староалейское в 1750 г. проживало душ: мужчин — 1725, женщин — 1351, лиц обоего пола — 2636 чел. Накануне третьей народной переписи в 1760 г. в селении Екатерининское зарегистрировано: мужчин — 842, женщин — 890, лиц обоего пола — 1732 чел., «выстроенные деревни в верхних странах реки Иртыша и при рукавах оная состоят под управлением комендантской канцелярии в Усть-Каменогорске, которая собирает с оных подушный оклад, употребляет на находящиеся на сей границе войска...» [2].

В соответствии с реестром Убинской волости (в 1782 г. после четвертой ревизии волость выделена из ведомства Усть-Каменогорской комендантской канцелярии). Колывано-Воскресенский горный округ преобразован в Колыванскую область [3]. Ко времени проведения пятой ревизии — 18 января 1795 г., т.е. через тринадцать лет после ее образования, в нее входили Убинская, Большерецкая слобода; деревни: Выдрихинская, Убинская, Красноярская, Вавилонская, Шемонаихинская, Екатерининская, Староалейская, Плоская, Новоалейская, Кабанинская, Семипалатинская. В них на одного человека приходилось душ мужского полу: в деревне Выдрихинской — 41, Убинской — 8, Красноярской — 16, Вавилонской — 20, Шемонаихинской — 20, Екатерининской — 20, Староалейской — 29, Плоской — 34, Новоалейской — 41, Кабанинской — 44, Семипалатинской — 46. Всего душ обоего пола зарегистрировано 1830 чел. [4].

Именной список крестьян Убинской волости, состоящих по 7-й ревизии 1819 г., через 24 года, изменился следующим образом. Количество душ мужского и женского пола теперь переписью указывалось вместе: в деревне Шемонаихе зарегистрировано семей 80 — 319 душ, в Выдрихе — 319, в Убинской — 304, в Красноярской — 146, в Вавилонской — 102, в Екатерининской — 134, в Староалейской — 368, в Плоской — 193, в Новоалейской — 143, в Кабанинской — 103, в Новошуйбинской — 103, в Жерновской — 80. Всего по Убинской волости население составляло 2204 души обоего пола; увеличи-

лось к 1795 г. на 374 души [2]. Ревизией зарегистрировано прибывших из других мест 13. Выбывших 67 чел. Таким образом, увеличение численности населения произошло за счет естественного прироста (плюс 320 чел.).

В 1825 г. проводилась промежуточная перепись населения. Перепись учитывала не только численность населения, она преследовала экономические цели: переписывалось число домостроений, наличие скота, пашни, сенокосные угодья. На эту дату в деревне Верх-Убинской (Лосиха) душ мужского полу зарегистрировано 299, жилых домов было всего 103, питейных домов 6, магазинов 4. В деревне проживает уволенных от службы солдат — 3 чел., у них домов 2, лошадей 9, рогатого скота 9. Ими засеяно хлебом 2 десятины. Занятия поселян преимущественно состоят в земледелии, скотоводстве, пчеловодстве, рыбной ловле. Также занимаются исправлением возлагаемых на них мостов, дорог и прочего. Промышленность представлена мельницами крестьян Ивана Дмитриева, Калиты Сергеева, Малофея Федорова, Тихона Шкодина, Марфона Сергеева, Егора Шатыгина, Григория Сорокумова, устроенных на р. Маралихе, впадающей в Лосиху. Мельницы действуют с 1 апреля по 15 июля. Хлеб крестьянами продается в рудники Змеиногорский, Николаевский, Белоусовский, Семеновский и Лазурский по договорам с доставкой на расстояние от 40 до 100 верст, с каждого пуда от 55 до 65 копеек. Также в крепости Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую, форпосты Верх-Убинский, Шуйбинский на расстоянии от 1 до 18 верст.

Кроме численности мужчин в самой деревне, учтены сведения об образовании Верх-Убинского форпоста, Верх-Убинского потому, что был еще устроен Убинский форпост, что в устье р. Убы, впадающей в р. Иртыш: «...Сей форпост застроен при устье реки Маралихи, впадающей в р. Лосиху; в сем форпосте урядников и фронтовых казаков 30, резервных 6, уволенных от службы 12. Детей мужского полу, получающих пропитание, 39 человек. Жилых домов 46. В форпосте лошадей 168, рогатого скота 140, овец 258. На душу приходится лошадей 1, рогатого скота 1, овец 2» [2]. Отсюда следует, что все население форпоста исчислялось примерно 140 чел. На р. Маралихе, впадающей в р. Лосиху, устроена мельница урядником Тимофеем Воробьевым. Доход ежегодно дает от 8 до 10 рублей. О деревне Шемонаихе записано: «Оная деревня заселена в 1766 году, устроена на реке Большой Убе, по течению ее с правой стороны реки Шемонаиха». В деревне 4 домовых обзаведения, жилых домов 97 (академик Паллас в 1770 г. отметил наличие в Шемонаихе 30 домов, с 1770 по 1825 гг. число домов увеличилось на 67). Душ мужского полу, крестьян 319; кроме того, в деревне проживает уволенных со службы солдат — 2, урочников — 3, сплавщиков — 4, казенных чинов — 1. Всего 329 душ мужского полу. На каждую душу приходится хлебопашенных угодий: 13 десятин, сенокосных угодий 1 десятина. Занято под огородами и гумнами 25 десятин. Имеется лошадей 1200, рогатого скота 400, 1300 овец. Всего поголовья 2900 голов.

Промышленность представлена 14 мельницами на речках Шемонаихе и Березовке, принадлежащих крестьянам Сидоровым, Степановым, Меркушиным, Агафоновым, Осиповым, Баранниковым. Хлеб крестьяне продают на Змеиногорский рудник, в Семипалатинскую крепость и в Шульбинский форпост по цене от 90 до 104 рублей за пуд, а в Шульбинский форпост от 4 рублей до 5 рублей 13 копеек за килограмм [2].

В деревне Большерецкой, согласно ревизии, душ мужского полу 208 чел. «Кроме того, в деревне проживали мещане Семипалатинской крепости 3 человека. Всего душ мужского полу 211 человек, а общая численность населения составляла 2569 человек. Жилых домов было в деревне столько же, сколько в Шемонаихе, т.е. 97, а численность населения даже больше, чем в Шемонаихе».

На душу мужского полу приходится по 7,5 десятины пашни, по 5 десятин сенокосов. Имеется лошадей 597, рогатого скота 138, овец 481».

В деревне Кабанной, по ревизии 1819 г., душ мужского полу 93 чел., все они крестьяне, кроме них в деревне проживает лесовщик Змеиногорской конторы. Жилых домов в деревне 33, лошадей имеется 2, рогатого скота – 3, хлебом засеяно 2 десятины [2]. Таким образом, основное занятие крестьян Убинской волости – хлебопашество и разведение скота. Но крестьяне Убинской волости не только занимались хлебопашеством, разведением скота. Крестьяне приписывали в Локтевскую заводскую контору для перевозки руды и угля на Локтевский медеплавильный завод. Приписные крестьяне работали на этих работах по году на своем гужевом транспорте.

В 1813, 1814, 1816 гг. соответственно работали 626, 782, 1802 чел., а в т.ч. в 1814 г. из Выдрихинской деревни 22 чел., из Убинской деревни 28, из деревни Плоской 18, из Новоалейской 15, Красноярской 15, Вавилонской 9, Шемонаихинской 27, Екатерининской 12, Староалейской 38 [2] (таблица).

Таблица

Численность приписных крестьян из деревень Убинской волости, работавших на перевозку руды и угля на Локтевском медеплавильном заводе

Деревни	1813 г.	1816 г.	Не прибывших к указанному времени
Выдрихинская	90	254	-
Убинская	28	160	-
Плоская	73	114	-
Новоалейская	86	122	-
Красноярская	53	79	-
Вавилонская	34	244	-
Шемонаихинская	97	239	-
Екатерининская	32	105	-
Староалейская	38	263	-
Кабанная	37	71	-
Новошуйбинская	27	72	-
Жерновская	31	59	-
Всего:	626	1802	-

Вот некоторые фамилии приписных крестьян, это предки нынешних жителей селений района: из Шемонаихи – Дементий Сидоров, Павел Касьянов, Минай Трещентин, Андрей Елизаров, Овин Ветлугин, Парфен Михайлов и др.; из деревни Выдрихи – Гаврило Бурков, Елисей Имцов, Тимофей Кимасов, Павел Шушков, Петр Колобов, Григорий Слещев, Егор Еховосов; из деревни Убинской – Лукин Михаил, Данило Корнеев, Иван Феденев, Степан Колмогоров, Прокопий Поротников, Прокопий Чернов, Абрам Иванов, Тарас Поротников, Яков Никифоров; из деревни Красноярской – Михаил Скоробогатов [2].

Добываемые медные, серебро-свинцовые руды на рудниках по правобережью Иртыша доставлялись приписными крестьянами деревень Убинской волости гужевым транспортом по зимнему тракту на заводы. До сих пор сохранилось название этой дороги – Партейский тракт, Партейская дорога. Одна ветка этого тракта идет от Николаевского рудника на деревню Шемонаиху, затем на Сугатовку и от Сугатовского рудника на Луговое, по водоразделу уходит на Подкорытово, Ермашиху, Золотуху, Неверово, Ремовскую и далее на Змеиногорск; другая ветка – от Шемонаихи на село Плоское, затем через Екатерининку на Староалейское, на Змеиногорск и, объединившись, идет на Колывано-Воскресенский, Алейский и Невьянский заводы.

Вспоминает Воробьев Николай Николаевич, уроженец этих мест: «Нам, ребятишкам, в семье рассказывал отец Николай Харитонович, 1910 года рождения. По этой дороге по этапу гнали в Сибирь политических заключенных, проходила дорога по пашням нынешнего крестьянского хозяйства. По пути есть Обвальный лог. Охранники спатированных споняли в лог на кратковременный отдых, чтобы укрыться от стужи и передохнуть. Сами оставались наверху, откуда хорошо были видны заключенные. Что касается версии – партиями вывозили руду по зимнему тракту, то здесь закрапалась историческая неточность: руду действительно отправляли по здешним местам, но рудовозная дорога шла на Золотуху, затем на Круглую сопку и поворачивала на станцию Аул, а далее по железной дороге руду отправляли на заводы Алтайского края: Локтевский, Барнаульский, так что Партейская дорога от словосочетания «партия заключенных»».

Сабдаш Зинаида Егоровна, уроженка села Сугатовки (81 год), Агафонов Владимир Михайлович (78 лет), уроженец села Поперечное, вспоминают: «Со слов наших дедушки и бабушки Кирилла Дмитриевича и Домны Андреевны тракт назван так потому, что по нему партиями гоняли скот на продажу в город Змеиногорск».

Войтюк Николай Владимирович, уроженец села Октябрьское, объясняет: «Тракт назван так, со слов наших родителей, потому что по нему партиями вели каторжников на Демидовские, а затем на его Императорского величества рудники, в шахты на горе Змеёвой».

Лола Анатолий Иванович (68 лет), уроженец села Зерновое: «Наши родители рассказывали, что Партийный тракт назван так потому, что по зим-

ней дороге приписные крестьяне возили руду со здешних Сугатовских и других рудников на завод Колывано-Воскресенского горного начальства».

Все версии имеют право на жизнь, но первоначальное название тракта, дороги связано с тем, что по ней гнали заключенных по этапу в Сибирь.

Сведения о деревне Зевакино имеются у П.С. Палласа: «От Убинской деревни к Барашевскому форпосту. Ниже сего форпоста построено село Зевакино, которое населено вольными Сибирскими переведенцами» [2]. Ко времени третьей ревизии 1763 г. в ней зарегистрировано душ мужского полу – 67, женского – 41, обоего полу – 108 человек, в 1782 г. по четвертой ревизии – 221 чел. обоего полу, т.е. население увеличилось в 2 раза [1]. Итак, в отличие от других деревень село Зевакино заселено вольными сибирскими переведенцами. Эти места в 1770–1771 гг. посетила академическая экспедиция под руководством П.С. Палласа, по результатам которой был издан многотомный труд «Путешествие по разным провинциям Российского государства», где записано: «...Итак, ради охранения к Колывановоскресенским заводам принадлежащих рудников положена в 1764 году так называемая новая линия».

«На место сломанных форпостов и станций на старой линии и на лучших местах, находящихся на новой линии, заведены новые селения и деревни, которые населены отчасти польскими переселенцами, кои происшедшия Российского и исповедуют греческий закон (старообрядцы, православные, верующие, отлученные от церкви по реформам 1654 г. патриарха Никона – прим. наше), отчасти вышедшими изнутри России, или тазами, которые ради маловажных преступлений в наказание посланы в Сибирь, а отчасти самовольно поселившимися и вышедшими из весьма населенных стран Сибири...» [1]. Укрепления, форпосты, станции, редуты заселялись казаками. Как видим, на первом месте заселялась территория казачеством, а потом уже другими русскими людьми. И уместно привести высказывание Л.Н. Толстого о том, что «...казаки создали Россию» [5]. Они заграждали пути с юга, бассейны реки Алей и территории вниз по Иртышу... [1].

Так, в 70-х гг. XVIII в. появились укрепленные пункты: Усть-Каменогорская защита (на месте нынешней ж.д. станции «Защита» – прим. наше), Бобровская, Верхне-Убинская защита, Секисовский, Больше-Реченский редуты, Плоский и Новоалейский, Талицкий, Кабановский, Новошуйбинский, Убинский, Екатерининский, Барашевский форпосты; деревни Екатерининская, Убинская.

Получены сведения о происхождении названий некоторых старых селений и деревень. И вот что нами установлено. В 1766 г. был основан форпост Святой Екатерины – деревня Екатерининская. Жители объясняют название так: «Названо село в честь жены Петра I Екатерины».

В 1718 г. по указу Петра строится линия Шемонаиха – Маралиха. Якобы, Екатерина проезжала в Змеиногорск через это село. Село было населено русскими староверами, бежавшими в Польшу, а потом выселенными при Екатерине II в Сибирь.

Село Плоское (разговорный – Площана) основано в 1767 г. Село расположено в низине на ровном месте, а вокруг со всех сторон горы. «Село наше, – вспоминают старожилы Моисеев Николай Яковлевич, Якунин Михаил Гаврилович, – так и называется, потому что находится на плоском месте, а вокруг него со всех сторон горы. Здесь еще и озеро, которое такое названо – Плоское, берега у озера плоские, невысокие значит».

Староалейское село основано в 1749 г. Название образовано от гидронима (р. Алей). Деревня Ново-Алейская образована в 1770 г. Что касается собственно деревень теперешней территории Шемонаихинского района, когда-то называвшейся Убинской волостью, то большинство из них получили свое название от рек, речушек, вдоль поймы которых они были устроены: Убы, Выдрихи, Вавиловы, Большой Речки.

Село Барашки, по нашей версии, произошло от волн-бурунов на р. Иртыше во время шторма, напоминавших бегущих барашков, и от одноименной реки Барашевки. Что касается села Лосиха (Верх-Уба), то и здесь мы можем найти объяснение: есть речка Лосиха. Вероятно, в ту пору в этих краях водилось достаточно много лосей. Так это или нет, однако исследователям предстоит еще доисследовать и эту проблему. Хронологическая же цепочка их образования может, предположительно, иметь следующий вид: 1748 г. – образованы деревни Убинская, Зевакино, Выдрихинская; 1763 г. – Больше-Реченская слобода, 1764 г. – деревня Лосиха, 1766 г. – село Шемонаиха.

Нами уже сказано, кто являлись первопроходцами в этих местах. Академик Паллас П.С., профессор Алексеев Н.В., ученые Булыгин Ю.С., Шенцова М. утверждают, что казаки, беглые крестьяне, старообрядцы (поляки), отставные казаки – вот основные составляющие первопроходцев. И только села Барашки, Зевакино стоят в особом ряду, которые заселяли, с их точки зрения, только казаки.

Сведения о названиях остальных сел бывшей Убинской волости нам еще предстоит исследовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788. – Ч. II. – С. 212, 252.
2. Ревизские сказки (переписи) населения Колыванской губернии по 5 ревизии 1795 г. – Барнаул: Гос. архив Алт. кр. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 813. – Лл. 1-17; Ф. 1. – Оп. 79. – Д. 143. – Св. 524. – Лл. 1-147; Ф. 1. – Д. 2. – Оп. 2193. – Л. 1; Ф. 1. – Д. 2. – Оп. 348. – Св. 2058; Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 188. – Л. 1560.
3. Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Алтай. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 93, 189, 147.
4. Алексеев Н.В. Из истории заселения русскими крестьянами Рудного Алтая в XVIII-XIX вв. // Шемонаихинская земля: время, события, люди. – Усть-Каменогорск, 2002. – С. 13.
5. Неплюхин Р.А. История казачества. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 3.

Панковская Г.И.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Сериебаева, г. Усть-Каменогорск

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ГОЛОДА 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

11 мая 1992 г. впервые в Казахстане отмечен День поминовения погибших во время голода 30-х гг. прошлого столетия. Жертвами «голодомора» стали сотни тысяч казахстанцев, поэтому последствия демографической катастрофы опосредованно влияют на современную демографическую ситуацию Восточного Казахстана.

Несмотря на то, что проблема голода явилась предметом исследования многих известных ученых (Н.В. Алексеев, А.Н. Алексеев, В.И. Козлов, И.Е. Зеленин, Ж.Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев, М.Б. Татимов, Ф.Н. Базанова и т.д.), часть вопросов относится к спорным: число жертв по регионам, хронологические рамки голодных лет, численность откошевателей и т.д. Архивные источники (Архив Президента Республики Казахстан, фонд 141 – документы Киргизского (Казахского) бюро Российской коммунистической партии (большевиков) (Кироблбюро, Кирпартбюро) способствуют освещению некоторых из них и помогают восстановить страшную картину голода в Восточном Казахстане. Значительная часть из них впервые введена в научный оборот, так как в течение длительного времени находилась под грифом «секретно» и «совершенно секретно».

Демографическая катастрофа начала 1930-х гг. обусловлена рядом социальных, политических, экономических факторов, связанных с аграрными преобразованиями в стране и Казахстане.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» Казахстан, в силу его значительной аграризации, слабой материально-технической базы, доминирующего кочевого и полукочевого типа хозяйства, был отнесен к региональной группе областей, планирующих в основном закончить коллективизацию к весне 1932 г., кроме кочевых и полукочевых районов. Но в условиях форсированного проведения индустриализации республики оказалась в стихии процентомания.

По данным Казкрайкома ВКП(б), в 1930 г. уже было коллективизировано в Шемонаихинском районе 66,8% хозяйств, Бужынском – 61,2%, Усть-Каменогорском – 77,5%, Зырянском – 69%, Бишкаратайском – 60,3%, Павлодарском – 92,6%, Максимогорьевском – 82,4%, Риддерском – 47,5%, Зайсанском – 34%, Тарбагатайском – 61,5%, Катон-Карагайском – 50%, Семипалатинском – 90%, Баян-Аульском – 44,2%, Уланском – 51%, Жарминском – 46%, Конектинском – 56%, Курчумском – 51,8% [1].

Неделимые фонды колхозов, созданных вместо планируемых сельхозартелей и товариществ по обработке земли и косыбе, пополнялись

как за счет обобществленных у населения скота, построек и имущества, так и за счет имущества, конфискованного у кулаков и баев. Экспроприации подлежали даже личные вещи лиц, приговоренных к высылке. Политика «раскулачивания» вылилась в политику «раскрестынивания», так как вместо запланированных 3-5% ликвидируемых кулацких дворов фактически конфисковывали имущество и подвергали репрессиям середняков и бедняков, повышая процент раскулачивания до 10-15%. Идеологическим оправданием применения насильственных мер послужило постановление ЦИК и СНК КАССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» от 15 мая 1930 г. Только по официальным данным ОГПУ, в 1930-1931 гг. в «кулацкую ссылку» в пределы Казахстана отправлено 6765 чел. Благодаря проведенным мероприятиям, в 1930 г. в Павлодарском районе кулаки составляли 5,1% (357 чел.) к общему числу жителей, в Семипалатинском районе – 4,7% (8498 чел.) [2, л. 6].

Одновременно в Казахстан было депортировано 180015 бывших кулаков из других регионов страны. Тяжелый изнурительный труд, невыносимые жилищные условия, голод и болезни привели к фактическому уничтожению тысяч спецпереселенцев (в 1934-1944 гг. – спецпоселенцев) в Казахстане.

Создание колхозов в республике неразрывно связано с политикой насильственного оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Одновременно проходящие процессы коллективизации и седентаризации разрушили традиционную систему хозяйствования и привели к трагическим последствиям. Обнищанию населения способствовали насильственные сельхоззаготовки. В резолюции парткома «О ходе хлебоборки и хлебозаготовки в Восточно-Казахстанской области» от 10 сентября 1932 г. говорилось: «Несмотря на то, что все аулсоветы охвачены спецуполномоченными, ход хлебоборки и хлебозаготовки идет преступно слабо. По состоянию на 1 сентября на всей площади яровых культур скошено 61%, заорано 23%, сдано государству в счет выполнения сентябрьского плана 3%. Такое отвратительное состояние объясняется тем, что ячейки, уполномоченные, правления колхозов и сельсоветы не сумели использовать колхозную массу» [3, л. 120].

В то же время Крайком под грифом «совершенно секретно» докладывал Ф. Голощекину: «В результате отсутствия хлеба население в колхозах резало скот, большая задолженность по оплате заготовок» [4, л. 4].

В постановлении Восточно-Казахстанского обкома партии «О ходе скотозаготовок на I квартал 1933 года» отмечено: «Исключительно позорные темпы скотозаготовок. По районам выполнено к плану: Жарминский район – 35,6%, Баян-Аульский – 34,6%, Бишкаратайский – 38,8%, Уланский – 40,4%, Иртышский – 50%, Цюрипинский – 59,9%, Усть-Каменогорский – 52,5%, Каркаралинский – 66%» [5].

Недовольство крестьян, вызванное насильственными методами проведения сельскохозяйственных работ, подавлялось с помощью репрессивных мер. Произвол и насилие, ставшие нормой жизни, неохотно признавались органами власти. В материалах к отчету о работе Семипалатинского городского комитета ВКП(б) от 5 сентября 1932 г. скупо констатировалось: «Судебная практика имела ряд перегибов, связанных с изощрениями политики партии. Так, например, 42% осужденных по 61 статье УК (хлебозаготовки) падают на середняков (60 человек), бедняков (23 человека), служащих (53 человека), колхозников (20 человек), рабочих (19 человек). Допущенные перегибы исправлены через отмену и прекращение судебных дел, которые в общей массе составили 30% (319 дел). Судебными органами сделаны перегибы и в области борьбы с хищническим убоем скота (79 статья), что выразилось в осуждении на разные сроки 30 человек бедняков, 4 середняков, 8 рабочих и т.д., тогда как привлеченные кулаки занимают из 42 человек только 12» [3, л. 62].

Массовая коллективизация, разрушение векового уклада жизни, насильственное обобщение скота и имущества, обнищание аула и деревни, голод, притеснения крестьян вызвали массовый протест со стороны сельского населения, который проявился как в пассивной (уход в город и на стройки, откочевки в другие регионы и сопредельные территории), так и в активной формах (убийства рьяных сторонников колхозного движения, восстания). В секретной части докладной Казкрайкома докладывалось о развитии банд-движений: «В 1929 году оперировала 31 банда с количеством 351 человек, в том числе в приграничных районах — 29 банд (293 человека); в 1930 году действовало 85 банд (1925 человек), в том числе в приграничных районах — 52 банды (1048 человек); в 1931 году — 80 банд (3192 человек), ликвидирована 21 банда (1610 человек), оперирует 18 банд, 14 из которых — в приграничных районах. Всего совершено терактов против представителей власти и совпартиактива: в 1929 г. — 143, в 1930 г. — 139, в 1931 г. — 178. Зарегистрировано массовых выступлений, кроме банды выступлений и откочевок, в 1929 г. — 54, в 1930 г. — 241, в 1931 г. — 77» [4, л. 2].

Материалы ИИРО и КРО ПП ОГПУ «Обзор политического состояния русского казачества в КАССР» от 10 февраля 1930 г. зафиксировали антисоветские проявления по Семипалатинскому округу: избиения — 1, покушение — 5, угроза — 7, противосоветские настроения — 4. Наиболее крупные антисоветские группировки: с. Алексеевка — 8 чел., с. Урджар — 18 чел. [6].

Рассекреченные данные требуют объективного рассмотрения и освещения. Отчаянные выступления населения против насилия и произвола властей в период сплошной коллективизации и вынужденной седентаризации зачастую рассматривались на правительственном уровне как уголовные преступления, совершенные гражданским населением, или квалифицировались как антисоветские настроения.

Вопрос о численности откочевывавших в голодные годы относится к спорным. В письме к И. Сталину (11 марта 1933 г.) Т. Рыскулов называл при-

близительные данные об «откочевниках»: на территорию Средней Волги выбыло 40 тыс. чел., Киргизию — 100 тыс. чел., Западную Сибирь — 50 тыс. чел., Каракалпакцию — 20 тыс. чел., Среднюю Азию — 30 тыс. чел. Откочевки по отдельным районам доходят до 40-50% [7].

В краткой сводке «О ходе работ по устройству возвращающихся откочевывавших хозяйств в Восточно-Казakhstanскую область» от 14 мая 1932 г. под грифом «секретно» приведены данные об откочевывавших хозяйствах внутри области — 35733, учтено в 33 районах Западной Сибири — 43632 хозяйства, вывезено из Сибири — 29166 хозяйства, осталось в Сибири — 14500 хозяйства, отправлено из Семипалатинска на предприятия, совхозы и курсы Прибалхашстроя 3541 рабочих и 6370 иждивенцев, из Павлодара в Караганду — 4992 человека [4, л. 112].

В секретной части докладной Казкрайкома «Материалы об откочевках казакского населения» (1932 г.) зафиксировано: «Массовый характер откочевочное движение приняло весной 1930 г. в период развернутого наступления социализма. В 1930 г. откочевочным движением охвачено 34977 хозяйств, в 1931 г. — 45000 хозяйств. В 1929 г. из приграничных районов откочевало в Китай: байских хозяйств — 123 (739 чел.), середняцких — 128 (474 чел.), бедняцких — 165 (632 чел.); в 1930 г. — байских хозяйств — 529 (1047 чел.), середняцких — 1315 (3028 чел.), бедняцких — 1634 (4365 чел.), всего — 34787 (8440 чел.); в 1931 г. (с января по май) откочевало байских хозяйств — 291, середняцких — 805, бедняцких — 1003, всего — 3099 хозяйств» [4, л. 1].

Под грифом «совершенно секретно» Крайком ВКП(б) докладывал Ф. Голощекин: «По экономическому и политическому положению самый наихудший — Аягузский район. Откочевки крупные. Всего поднялось 1100 хозяйств, из них возвращено 800, примерно 200 убежали за границу, в т.ч. 63 комсомольца и 29 коммунистов» [4, л. 4].

Об откочевках в Китай и их причинах говорилось в материалах общего отдела Казкрайкома ВКП(б): «Откочевочным движением Курчумский район поражен частично. Всего из района успело уйти в Китай 170 хозяйств, из которых 30 байских хозяйств, остальные бедняки и середняки. Кроме того, отмечены 63 случая единичного бегства за кордон. В числе ушедших откочевщиков находятся 5 коммунистов и 9 комсомольцев».

Каковы причины откочевок? Они являются следствием:

1. Крупных ошибок, допущенных в практике планирования и руководства хозяйством района.
2. Перегибов при проведении хозяйственно-политических кампаний.
3. Слабости борьбы за революционную законность в ауле и наличия произвола, допускаемого со стороны аульных организаций и отдельных райработников.
4. Слабости аульных организаций, как правило, администрирующих решительно во всех отраслях работы и отсутствия какой-либо массовой разъяснительной работы.

5. Плохого снабжения аулов промтоварами.

6. Байских провокаций и влиянием, основанным на родовых связях, существующих между аулами и ранее откочевывавшими в Китай казахскими родами.

В свете обостренной классовой борьбы в ауле эти шесть моментов являются основными причинами откоचेвок [8].

Среди причин откочевок доминируют классовая борьба и антисоветская деятельность. Голод как одна из главных причин откочевочного движения органами власти не признавался. «Одной из ярких форм проявления классовой борьбы в период развернутого строительства социализма являются массовые откоचेжки в западный Китай, организаторами которых являются байские националистические элементы, связанные с антисоветской деятельностью ранее эмигрировавших за границу байских групп» [3, л. 152].

Зам. ППОГТУ Мирнов и зам. нач. УПО и войск Вершинин докладывали: «Причинами откочевок, по объяснению прибывающих, являются поиски пропитания в связи с полной материальной необеспеченностью, являвшейся результатом перегибов, допущенных по отношению к ним в их районах и в связи с наблюдавшимися, на почве этого, голодом в последних».

Однако предварительная проработка нами действительных причин дает совершенно другое освещение:

1. В связи с наличием значительной прослойки среди откочевщиков байства процесс бегства следует рассматривать как провокацию байства, раздувающего слухи о голоде, провоцирующего отдельные случаи голода и обрабатывающего массу на перегибах местных работников.

2. Исходя из этого и учитывая концентрацию прибывающих, надо предполагать, что общая цель откочевок — эмиграция за кордон, подтверждением служат некоторые агентурные данные» [4, л. 8].

Потоки голодающих людей устремились в разные регионы страны. Значительная часть беженцев осела в Западной Сибири. По мнению Малышевой Н.П. и Познанского В.С., число откочевников достигало 150 тыс. чел. До «голодомора» казахские беженцы селились в районах Запсибкрая: Бачелакский, Змеиногорский, Локтевский, Рубцовский, Угловский, Волчихинский, Ключевский, Славгородский, Чернокурьинский, Черлакский, Павлодарский, Борисовский, Полтавский, Исыккульский, Татарский.

После повсеместной гибели посевов в 1931 г. миграционные потоки с новой силой направились в Западную Сибирь. Районами миграции стали: Алейский, Алтайский, Баяновский, Барнаульский, Бердский, Бийский, Большереченский, Быстро-Источный, Доволенский, Завьяловский, Змеиногорский, Знаменский, Иконниковский, Исыккульский, Калачинский, Каменский, Карсукский, Каргальский, Купинский, Локтевский, Мушниковский, Любинский, Мамонтовский, Никоновский, Немецкий, Ново-Омский, Новосибирский, Павлоградский, Панкрушихинский, Полтавский, Поспелихинский, Родинский, Рубцовский, Славгородский, Смоленский, Соло-

пешенский, Тальменский, Татарский, Толчихинский, Троицкий, Тюменцевский, Угловский, Ужанихинский, Уч-Пристанский, Хабаровский, Чапавский, Черепановский, Черлакский, Чулымский, Чумаковский, Щупуновский, Ярковский, Кош-Агачский, Усть-Конский, аймаки Ойротской автономной области [9].

Новая волна переселенцев-казахов наблюдалась с конца августа 1933 г., когда в Северо-Восточном Казахстане вновь не собрали урожай из-за сильнейшей засухи, поразившей все зерновые районы и не давшей возможности заготовить корм для животных.

Краевой прокурор Сибири в докладной записке прокурору КАССР, обеспокоенный массовым наплывом беженцев, с тревогой писал 9 марта 1932 г.: «Начиная с октября усилился рост непланового переселения казахов в пределы Западно-Сибирского края. В Славгородском районе — 10000 чел., Баяновском — 1500 чел., Рубцовском — 2500 чел. и т.д. Казахи голодают, есть случаи выкалывания из скотских могил уже закопанных трупов. Беженцы бросают детей и число беспризорных детей очень велико» [4, л. 42].

Сибирский крайком 29 марта 1932 г. сообщал Казкрайкому: «По вопросу возвращения откочевывавшего населения Казкрайкома, по нашему мнению, занимают неверную линию, нарушающую прежнюю договоренность с вами. Нам кажется, что Казкрайком неправильно информирован своими местными организациями, если он считает, что откочежки этого года можно сравнить с предыдущими годами. В этом году не только в районы, прилегающие к Казахстану, перекочевали тысячи хозяйств, но даже в отдаленные районы (Новосибирск и др.). Несомненно, что среди откочевывавших бай-кулаки ведут контрреволюционную работу. Весь вопрос в том, почему в этом году контрреволюционная работа бай-кулака была столь успешной, что ему удалось сбить тысячи бедняцко-середняцких хозяйств. Организация помощи этим хозяйствам возможна только в ваших районах и с вашей стороны. Организовать в Запсибкрае какую-нибудь помощь по снабжению откочевывавших означало поощрять дальнейшую откочевку» [4, л. 42].

О нищенском положении беженцев информировал Сибирский краевой комитет секретарю Казкрайкома 9 февраля 1932 г.: «Не имея работы и никакого имущества, они буквально голодают, среди них развивается нищенство, появляются инфекционные заболевания, отмечены случаи употребления в пищу суррогатов, мясо павших животных. На улицах ожидающе подбирают по 4-5 брошенных казахских детей. Детские дома и детские ясли переполнены» [4, л. 21].

Положение голодающих откочевывавших осложнили инфекционные заболевания: оспа, малярия, тифы. Пути распространения заболеваний стали железные дороги и районы оседания кочевников: Исыккульский, Ново-Омский, Барабинский и др. В декабре 1931 г. численность заболевших тифом составила 1688 чел. К маю 1932 г. не оставалось районов, не зараженных сыпным тифом [9].

Высокая миграционная активность населения затрудняла определение общей численности голодающих в Восточном Казахстане. С 1932 г. началась обратная волна откочевников в районы ВКО. В материалах 2 областной партконференции говорилось об устройстве в 1932 г. 51 тыс. хозяйств откочевников в области, в 1933 г. — 11 тыс. хозяйств [10].

Для возвращающихся откочевывшихся хозяйств в 1932 г. выделено продпомощи — 250 тыс. пудов, семян — 4 тыс. пудов, промтоваров — 255 тыс. рублей. Для беспризорных детей и детей разорившихся хозяйств планировалось организовать по линии Наркомздрава — 150 детдомов, по линии Наркомпроса — 1650 детдомов [4, л. 90].

Но принятые меры уже не могли остановить голод. В постановлении Восточно-Казахстанского областного комитета от 8 декабря 1933 г. «Об утверждении контингента нуждающихся хозяйств по области, которые не смогли обеспечить себя продовольствием и хлебом, и распределении 2-х месячного фонда продпомощи» определены 20800 хозяйств, в том числе в Абралиновском районе — 1116, Баян-Аульском — 1200, Куваком — 1273, Каркаралинском — 2582, Чингиставском — 1290, Бель-Агачском — 1000, Коклектинском — 3000, Жарминском — 2000, Курчумском — 2140 и т.д. [2, л. 6].

Статистические материалы Центрального государственного архива РК (фонд 698, опись 14) в связи с неполнотой и отрывочностью сведений (из 33 сельсоветов только 10-14 систематически предоставляли данные) давали лишь общие сведения об естественном движении населения в рассматриваемый период в отдельных районах. Данные не всегда объективно отражали динамику численности населения. Среди причин смертности нигде не зафиксирован голод. От неполноценного питания в г. Риддере в 1933 г. умерло 6 детей и 26 взрослых. Естественная убыль населения Усть-Каменогорского района в 1933 г. составила 413 чел. Основными причинами смертности являлись инфекционные заболевания. От дизентерии в городах умерло 40 детей, сыпного тифа — 20 детей, оспы — 23 ребенка, кори — 12 детей. Среди взрослых преобладала дизентерия — 240 чел., сыпной тиф — 75, туберкулез — 34, малярия — 48 [11].

Только за 3 месяца (февраль-апрель 1932 г.) заболеваемость сыпным тифом в области выросла на 191% (с 214 до 409 чел.) [12].

Вспышка брюшного тифа 1932-1933 гг. вызвана употреблением в пищу падали животных из скотомогильников, недозревшей зелени и т.д. Заболеванию септической ангиной способствовало употребление перезимовавших под снегом колосков зерновых.

При рассмотрении причин демографической катастрофы следует учитывать, что с середины 1930-х гг. в репродуктивный период вступило поколение людей, родившихся в годы первой мировой и гражданской войн, восстания 1916 г., Февральской и Октябрьской революций, когда рождаемость была низкой.

Активизация миграционных процессов (возвращение «откочевников», оргнабор в индустриальные районы Казахстана, размещение «спеце-

реселенцев», депортация народов и т.д.) влияла на динамику численности населения Восточного Казахстана, но не могла возместить его естественной убыли, вызванной «голодомором» 1930-1934 гг. По подсчетам Н.В. Алексеевко и А.Н. Алексеевко численность населения в Восточном районе в межпереписной период (1926-1939 гг.) сократилась с 1033,9 до 916,9 тыс. чел. На фоне снижения общей численности населения на 11,3% удельный вес казахского населения уменьшился с 53,3 до 27,6% [13]. Поэтому годы коллективизации в истории Казахстана сравнивают с годами «великого бедствия» в период джунгарского нашествия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 3363. — Л. 1-3.
2. Там же. — Д. 3522. — Л. 6.
3. Там же. — Д. 5435. — Л. 120.
4. Там же. — Д. 5192. — Л. 4.
5. Там же. — Д. 5946. — Л. 6.
6. Там же. — Д. 3336. — Л. 20.
7. Там же. — Д. 6403. — Л. 2.
8. Там же. — Д. 5057. — Л. 1-2.
9. Малышева Н.П., Познанский В.С. Казахи-беженцы от голода в Западной Сибири. — Алматы, 1999. — С. 164.
10. АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 7020. — Л. 52.
11. ЦГА РК. — Ф. 168. — Оп. 14. — Д. 189. — Л. 6-10.
12. АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 5207. — Л. 62.
13. Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н. Население Казахстана за 100 лет. — Усть-Каменогорск, 1999. — С. 63.

Седакова О.А.

Магистр истории, г. Усть-Каменогорск

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ВОЗРАСТНО-ПОЛОВУЮ СТРУКТУРУ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Возрастной состав населения является одним из важнейших компонентов, определяющих степень стабильного развития государства. В свою очередь, миграционные процессы, наряду со смертностью и рождаемостью, представляют собой важнейший компонент формирования возрастной структуры населения.

Возраст — одна из главных характеристик населения, которую необходимо учитывать при всех видах социального анализа. Очень многое в существовании общества будет зависеть от того, в каком возрасте находится его население — молодом, зрелом или старом. Возрастная структу-

ра, например, во многом определяет степень участия населения в основных процессах воспроизводства. Естественно при этом, что чем больше в составе населения группа наиболее активного репродуктивного возраста (20-35 лет), тем оправданнее ожидать роста темпов рождаемости. Когда же ее численность сокращается (чаще всего за счет миграции), меняется режим воспроизводства: сокращается рождаемость, в составе населения увеличивается доля пожилых и старых людей, идет процесс старения населения.

Постарение населения — это увеличение удельного веса пожилых и старых лиц в общей численности всего населения. Увеличение абсолютной численности престарелых само по себе не означает, что население стареет, так как одновременно могут увеличиваться все население, а доля пожилых может не меняться или даже уменьшаться.

Демографическое старение характеризуют определенные показатели. Чаще всего в составе населения выделяют долю лиц, достигнувших уровня старости. Выбор возрастных границ для расчета показателя старения населения определяется содержанием действующего законодательства, определяющего возраст выхода на пенсию. Существует несколько методик для определения уровня старости населения. Для определения уровня демографической старости Казахстана мы остановились на наиболее распространенных.

Согласно шкале оценки демографической старости Ж. Боже-Гарнье и Э. Россета, в основе которой лежит удельный вес возрастной группы 60 лет и старше, Казахстан находится собственно на пороге старости (10,7%).

По классификации, принятой на вооружение ООН, оценивается относительное число лиц в возрасте 64 года и старше. Согласно ей Казахстан находится на пороге старости (6,75%).

Индекс постарения А. Сови. Старение населения измеряется отношением численности лиц в возрасте 60 лет и старше к численности лиц в возрасте до 20 лет. А. Сови предлагает следующие критерии постарения населения (по отношению числа пожилых к молодежи):

- меньше 20% — низкая степень;
- 20-30% — средняя степень;
- более 30% — высокая степень.

Степень постарения населения Казахстана, по оценке А. Сови, средняя и даже ближе к высокой — 26,4%.

Итак, при всей разнице подходов исследователей к проблеме постарения населения полученные результаты по Республике Казахстан свидетельствуют, что данное явление выражено довольно рельефно.

Основными причинами этой проблемы могут быть как снижение естественного прироста, так и интенсивное выбытие из республики, что приводит к общему снижению численности населения (рис. 1).

Безусловно, на такое резкое падение численности населения в Казахстане серьезнейшее влияние оказала миграция.

Рис. 1. Диаграмма динамики численности населения Республики Казахстан¹

Для доказательства роли миграции в сокращении численности населения, а также ее влияния на процессы демографического старения населения необходимо сравнить возрастную-половую структуру населения Казахстана в 1989 и 1999 гг. по данным переписей населения (рис. 2, 3).

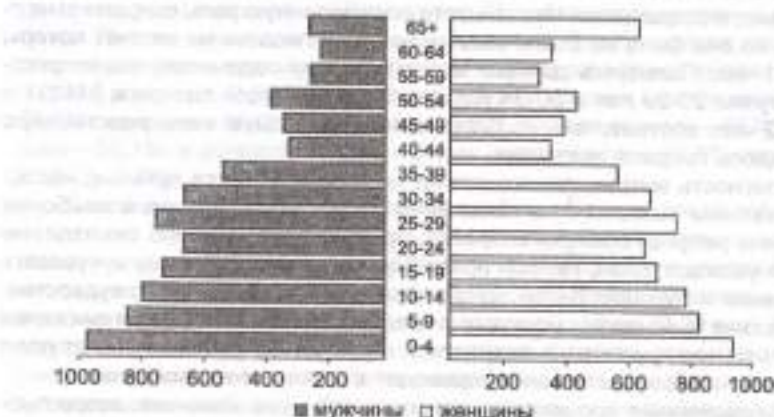

Рис. 2. Возрастно-половая структура населения Казахстана по данным переписи населения 1989 г., тыс. чел.

Для выявления роли миграции в изменении численности населения Казахстана автором была проанализирована динамика наиболее активных в миграционном отношении возрастных групп — 20-24, 25-29, 30-34 года. По данным переписи населения 1989 г., молодых людей, находя-

¹Рассчитано по: Народонаселение Казахстана. — Астана, 2001. — С. 51.

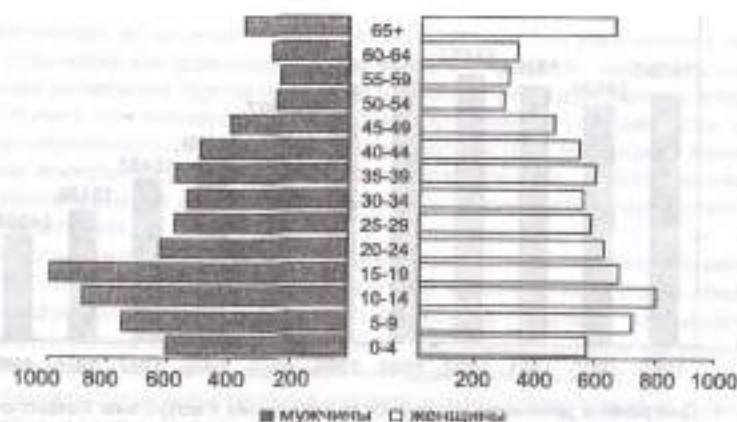

Рис. 3. Возрастно-половая структура населения Казахстана по данным переписи населения 1999 г., тыс. чел.

щихся в возрасте 20-24 года, в Казахстане проживало 1320849 чел. Через десять лет эти люди должны перейти в возрастную группу 30-34 года. А фактически в 1999 г. в этой группе насчитывалось лишь 1099508 чел. Безусловно, в сокращении численности определенную роль сыграла смертность, но она была не столь велика, чтобы «списать» на ее счет потерю 221341 чел. Пользуясь данным методом, автор подсчитал, что возрастные группы 25-29 лет и 30-34 года за 10 лет понесли потери в 314211 и 296652 чел. соответственно. Естественно, что самую непосредственную роль здесь сыграла миграция.

Опасность миграционного оттока не ограничивается прямым, непосредственным вымыванием населения. Люди, находящиеся в наиболее активном репродуктивном возрасте, принимая решение об отъезде, не только уезжают сами, нанося прямой ущерб государству, но и «увозят» настоящих и будущих детей, которые родятся уже в другом государстве. Вследствие вымывания молодых и средних возрастных групп и снижения естественного прироста, в возрастной структуре республики растет доля стариков, что, соответственно, приводит к постарению населения.

Миграционные процессы в значительной мере изменили возрастно-половую структуру населения Казахстана (рис. 2, 3). Сравнительный анализ возрастной структуры жителей республики по данным переписей 1989 и 1999 гг. показывает, что процесс старения населения идет как «сверху» (увеличение доли старших возрастов), так и «снизу» (уменьшение доли детских возрастов). Количество детей (0-14 лет) за эти годы сократилось на 17,4%, а число пожилых (60 лет и старше) увеличилось на 8,2%.

Изменилась и доля этих групп в составе населения. Если в 1989 г. возрастная группа 0-14 лет составляла 31,9% населения, то в 1999 г. —

28,5%, а доля группы 60 лет и старше увеличилась за эти же годы с 9,2 до 10,7% [1, с. 93].

Сложившиеся тенденции изменения возрастной структуры населения показывают, что интенсивность процесса старения «снизу» будет нарастать. За межпереписной период удельный вес детских возрастов (особенно 0-4 года) существенно уменьшился, несмотря на значительное количество населения, находящегося в наиболее активном репродуктивном возрасте (20-29 лет). Это позволяет предположить, что еще более значительное число потенциальных родителей (10-19 лет) не приведет к повышению коэффициента суммарной рождаемости. Можно ожидать некоторого повышения общего коэффициента рождаемости, но его рост будет нейтрализован соответствующим повышением общего коэффициента смертности, так как в республике высокая младенческая смертность. По всей видимости, через 15-20 лет процесс старения населения значительно интенсифицируется как «сверху» (к своему 60-летию начнут подходить многочисленные группы 49-30-летних), так и «снизу» (в репродуктивный возраст начнут вступать малочисленные поколения нынешних 0-9-летних). При этом процесс старения будет существенно усугублять миграция, вымывающая в основном репродуктивную часть населения.

Перепись 1999 г. довольно отчетливо выявила и возрастно-половую диспропорцию в населении Казахстана. Преобладание мужчин в возрасте до 25 лет сменяется в среднем трудоспособном возрасте заметным доминированием женщин, которое в старших возрастных группах достигает 1,6 раза (рис. 2, 3). Так, в возрасте 20-24 года доля мужчин составляет 55,0%, женщин — 45,0%; в возрасте 25-30 лет доля мужчин — 47,9%, женщин — 52,1%; в возрасте 60 лет и более доля мужчин — 38,0%, женщин — 62,0 [2, с. 95].

Старение населения — серьезная проблема, влекущая за собой значительные последствия. Прежде всего, в результате эволюции возрастной структуры населения сокращается число рождений и увеличивается число смертей. В возрастной группе женщин 15-49 лет (фертильный возраст) снижается доля наиболее репродуктивной части (20-29 лет). В то же время увеличивается доля женщин старших фертильных возрастов, на которые приходится минимальное число рождений. Эти факторы приводят к снижению общего коэффициента рождаемости. Наблюдается четкая закономерность: чем выше в населении доля пожилых и старых людей, тем ниже общие коэффициенты рождаемости. С другой стороны, в «старом» населении всегда выше величина общих коэффициентов смертности. С течением времени, когда доля «старого» населения в возрастной структуре будет достаточно велика и уровень смертности в верхней части возрастной пирамиды будет компенсировать, а затем и превышать снижение смертности в молодых возрастах, общий коэффициент смертности начнет расти. Снижение общих коэффициентов рождаемости и увеличение коэффициентов смертности в конечном итоге приводит к сниже-

РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА
В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Субъектом общественно-исторического развития является человек. Поэтому мы будем рассматривать статус бытия человека в контексте этносоциальной системы, а также саму этносоциальную систему в качестве проекции бытия индивидуума и человеческих коллективов. Прежде всего необходимо определиться, что является «творческим потенциалом» человека? Само слово «творить» происходит от слова «Творец», что в древности являлось обозначением одной из функций Бога. Означает акт создания, преобразования чего-либо. То есть перевод объекта или группы объектов, образующих систему и находящихся в постоянном развитии, из одного состояния в другое.

Получается, что творческим потенциалом человека мы называем сумму способностей данного человека, направленную на преобразование окружающего мира. Можно выделить способности физические, психические. Это базовые способности, закладываемые человеку при рождении. Еще выделяют интеллектуальные и духовные способности. Они, как правило, являются производными от двух первых и совершенствуются и раскрываются в течение всей жизни. К физическим способностям относятся уровень развития физического тела и состояние физического здоровья. К психическим способностям относится уровень развития психики человека. Человек обладает сложной психикой, способной к многовекторному развитию. Именно на основе психического потенциала человек имеет возможность повышать уровень интеллекта и достигать высокой духовности. К духовности относятся особые состояния, позволяющие человеку видеть и понимать движущие силы процессов в окружающем мире, осознавать глубинную суть явлений. Данный уровень развития предполагает наличие особых взглядов на мир и столь же особых норм поведения. Способности приводят к формированию возможностей. Возможности обуславливаются совпадением векторов устремлений человека и векторов движения процессов, протекающих в мире. При их совпадении возникает своего рода «резонанс», открывающий пространство-время, в котором происходит реализация творческого потенциала человека. Все четыре вышеуказанных способности и производные от них возможности формируются в процессах воспитания и образования. Природный, врожденный уровень, являющийся базой для дальнейшего развития, может быть полноценным или с наличием определенных отклонений, но рассматривать патологию в данной работе мы не будем, поскольку это приоритет психиатрии.

нию естественного прироста, смертность на этом этапе может превышать рождаемость, что приведет к депопуляции населения.

Известно, что доживаемость женщин значительно выше, чем мужчин. Вследствие этого численность пожилых и старых женщин существенно превышает численность мужчин. С увеличением возраста женский перевес становится все более очевидным. В населении увеличивается численность одиноких пожилых женщин, что приводит к целому ряду социальных последствий в обществе. Таким образом, увеличение в возрастной структуре населения доли лиц старше 60 лет способствует снижению темпов роста населения, создает диспропорцию полов в распределении пожилого населения.

Увеличение в обществе численности пожилых и старых людей приводит к целому ряду экономических и социальных последствий. Эти изменения увеличивают нагрузку на лиц трудоспособного возраста, определенная часть которого также не работает в силу различных причин. Таким образом, происходит увеличение числа лиц, находящихся на иждивении каждого трудящегося. Так, если по данным переписи населения 1970 г. число лиц, находящихся на иждивении у занятого населения, составляло «один к одному», то в 1999 г. на одного работающего приходилось 2 иждивенца [2, с. 42].

Общество, затронутое старением населения, испытывает много проблем. В таком обществе изменяются все отношения: экономические, социальные, политические. Переход Казахстаном 7% (по классификации ООН) порога старения актуализирует те отрасли, которые непосредственно связаны с обслуживанием старости. Таким образом, общество на данном этапе должно приспосабливаться к старению населения, пересматривать традиционные нормы, связанные с пожилыми людьми, по-новому определять их место и роль в социальной структуре. Фактически нужна новая социальная политика, связанная с пожилыми людьми.

Итак, в Казахстане присутствует и в перспективе будет нарастать процесс старения населения. Бесспорным, по нашему мнению, является тот факт, что решающую роль в стремительном развитии этого процесса сыграла эмиграция значительной части населения за пределы республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Н. Первая перепись населения в суверенном Казахстане: некоторые оценки и итоги // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. — С. 82-98.
2. Население России. 1999 год. Седьмой ежегодный демографический доклад. — М., 2000. — 176 с.

Остановимся на рассмотрении «нормальной» базы. «Нормальной» базой мы будем считать физическое здоровье без существенных нарушений и полноценно функционирующий мозг с центральной нервной системой. Они являются обеспечителями главных условий для дальнейшего развития человека. Если эти две составляющие в норме, то в дело вступают следующие факторы: воспитание и образование. Оба данных фактора подвергались весьма сильным изменениям на протяжении истории. А раз так, то и возможности самореализации человека в различные эпохи серьезно различались.

Воспитание — стык этнической и социальной среды. В воспитательном процессе отображаются культурная, языковая, религиозная специфики этноса, а с социальной стороны наглядным образом запечатлевается уклад семьи и общества в целом.

Образование — процесс становления, развития и совершенствования личности человека путем обретения знаний и умений, относящихся к специфическим областям человеческой деятельности и к жизни в целом, как явлению.

Таким образом, база, благодаря которой формируются возможности самореализации человека, закладываются уже в детстве. Это и станет отправной точкой в рассмотрении вышеуказанной проблемы. С самого рождения человек попадает в систему отношений, сформированных и устоявшихся на протяжении длительного периода. Первоначальным местом пребывания становится родительский дом, семья. Именно в семейной среде закладываются основы жизненного миропорядка. Точнее говоря, семья преподносит ребенку определенные истины на том уровне, на каком находятся сами родители, и сквозь призму своего восприятия окружающей действительности. Следующим этапом становятся учреждения, отвечающие за начальное воспитание и начальное образование ребенка. В современности таким учреждением является детский сад. Далее, следующим этапом становится школа, которая в свою очередь подразделяется на младшие, средние, старшие классы. В младших классах образовательная программа ограничивается минимумом знаний, которые, как правило, дополняют программу детского сада и существенно не выходят за рамки культурно-интеллектуального потенциала семьи ребенка. Речь идет в основном о гуманитарной сфере знания, будь-то литература, родной язык, природоведение и т.д. Технические науки, такие как математика, нами не рассматриваются, ибо напрямую не затрагивают вопросы этничности. Речь идет о том, что образование и воспитание, сопутствующие образованию на начальных этапах, на сто процентов соответствуют модели мира, которая формируется в семье, в повседневной жизни. Начиная со среднего школьного возраста и, особенно, со старших классов объем знаний, преподаваемых в школе, значительно возрастает, что сразу же поднимает школьника на более высокую ступень обозрения реальности. Более высокую по отношению к модели, преоблада-

ющей в семье. Назовем ее «семейной моделью». Никакой конфронтации не возникает, просто человек получает в процессе школьного обучения такие знания, которые его родителям в повседневности не нужны, или они их уже не помнят. На основе формируемой модели стремительно растет уровень притязаний молодых людей, зачастую не всегда совпадающих с «рекомендациями» родителей. Здесь уже начинается процесс социальной реализации индивидуума. Следующий этап — получение высшего образования. На данном этапе возникает вероятность расхождения между социальной и этнической формами реализации. Это может представать в виде желания поехать учиться за границу, эмигрировать или заняться деятельностью, не совместимой с традиционными этническими представлениями о месте человека в жизни. Если человек остается на родине и продолжает свое образование в вузе, то у него формируется «вузовская модель», которая имеет значительно больше шансов не совпасть с «семейной» или «детсадовской» моделями. Нужно отметить, что «семейная модель» мира является одним из иерархических уровней отображения реальности. Отображения и формирования, что весьма немаловажно. Далее по возрастанию в иерархии этнического отображения идут род, племя, субэтнос, этнос. Но в современном обществе племя уже давно не фигурирует в качестве самостоятельного образования, сразу за родом идет субэтнос. В настоящее время дифференциация моделей отражения и соответствующих им моделей поведения существенно усложнилась. Во-первых, в самой этнической системе, а во-вторых, на этническую дифференциацию накладывается дифференциация социальная. Итак, данная характеристика указывает на то, что выход из одной системы отражения вовсе не обязательно означает выход из этнической системы ценностей вообще. Следует отметить, что такой выход невозможен в принципе, поскольку культурно-поведенческий стереотип (КПС) все равно уже сформирован и будет оказывать влияние на отношение человека к миру на протяжении всей его жизни. Зачастую выход из одной системы отражения означает переход на другой уровень, как правило, более высокий. Менее однозначно обстоит дело с социальной иерархией отражения, поскольку разнообразие форм поведения и соответствующих им ценностных ориентиров в собственно социальной среде огромно.

Параллельно этапам социализации личности идет процесс удовлетворения потребностей. Если мы станем рассматривать реализацию творческого потенциала человека как процесс удовлетворения потребностей всех трех уровней, то неминуемо приходим к выводу о синхронности процессов реализации человека и общества. В каждой иерархии, этнической и социальной, на каждом из представленных уровней человек реализует себя в определенной мере. Реализация творческого потенциала человека напрямую зависит от степени свободы, исповедуемой самим человеком и предоставляемой ему обществом. Степень свободы различна на разных уровнях иерархии, но она не вырастает и не убывает прямо пропорционально дви-

жению вниз или вверх по уровням. Однако в значительной мере степень свободы может определяться той моделью поведения, которая соответствует данному уровню в этнической или в социальной иерархиях. Существуют два аспекта, регламентирующие поведение человека в процессе его самореализации. Это мораль и закон. Мораль предписывает нормы поведения, а закон определяет круг средств, «разрешенных» к использованию для достижения целей. Таким образом, напрашивается однозначный вывод: реализация творческого потенциала человека ограничивается методами регламентации его свободы. Люди в силу своих личностных и индивидуальных особенностей видят возможности самореализации по-разному. Вместе с тем представляется возможным выделить три группы, на которые делятся представители общества. Первая группа: индивидуумы, желающие реализовать себя в рамках существующей системы отношений и на основе общепринятых ценностей.

Сразу же видим две линии поведения в пределах двух систем: этническую и социальную. Этническая, как правило, подразумевает опору на традиционные ценности данного этноса. Во всяком случае на те, которые доминируют на данный момент времени. Этнические ценности представляют собой весьма обширную палитру поведенческих моделей членов и групп в этническом коллективе, складывающихся в единую мировоззренческую модель, функцией которой является культурно-поведенческий стереотип этноса. Этнос в процессе культурно-исторического развития вырабатывает особую, сложную специфическую систему культурно-психологического воспроизводства человека. Данная система развивалась веками, и даже в современности присутствуют определенные черты предшествующих эпох. Мораль имеет многовековую основу. Однако было бы неверно думать, что вся тысячелетняя мораль целиком присутствует в современности. Как правило, люди, живущие здесь и сейчас, живут в пространстве морально-нравственных принципов, представляющих собой причудливый сплав из мировоззренческих норм и поведенческих мотивов, относящихся к разным эпохам. А раз так, то существует возможность выбора подходящей модели поведения из целостного опыта этноса для каждой конкретной жизненной ситуации. Это приводит к тому, что в процессе самореализации индивидуум имеет широкую возможность для «маневра». Отсюда можно предположить, что какую бы модель поведения человек ни выбрал, он всегда остается в рамках единого КПС этноса, только в его различных временных вариантах. Таким образом, сам для себя человек оправдывает свои действия, легитимируя свою свободу. Определить, в чем конкретно состоит реализация в ее этническом варианте, довольно сложно. Выше мы отмечали иерархические уровни этноса, и оказалось, что наиболее явно и просто возможно реализовать себя в семье. На других, более высоких уровнях, таких как род, субэтнос, этнос, реализация в этносе возможна при параллельной реализации в социальной сфере. Вообще, говорить о реализации в этносе можно в том слу-

чае, когда человек своими действиями способствует усилению этнического самосознания, в частности, росту культурного уровня этноса, богатству языка, религиозности и т.д. И вот здесь необходимо сделать акцент на соотношении признаков этнической идентичности и динамики этносоциальных систем в пространстве-времени. То, что лет триста назад было явным вариантом реализации в этносе, сегодня уже не будет считаться таковым, и не все идущее во благо этносу ранее пойдет на пользу сегодня. Хотя сразу же возникает вопрос, а что считать пользой? Пользой будем считать то, что способствует формированию многогранной личности, раскрывает особенность, неповторимость и уникальность каждого человека и способствует максимальной реализации творческого потенциала. Главным в культурной среде должна быть установка на осознание человеком своего Я, осознание того, что человек – Творец. Если в основе культуры находится данная парадигма, то данному обществу не страшны никакие катаклизмы. Они попросту в нем не возникнут. Именно с этой позиции представляется наиболее перспективным изучение вопроса о возможностях реализации человека. В процессе изучения достаточно задаваться вопросом: насколько на данном уровне этносоциальной системы существующие условия способствуют воплощению в жизнь вышеозначенного образа человека? Ответ на вопрос позволит с высокой степенью точности определить состояние общества и увидеть его перспективы. В процессе социализации личности формируется мировоззрение человека.

Соответственно мировоззрению складывается модель поведения человека. В любом случае, для того чтобы человек пришел к осознанию себя Творцом, необходим определенный культурный фундамент, на котором будет осуществляться построение соответствующей мировоззренческой и поведенческой модели. В процессе социализации личности, на каждом из его этапов, система воспитания и образования формирует или деформирует предпосылки, необходимые для осознания и раскрытия вышеуказанного качества. Подобная двоякость обусловлена, с одной стороны, культурным наследием, на котором складывается система, а с другой стороны, наличием элементов, направленных на воспитание «послушного» человека. Эти элементы заложены еще в глубокой древности, и в различных культурах они проявляют себя по-разному и с разной степенью агрессивности. Их наличие на современном этапе может искусственно усиливаться особыми методами со стороны государства для усиления степени подконтрольности общества. Таким образом, формирование полноценной личности и проявление индивидуальности в общественных системах представляется весьма затрудненным делом. Мы рассмотрим русского крестьянина начала XX в. Для того чтобы перейти непосредственно к изучению вопроса в историческом аспекте, рассмотрим свободу, мораль и закон в социальной сфере. В социальной сфере, точно так же как и в этнической, на разных уровнях индивидуум проявляет себя по-разному, в соответствии с окружающими его условиями. Здесь складыва-

ется двоякая ситуация: с одной стороны, в социуме раскрываются перед человеком большие возможности, как правило, поведение предполагает многообразие форм, что особенно ярко проявляется при переходе от традиционного общества к гражданскому. А с другой стороны, нормы поведения в конкретных социальных областях строго определены, что существенно сужает спектр разнообразия. Если в этносе человек может апеллировать к культурному опыту, то в социуме так не получается, поскольку социальная сфера держится не столько на традициях, сколько на соотношении производительных сил и производственных отношений. То есть «внедрение» старых нормативов со стороны индивидуума или группы лиц может не сработать, так как не впишется в новые условия. В любом случае, и в этнической, и в социальной системах возможные выходы за установленные рамки не приветствуются. В этносе определенной фазе этногенеза соответствуют свой КПС, и КПС предшествующих фаз не вписывается в современность. И там, и там мы видим наличие определенного КПС. Было бы нелепо противопоставлять КПС этноса КПСу социальному. Безусловно, присутствуют своего рода «скрепляющие элементы». Поскольку этнос и социум неразделимы, то и на поведение индивидуумов влияют факторы с обеих сторон. И в том, и в другом вариантах присутствуют факторы либо способствующие разностороннему развитию человека, либо препятствующие таковому. Итак, рассмотрим классовый состав общества Российской империи. Свыше 80% крестьян, 10% рабочих, 8-9% интеллигенции, 1% буржуазии.

Крестьяне. Русские крестьяне жили общиной, что накладывало существенный отпечаток на возможности самореализации человека. Необходимое образование сводилось к следующему: три-четыре класса церковно-приходской школы или, если таковые отсутствовали, то образование давалось в семье и сводилось к изучению азбуки арифметики, правописания и изучению закона Божьего. О воспитании так кратко сказать не представляется возможным, поскольку воспитание человека продолжается на протяжении всей жизни. Пока ребенок растет в семье, он видит свое будущее на примере своих родителей: мальчик вырастет, женится и создаст свое хозяйство. В его семье родятся дети, сам он будет главой семьи. Девочка вырастет, выйдет замуж, как правило, перейдет в семью мужа, а точнее свекра, это в том случае, если дом для молодой семьи еще не построен, а после того как новое хозяйство сложится, станет хозяйкой, родит детей и т.д. То есть ритм и стиль жизни на селе передаются из поколения в поколение. Возможности реализации творческого потенциала и самореализации в целом здесь следующие: выйти на уровень более высокого благосостояния путем расширения хозяйства и войти в число сельской буржуазии. Второй вариант: уехать из села и заняться другим видом деятельности вообще, а именно, стать работником шахты, на приисках драгоценных металлов (в те времена широкое распространение имела фраза «подался на золотые прииски», особенно в среде Сибиро-

кого крестьянства, где активно развивалась добыча драгоценных металлов) или переехать на постоянное место жительства в город. В этих случаях у человека открывались новые горизонты и он получал возможности для самореализации. Был еще один вариант – пойти служить в армию и попробовать сделать карьеру военного. В истории известны случаи, когда доброволец, записавшийся в армию и став по званию рядовым, впоследствии дослуживался до званий офицерского состава и получал деньги, чины, высокие должности. Но этот вариант связан с большим риском и приемлем не для всех. Особенность ситуации состоит в том, что крестьянин жил общиной, общинным укладом и для него община-село представляла в качестве модели устройства мира в целом. В традиционном обществе существует строгая иерархия, в которой младшие члены семьи подчинены старшим, а все члены семьи слушаются главу семьи. В свою очередь крестьянская семья выполняет те решения, которые принимает сельский сход, а село входило в волость, волость – в уезд, уезд – в губернию и т.д. На вершине пирамиды стоял царь, который подотчетен только Богу. Для крестьянина село не только источник средств существования, но и сама жизнь, а точнее система, в которой протекают процессы жизнедеятельности крестьянина и его семьи. Зачастую люди, проживавшие на селе, жили на одном и том же месте многими поколениями и на протяжении столетий, и для крестьянских семей, проживавших в данной местности, данном районе издревле, земля их постоянного обитания становилась священной. Земля, дающая урожай, и село, выстроенное на земле и представляющее в глазах крестьянина формой совершения священного действия – жизненного цикла, являлись неотъемлемой составляющей жизни крестьян. Русская крестьянская культура сакральна, каждое действие в условиях данной этнокультурной среды глубоко символично, наполнено смыслом. Именно поэтому крестьянину было крайне тяжело начинать пробовать себя в новых видах деятельности, поскольку такой шаг неминуемо приводил к разрыву всех или большинства связей с селом, связей экономических (что само по себе не являлось особенной трагедией, так как, уходя в другие области производства, бывший крестьянин обретал новые связи и получал возможность зарабатывать средства на жизнь). Самым проблематичным было то, что утрачивались культурные связи, уклад, который невозможно воссоздать в качественно иной социокультурной среде. В новой среде все символы предстают в другом свете и несут другие смыслы, что приводит к началу качественной перестройки личности крестьян, прибывших в новые места проживания и работы. Данное явление известно как маргинализация, и ее рост в обществе порождает серьезные проблемы. Вся жизнь крестьянина, его отношения с родственниками, с односельчанами определялись общинным характером экономических и культурных отношений. Попадая в совершенно другую среду, крестьянину было крайне трудно приспособиться, и это была плата за открытие новых возможностей для самореализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: ДИ-ДИК, 1994.
2. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. — М.: ДИ-ДИК, 1994.
3. Гумилев Л.Н. От Руси до России. — М.: ДИ-ДИК, 1996.
4. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. — М.: ДИ-ДИК, 1996.
5. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: В 2 т. — М.: Алгоритм, 2004.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — М.: Алгоритм, 2000.
7. Кара-Мурза С.Г. Евроцентризм как скрытая идеология перестройки. — СИМС, 1995.

Слугина Г.В.

Усть-Каменогорский филиал МЭСИ

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ Г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА В 1941-1945 ГОДАХ

Шестьдесят лет назад закончилась самая кровавопрлитная за всю историю человечества мировая война. Она унесла жизни миллионов людей — граждан многих стран мира. Ход военных действий, результаты войны, ее последствия до сих пор являются предметом исследования ученых.

История Великой Отечественной войны привлекала и привлекает внимание многих исследователей. Историки Казахстана также внесли существенный вклад в изучение этой темы. Несмотря на значительные успехи в исследовании различных аспектов истории Казахстана в годы Великой Отечественной войны, из поля зрения историков выпал ряд крупных и важных вопросов. Это касается прежде всего демографического развития Казахстана и отдельных его регионов.

В последнее время интерес к изучению различных аспектов народонаселения резко усилился. В свет вышло множество работ, посвященных проблемам демографического развития Казахстана. В настоящее время в республике сложилась школа историков-демографов. Сегодня имена и труды М.М. Татимова, Н.Е. Бекмахановой, Н.В. Алексеенко, А.Н. Алексеенко, А.Б. Галиева и других широко известны и за пределами республики.

Недостатком историко-демографических исследований остается слабое освещение проблем воспроизводства населения в годы Великой Отечественной войны. Демографы и сейчас ограничиваются лишь констатацией отдельных фактов, сосредоточив основное внимание на развитии народонаселения на современном этапе. Проблемы народонаселения в 1941-1945 гг. в историко-демографических работах освещены недостаточно.

Что касается непосредственно Усть-Каменогорска, то исследований по истории областного центра в период войны 1941-1945 гг. нет. Наш город в эти трудные годы был глубинным тыловым районом, он не постра-

дал от военных действий так, как пострадали большинство городов европейской части СССР. Но данная тема должна изучаться, потому что такое грандиозное по своим масштабам событие, как Великая Отечественная война, не могло не сказаться на дальнейшем развитии социально-демографических процессов в СССР, Казахстане и отдельных его регионах, в том числе в Усть-Каменогорске.

В данной работе исследуется население г. Усть-Каменогорска в 1941-1945 гг. Цель — показать особенности развития процесса воспроизводства населения города за годы войны 1941-1945 гг.

Исходя из этой цели в исследовании решаются следующие задачи:

— выявление особенностей типа воспроизводства населения г. Усть-Каменогорска;

— определение качества функционирования демографической системы в областном центре.

Источниковую базу исследования составили материалы архива городского отдела записей актов гражданского состояния (ЗАГС) г. Усть-Каменогорска. В данное время отдел располагает материалами о рождении, браке, разводе и смерти за период 1928-2006 гг. Естественно, что архив практически ежедневно пополняется новыми данными. Но для настоящего исследования использовались архивные записи актов о рождении и о смерти за период Великой Отечественной войны.

Актовые записи за эти годы никем никогда не обрабатывались. Только работниками Государственного архива Восточно-Казахстанской области были пронумерованы страницы каждой книги записей актов гражданского состояния и присвоены номера описей и деп. В данном исследовании использовались материалы описей 1; 4. Но в двух книгах (№ 1 за 1941 г., а/з № 1-139 и № 2 за 1943 г., а/з № 205-421) не проставлены номера описи и деп, поэтому в примечаниях эти книги указаны по номерам актовых записей.

Фактически данное исследование — это первая попытка научной обработки богатейшего материала архива отдела ЗАГС. При этом работа велась вручную. Автор попыталась привести источники к единой системе и на их основе проследить, какие демографические процессы происходили в г. Усть-Каменогорске в годы войны.

Архив содержит записи актов не только по городскому отделу ЗАГС за 1941-1945 гг., но также по Кировскому райбюро ЗАГС, Аблакетскому и Верх-Ульбинскому сельским советам, однако данные материалы в работу не вошли. Рассматривалась рождаемость и смертность только по г. Усть-Каменогорску, без прилегающих к нему населенных пунктов.

Все актовые записи, хранящиеся в архиве ЗАГС, подшиты в отдельные книги по 120-440 страниц. Каждая актовая запись имеет свой порядковый номер, однако в те годы зачастую допускались ошибки — происходила путаница в номерах (потому что все актовые записи автором были пересчитаны заново). Иногда имена и фамилии писались неправильно (например, Вла-

димер, Геннадий и т.д.) или в уменьшительном виде (например, Лилия вместо Лилия и др.). Вероятно, это происходило из-за низкого уровня образования регистраторов. Но в целом источниковая база надежна и достоверна. Сегодня, благодаря тому что регистрация актов гражданского состояния в трудные годы войны не прекращалась, мы имеем возможность проанализировать не только демографическую ситуацию, сложившуюся в период Великой Отечественной войны, но и объяснить некоторые современные процессы в воспроизводстве населения областного центра, так как война до сих пор влияет на демографическое положение города.

В Казахстане в дореволюционное время господствовал традиционный тип воспроизводства населения. Индустриализация, изменения образа жизни, культурных ценностей повлекли изменения и в демографическом механизме, прежде всего, городского населения. В Усть-Каменогорске в 1920, 1930-е гг. по-прежнему существовал традиционный тип рождаемости и смертности, так как город не был достаточно развит индустриально, он представлял собой тихую провинцию с традиционным укладом жизни. В этот период в городе отмечался высокий уровень рождаемости, но и одновременно высокий уровень смертности, особенно в младенческом возрасте.

На рис. 1 изображены кривые показателей общих коэффициентов рождаемости и смертности за 1941-1945 гг. Рассмотрим, на какой стадии находился демографический переход к новому типу воспроизводства в г. Усть-Каменогорске в период Великой Отечественной войны.

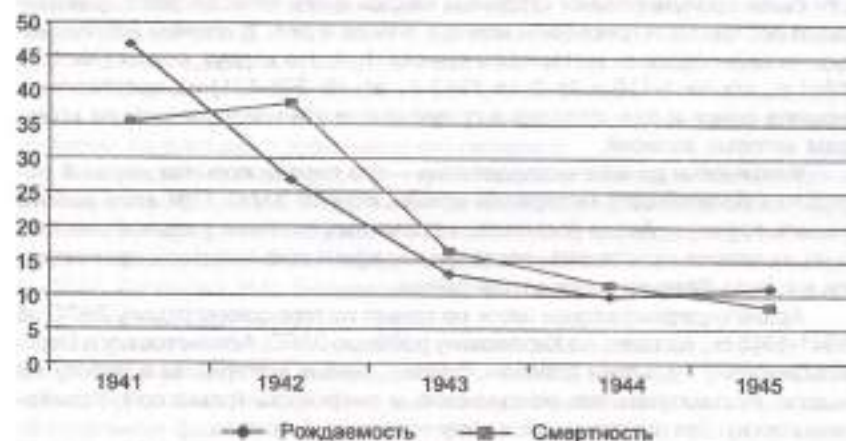

Рис. 1. Естественный прирост населения¹

¹ Рассчитано по: Записи актов о рождении: ин. № 1 за 1941 г., а/з 1-139; ин. № 2 за 1943 г., а/з 205-421; О. 1. — Д. 68-82; Записи актов о смерти. — О. 4. — Д. 58-68, 70, 71; ГАВКО. — Ф. 19 п. — О. 1. — Д. 245. — С. 1; Восточный Казахстан в цифрах. — Алма-Ата, 1962. — С. 10.

В 1941 г. $O_{\text{р}}$ был равен 46,8‰, а $O_{\text{с}}$ — 35,8‰, следовательно, естественный прирост составлял 11,5‰. Эти показатели свидетельствуют о господстве традиционного типа воспроизводства населения, когда уровень рождаемости обусловлен высоким уровнем смертности. Однако в течение только одного года общий коэффициент смертности стал превышать общий коэффициент рождаемости на 11,3 пункта! Главной причиной такого резкого снижения показателя прироста явилась война, а именно, уход на фронт мужчин, находящихся в репродуктивном возрасте, перестройка общества на военные рельсы, изменение условий жизни, когда люди, проживающие в тыловых районах, работали день и ночь, обеспечивая фронт всем необходимым.

В 1942 г. $O_{\text{р}}$ равнялся 26,8‰, а $O_{\text{с}}$ — 38,1‰. Такое резкое увеличение уровня смертности, вероятно, вызвано тем, что в 1942 г., когда снизился уровень рождаемости, продолжали умирать дети младенческого возраста, а показатель смертности в детских возрастах традиционно был высоким. В 1943 г. произошло значительное уменьшение рождаемости (до 13,1‰) и, как следствие этого, снижение смертности (до 16,4‰), что противоречит нормальному развитию демографического перехода, когда рождаемость подстраивается под смертность. Разница в этих показателях составила 3,3 пункта. 1944 г. — пик снижения рождаемости (9,8‰), общий коэффициент смертности также снизился до 11,5‰. Естественный прирост в этом году был равен минус 1,7‰. С 1945 г. начинается постепенное увеличение рождаемости (11,1‰), а смертность все же уменьшается (6,2‰). Естественный прирост составил 4,9‰. Этот факт, очевидно, обусловлен восстановлением границ Советского Союза, возвращением мужчин с фронта, победой над фашистской Германией, когда советские люди были воодушевлены этим грандиозным событием и с оптимизмом смотрели в будущее, а также некоторым улучшением образа жизни населения по сравнению с военным временем, ведь народное хозяйство постепенно начало восстанавливаться.

Итак, исходя из приведенных данных, в 1941-1945 гг. в Усть-Каменогорске демографический переход к новому типу воспроизводства населения не только не развивался нормально, но и значительно замедлился. Приведенные цифры фактически свидетельствуют о депопуляции населения нашего города в рассматриваемый период. Этот факт не мог не оказать влияния на демографическую ситуацию в городе в послевоенное время.

Анализ динамики численности, возрастной структуры, режимов воспроизводства населения говорит о том, что на протяжении примерно ста последних лет в мире происходило нечто большее, чем простое чередование разных демографических режимов. За изменением количественных показателей, если рассматривать их в комплексе, четко проступают глубокие качественные перемены.

Многие количественные изменения в рождаемости, смертности, естественном приросте имеют принципиально качественный характер. Каковы же критерии качества функционирования современной демографи-

ческой системы? Ученые выделяют четыре важнейшие характеристики, которые могут служить подобными критериями:

- а) результативность;
- б) устойчивость;
- в) экономичность;
- г) управляемость [1, с. 211].

Эти характеристики отражают разные стороны функционирования системы, и лишь взятые вместе они позволяют обоснованно судить о ее качестве.

Под результативностью следует понимать способность процесса прийти к необходимому конечному результату, обеспечить выполнение системой своих основных функций. Конечный результат в данном случае – поддержание демографического равновесия. Если же это равновесие нарушается, воспроизводственные процессы часто выходят за границы области допустимых режимов, и в этом случае мы имеем дело с низким качеством функционирования демографической системы. Следствием такого низкокачественного функционирования может быть депопуляция, вымирание, либо, напротив, демографическая экспансия, ведущая к нарушению равновесия между демографическими и другими социальными процессами.

Описать результативность воспроизводства в г. Усть-Каменогорске можно с помощью суммарного коэффициента рождаемости, который характеризует среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь, и брутто-коэффициента воспроизводства, показывающего среднее число девочек, рожденных матерью также за всю ее жизнь.

В 1941 г. суммарный коэффициент рождаемости был равен 5,443, в 1942 г. – 3,193, в 1943 г. – 1,842, в 1944 г. – 1,157, в 1945 г. – 1,348¹. Суммарные коэффициенты выше 4,0 считаются высокими, меньше 2,15 – низкими, не обеспечивающими даже замену родителям. Так как в 1943–1945 гг. данный показатель стал меньше уровня простого воспроизводства, значит условное поколение этих лет не только не обеспечило замены родителям, но и в несколько раз стало меньше по численности. Фактически за три года войны произошел перепад от демографического взрыва до депопуляции.

Брутто-коэффициент воспроизводства в 1941 г. был равен 2,541 (то есть в 1941 г. на 1000 женщин фертильного возраста приходилось 2541 случай рождения девочек), в 1942 г. – 1,618. Снижение этого коэффициента в 1943 г. до 0,913, в 1944 г. до 0,563 и некоторое его повышение в 1945 г. до 0,633 говорит о том, что воспроизводство населения спустя определенный промежуток времени, когда девочки, родившиеся в 1943–

¹ Рассчитано по: Записи актов о рождении: кн. № 1 за 1941 г., а/з 1-139; кн. № 2 за 1943 г., а/з 205-421; О. 1. – Д. 68-79, 81, 82; ГАВКО. – Ф. 19 п. – О. 1. – Д. 245. – С. 1; Восточный Казахстан в цифрах. – Алма-Ата, 1962. – С. 10.

1945 гг., вступает в репродуктивный возраст, может оказаться суженным, так как этот показатель меньше единицы¹.

Приведенные цифры красноречиво свидетельствуют о том, что женщины в период войны родить стали фактически в пять раз меньше, на что повлияло значительное ухудшение уровня жизни, плохое питание, низкий уровень медицинского обслуживания, вызванные условиями военного времени.

Итак, такие значительные отклонения показателей суммарного коэффициента рождаемости и брутто-коэффициента от уровня простого воспроизводства являются признаком низкого качества функционирования демографической системы.

Режимы воспроизводства населения постоянно меняются [1, с. 182]. В обычной ситуации параметры режимов воспроизводства колеблются вокруг некоторых неизменных уровней, соответствующих более или менее постоянным условиям демографического равновесия. Частоту и размах таких колебаний необходимо рассматривать в качестве характеристики устойчивости функционирования демографической системы.

Рассмотрим режим воспроизводства населения г. Усть-Каменогорска в период Великой Отечественной войны (рис. 2). Колебание режима в этот период было весьма существенным: в 1941 г. показатель естественного прироста населения был равен 11,5%, затем резкое снижение на 22,8 пункта в 1942 г. до минус 113,3%. Показание кривой за 1943 г. равно минус 3,3%, а за 1944 г. – минус 1,7%. В 1945 г. этот показатель вырос на 4,5 пункта и составил 2,8%, однако по сравнению с 1941 г. он уменьшился на 8,7 пунктов.

Рис. 2. Режим воспроизводства населения²

¹ Рассчитано по: Записи актов о рождении: кн. № 1 за 1941 г., а/з 1-139; кн. № 2 за 1943 г., а/з 205-421; О. 1. – Д. 60-63.

² Рассчитано по: Записи актов о рождении: Там же; О. 1. – Д. 68-82; Записи актов о смерти. – О. 4. – Д. 58-68, 70, 71; ГАВКО. – Ф. 19 п. – О. 1. – Д. 245. – С. 1; Восточный Казахстан в цифрах. – Алма-Ата, 1962. – С. 10.

Данный график свидетельствует не только о неустойчивости режима воспроизводства, но и о чрезвычайно низком качестве функционирования демографической системы в целом. Такие скачкообразные переходы не характерны для общества, в котором проводится целенаправленная демографическая политика, где нормально развиваются социальные институты. Естественно, в условиях военного времени эти факторы не работали на поддержание механизма. Таковым образом, режим воспроизводства населения г. Усть-Каменогорска не был устойчивым, поэтому говорить о высоком уровне функционирования демографической системы в целом не приходится.

Экономичность воспроизводства населения — также важная характеристика качества функционирования демографической системы, а значит и качества управления протекающими в ней процессами и «результатами». Необходимо понимать соотношение «затраты и «результаты».

Проверить экономичность воспроизводства населения г. Усть-Каменогорска в 1941-1945 гг. поможет так называемый индекс жизненности (индекс Покровского-Пирла) — отношение числа родившихся к числу умерших. Это отношение за период Великой Отечественной войны равно: в 1941 г. — 1,32; в 1942 г. — 0,70; в 1943 г. — 0,77; в 1944 г. — 0,84; в 1945 г. — 1,78¹.

Индекс жизненности тем выше, чем больше единицы. В нашем случае в 1942-1944 гг. данный показатель был меньше единицы, то есть фактически «затраты» превышали уровень «результатов», то есть количество родившихся в данный период детей не обеспечивало даже простой замены родителям.

Четвертая качественная характеристика процесса воспроизводства населения — управляемость. Управляемость отражает способность общества проводить эффективную демографическую политику. Демографическая ситуация, сложившаяся в годы Великой Отечественной войны, когда общий коэффициент рождаемости резко снизился, а коэффициент смертности стал превышать уровень рождаемости, убедительно показывает, что общество в данный отрезок времени было неспособно проводить реальную демографическую политику. Первой причиной тому явилась, конечно же, война, а именно, все мужчины в возрасте находились на фронте, женщины вынуждены были заменять место мужчин на производстве, в колхозах и совхозах, политика страны была направлена только на победу, решение же остальных проблем отодвинули до конца войны. Во-вторых, г. Усть-Каменогорск не был высококоразвитым в экономической, социально-культурной сфере.

¹ Рассчитано по: Записи актов о рождении: кн. № 1 за 1941 г., а/з 1-139; кн. № 2 за 1943 г., а/з 205-421; О. 1. — Д. 68-62; Записи актов о смерти. — О. 4. — Д. 58-68, 70, 71; ГАВКО. — Ф. 19 п. — О. 1. — Д. 245. — С. 1; Восточный Казахстан в цифрах. — Алма-Ата, 1962. — С. 10.

но говорить о том, что общество в состоянии регулировать протекающие в нем демографические процессы.

Таким образом, управление воспроизводством населения обществом практически отсутствовало.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что качество функционирования демографической системы было чрезвычайно низким. Ведь воспроизводство населения — социально управляемый процесс. Анализируя взаимодействие рождаемости и смертности, а также рассматривая качественные характеристики процесса воспроизводства населения г. Усть-Каменогорска в годы войны 1941-1945 гг., мы видим, что общество фактически не влияло на сложную демографическую ситуацию, вызванную обстоятельствами военного времени.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы об особенностях воспроизводства населения г. Усть-Каменогорска в период Великой Отечественной войны:

1. В рассматриваемый период переход от традиционного типа воспроизводства к рациональному значительно замедлился.
2. Воспроизводственные процессы вышли за границы области допустимых режимов, следствием чего явилась депопуляция населения.
3. Эффективность функционирования демографической системы была на качественно низком уровне.
4. Уровень экономичности воспроизводственных процессов в значительной степени снизился.
5. Управляемость воспроизводством населения г. Усть-Каменогорска отсутствовала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. — М.: Мысль, 1989.

Сокольников Г.Ю.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ВЛИЯНИЕ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ НА ПРОКРЕАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ

Вступление в брак, создания семьи — ответственный шаг, который ведет к достаточно серьезным изменениям в жизни двух людей. Эти изменения затрагивают и индивидуально-психологический, и социальный аспекты существования личности каждого из молодых супругов. В идеале происходит изменение и нивелирование ценностей, смещение акцентов в интере-

сах, осознание меры своей ответственности и многое другое, что определяет течение адаптационных процессов, особенно, в молодой семье.

Люди женятся и выходят замуж, руководствуясь определенными взаимными интересами, в основе которых, как правило, лежит любовь. При этом любовь не исчерпывается тягой влюбленных друг к другу. С половой любовью неразрывно связана потребность человека в детях. Кроме того, жених и невеста подходят к решительному рубежу их жизни с разными психологическими установками. И очень важно при этом, чтобы они, выбирая спутника жизни, хорошо знали его. Но необходимо знать и самого себя, по возможности трезво оценивать собственные возможности и недостатки, чтобы соотнести их с качествами избранника.

В наше время, когда мотивом вступления в брак очень часто является не любовь, которая помогает справиться с трудностями, а какие-либо иные обстоятельства и ситуации, несовпадение идеальных представлений молодых о браке и реальная совместная жизнь часто могут привести к непониманию, конфликтам, распаду только что создавшейся семьи. В свете этого исследование психологических проблем молодой семьи является очень актуальным.

Вполне реально оказать помощь молодым супругам в их проблемах, если опираться на конкретную исследовательскую базу и выявить ряд тенденций, приводящих к неудачам и непониманию в отношениях двух молодых людей, создавших семью, что и приводит к возникновению ряда именно психологических проблем. Здесь актуальность рассматриваемого нами вопроса выступает наиболее ярко и отчетливо.

Следует отметить, что ряд исследований в данной области проводился в большинстве случаев в социально-психологическом аспекте, с доминантой социальных факторов (исследования В.А. Сысенко, К. Киркпатрика, Э. Эйдемиллера). Мы же попытались рассмотреть психологические проблемы молодой семьи через призму адаптации в первые годы брака, критериями которой являются стыковка ролевых ожиданий и притязаний супругов, именно в психологическом аспекте, с учетом проведения психологического исследования. Кроме того, мы попытались проследить влияние адаптационных процессов в молодой семье на прокреационные установки с учетом тенденций демографических процессов (брачность-разводимость, возрастные критерии вступления в брак, динамика изменения возраста матерей при рождении первого ребенка и т.д.) на основе статистических данных.

Тревожный рост числа разводов показывает: далеко не всегда новообраченные представляют, что ждет их после свадьбы. И одной из серьезных причин разводов является плохое знание супругами особенностей друг друга, прежде всего личностных, к моменту заключения брака. Это очень часто предопределяет возможность краха вскоре после свадебных торжеств.

По какому руслу потечет семейная жизнь — во многом зависит от молодых супругов. В первые месяцы притираются характеры, строится со-

вместимость, вырабатывается тон внутри семейной пары и с новыми родственниками, делятся обязанности, создается материальная основа дома, то есть из двух «Я» строится система «Мы», осваиваются новые для себя роли — роль мужа и роль жены. В этот период семья живет в зоне повышенной конфликтности.

Важнейшей предпосылкой образования крепкой семьи является умение жениха и невесты серьезно провести так называемый «диалог о будущем». Обсудить, как думают организовать свою жизнь после свадьбы: где жить, как вести хозяйство, сколько иметь детей, как отдыхать и т.п. К сожалению, в разговорах молодых людей в период ухаживания и помолвки очень редко затрагиваются вопросы о том, что каждый из них ждет от брака, какие ценности и интересы играют важную роль в их жизни, каким бы хотели они видеть жену или мужа в будущем, что в последующей семейной жизни обуславливает ряд проблем, связанных с непониманием, неприятием желаний и позиций другого. А за этим стоит неумение, а иногда и нежелание понять друг друга во взгляде на ту или иную ситуацию.

Статистика разводов свидетельствует, что в массе своей они чаще всего происходят в семьях со стажем в 1-2, 12-13, 18-19 лет. Это означает, что именно в эти периоды назрела та проблема, которую не удалось разрешить внутренними усилиями семьи, и она распалась. По Казахстану общий коэффициент разводимости по всему населению увеличился с 1,71% в 1999 г. до 2,10% в 2004 г. Тот же показатель среди городского населения увеличился с 2,54% в 1999 г. до 3,07% в 2004 г. [1, с. 32].

Одной из серьезных причин такой тенденции являются сложности и проблемы, возникающие в период адаптации молодых друг к другу. Повседневная совместная жизнь молодых супругов проявляет и их достоинства, и их недостатки. С последними не всегда могут смириться супруг или супруга, особенно в первые годы совместной жизни. Ожидания супругов очень часто не совпадают и не реализуются, и возникает проблема: «Я совсем за другого человека выходила замуж!». Идеальные представления о браке у молодых и реальность, которую они начинают осознавать и понимать после вступления в брак, очень разнятся между собой. Следствием этого являются различные психологические проблемы, возникающие у молодых супругов. Это и конфликты с родителями из-за жены или мужа, и неудовлетворенность собой и отношениями, и конфликты в хозяйственно-бытовой сфере брака, где молодые реализуют свою раздражительность, возникшую от несовпадения интересов, взглядов, желаний.

Все вышеперечисленное определяет сложный и многообразный процесс адаптации супругов друг к другу и к совместному образу жизни. Период адаптации у каждой молодой пары различен как по протеканию во времени, так и по содержанию. Адаптация осуществляется во всех без исключения сферах семейных отношений и касается всех составляющих образа жизни мужа и жены.

Если говорить о феномене адаптации, то он представляет собой диалектическое единство двух процессов: ассимиляции (в наиболее общем

смысле – изменения окружения для успешного приспособления) и аккомодации (изменение самого себя с той же целью) [9, с. 180].

Самым трудным и опасным, с точки зрения стабильности семьи, является период совместного проживания молодых от момента заключения брака до четырех лет (напомним, что по данным статистики около 50% разводов приходится на первые годы супружества). По статистическим данным, в Казахстане процент разводов в 2004 г. по продолжительности брака составил: до 1 года – 2,9%, 1 год – 4,7%, 2 года – 5,0%, 3 года – 5,3%, 4 года – 5,3% (рассчитано по [1, с. 37]). Если смотреть дальнейшую динамику, то в каждые последующие пять лет совместного проживания процент разводимости уменьшается в 2-2,3 раза.

Именно на ранней стадии брака можно увидеть двойственную сущность адаптации, которая проявляется в нравственно-психологическом приспособлении супругов друг к другу и в свою очередь влияет на прокреационные установки молодых.

Психологическая сущность адаптации включает согласованность ролевых ожиданий и притязаний супругов в браке. Это является одним из первых критических моментов в период адаптации – выбор роли и принятие связанной с ней модели поведения супругами. Чтобы успешно пройти этот момент адаптации молодых супругов в семье, необходимо чтобы их функционально-ролевые ожидания и притязания совпадали с реальными представлениями «о себе» и «о другом» в совместной жизни. Важно понять, как реализуются первоначальные ожидания, какие факторы их определяют и на каких принципах строятся супружеские отношения в настоящее время.

Здесь мы можем проследить зависимость совпадения ожиданий в реальной жизни от идеальных и реальных представлений о супруге, т.к. источником проблем нередко служат неоправдавшиеся ожидания, которые могут быть отчасти осознанными и сформулированными, но не обсужденными с партнером, а отчасти и неосознанными.

Немаловажным фактором в протекании адаптационных процессов является ролевое распределение. Ведь роли могут попросту не совпадать, будучи сложными-смешанными. И наконец, молодые супруги могут не находить поддержки своего ролевого поведения со стороны партнера. Исследования С.В. Ковалева, Т.С. Яценко показывают, что среди супружеских пар мало кто осознает свое участие в ролевом распределении. Однако неспособность или нежелание исполнять свою роль в семье может стать причиной неурядиц в семейной жизни и даже иметь катастрофические последствия для брака.

Распределение ролей по типам: «патриархальный», «матриархальный», «солидарство» и «борьба за власть», может привести к возникновению проблем и непониманию. Несостыковка позиций и нежелание исправить ситуацию могут привести к распаду семьи.

Более того, с ожиданиями молодых и их представлениями весьма тесно смыкаются их потребности, которые они хотели бы удовлетворить в браке. Но если представления разко не совпадают, то точно так же во взаимном рассогласовании находятся и их потребности: молодые супруги стремятся удовлетворить вовсе не те потребности, которые являются актуальными для другого, и соответственно ждут от него удовлетворения тех потребностей, которые муж или жена удовлетворять не собираются. Причем достаточно часто это самое рассогласование переходит сначала в скрытый, а потом уже и открытый поведенческий конфликт, когда один из супругов с его ожиданиями и потребностями становится препятствием для удовлетворения желаний, намерений и интересов другого.

Проанализировав психологическую литературу по данной теме, мы провели экспериментальное исследование, которое подтвердило, что совпадение ожиданий в реальной жизни зависит от совпадения идеальных и реальных представлений о супруге и о себе. Процедура исследования мы оставили за рамками данной публикации.

Объектом нашего исследования являлась система ожиданий и притязаний молодых супругов. Предметом – супружеская пара, прожившая вместе не более двух лет.

Под молодой семьей, здесь, мы будем иметь в виду супружескую пару с детьми или без них, брак – первый, продолжительность семейной жизни – до двух лет (в разрезе города).

Выборка нашего исследования была представлена случайными респондентами и составила 25 семейных пар (50 чел.), с точки зрения социологии так называемая малая выборка.

При проведении исследования были использованы следующие методы:

1. «РОП» – ролевые ожидания и притязания в браке. (Методика разработана А.Н. Волковой и обычно входит в комплексную программу работы с супружеской парой. Она позволила нам проследить и выстроить систему ожиданий и притязаний супругов. Полученные результаты мы стандартизировали при помощи непараметрического критерия – хи-квадрат.)

2. Тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ). (Опросник разработан В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, предназначен для экспресс-диагностики удовлетворенности-неудовлетворенности браком, а также степени согласования-рассогласования удовлетворенности браком у той или иной социальной группы.)

3. Тест Лири (модификация Ю.А. Решетняк, Г.С. Васильченко). В данной модификации этот тест обычно используется с целью оптимального набора пар для знакомства и потенциального супружества. Мы использовали данную методику в совокупности с методикой «РАН» с целью выявления зависимости совпадений идеальных и реальных представлений супругов от ожиданий.

При помощи тест-опросника ОУБ мы получили следующие результаты (из 25 опрошенных семейных пар): благополучные браки – 9 (36%); переходные – 11 (44%); неблагоприятные – 5 семей (20%).

Сравнительный анализ данных по методикам «РОП» и тесту Лири показал, что расхождение в восприятии другого более выражено у тех супругов, у которых наблюдается расхождение в ролевой адекватности. Для уточнения результатов исследования использовался метод беседы по стандартному плану, с вопросами уточняющего характера (как долго были знакомы? и т.д.). Более наглядно это представлено в табл. 1, 2.

Таблица 1

Состояние ролевой адекватности супругов с семейным благополучием

Категории брака	Релевая адекватность с незначимым расхождением, %	Релевая адекватность со значимым расхождением, %
Благополучные	67	33
Переходные	73	27
Неблагополучные	60	40

Таблица 2

Идеальные и реальные представления о партнере (по тесту Лири)
в семьях со значимым расхождением ролевой адекватности

Разности между идеальными и реальными представлениями	Тенденции, %							
	Д.	Ув.	Тр.	Ск.	Уст.	Дов.	Добр.	Отз.
«Я» (и-р):								
мужья	13	-	13	25	13	-	25	-
жены	25	-	25	38	-	13	25	13
«Другой» (и-р):								
мужья	13	38	63	88	75	63	50	63
жены	50	75	75	50	13	38	63	75

Примечание: Д. – доминантность, Ув. – уверенность в себе, Тр. – требовательность, Ск. – сквиггизм, Уст. – уступчивость, Дсв. – доверчивость, Добр. – добросердечность, Отз. – отзывчивость.

Полученные результаты подтвердил следующий факт: на момент завершения исследования 2 супружеские пары уже получили официальный развод. Это те пары, которые имели высокий уровень ролевых ожиданий и притязаний. Это подтверждает мысль о том, что первые годы супружеской жизни требует помощи профессионального психолога.

Как отмечалось ранее, вступление в брак (и в идеале, и в действительности) подразумевает механизм психологических проекционных установок) подразумевает стремление при создании семьи иметь детей. Проблемы, возникающие в адаптационный период, не в последнюю очередь влияют на проекционные установки молодых супругов.

Демографические исследования по воспроизводству населения показывают, что планирование детей в семье начинается после рождения второго ребенка. Но даже если рождение детей планируется в ближайшее время после вступления в брак, то есть ряд причин, почему это происходит не сразу или не происходит вообще.

Причин тому множество. В частности, постоянные конфликты, связанные с принятием нового «образа другого», могут служить причиной страха у молодых перед вступлением в иное качество – родителей. Хотя с большой долей вероятности можно говорить и о том, что молодые супруги (чаще женщины) считают, что появление ребенка поможет им разрешить возникшие проблемы. И это оказывает влияние на принятие решения о появлении ребенка, что впоследствии никак не решает, а иногда и добавляет противоречий и психологических проблем в отношения молодых супругов.

В последнее время наблюдается увеличение среднего возраста вступающих в брак, но и с учетом этого больший процент заключения брака приходится на возраст от 20 до 24 лет. По статистике на 2004 г., в Казахстане браки по возрасту жениха от 20 до 24 лет составляют 34% от общего числа вступивших в брак, по возрасту невесты от 20 до 24 лет – 48% от общего числа. По возрасту жениха 25-29 лет – 33,7% от общего числа, по возрасту невесты 25-29 лет – 20% от общего числа (рассчитано по [1, с. 34]).

Но при этом средний возраст матерей при рождении также вырос: на 1999 г. средний возраст матерей при рождении составлял 26,4 лет, на 2004 г. – 27,5 лет [1, с. 42].

Вышеуказанные данные говорят о том, что даже если молодые вступают в брак в возрасте от 20 до 24 лет, они далеко не сразу принимают решение о рождении ребенка. Следовательно, и при условии, что молодые супруги справляются с проблемными ситуациями в период адаптации, они могут отдавать предпочтение карьерному росту, улучшению благосостояния семьи, а не появлению ребенка. И это может быть одной из причин увеличения среднего возраста молодых мам, которые рожают первого ребенка.

Если учитывать тенденцию увеличения среднего возраста вступающих в брак, с точки зрения психологии необходимо отметить, что чем выше возраст, тем, конечно, более осознанно супруги подходят к рождению ребенка. Но это не избавляет супругов, как впервые вступивших в брак, так и в случаях с повторными браками, от психологических трудностей и проблем адаптационного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агентство РК по статистике. Демографический ежегодник Казахстана, 2005: Стат. сб. / Под ред. К. Абдулова. – Алматы, 2005. – 448 с.
2. Бодялев А.А., Стогин В.В. Общия психодиагностика. – М.: МГУ, 1992. – 304 с.
3. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – Киев, 1989. – 306 с.
4. Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики семейных отношений // Вопросы психологии. – 1985. – № 5. – С. 110-116.
5. Гошман Л.Я., Шляпина Е.Г. Психологические проблемы семьи // Вопросы психологии. – 1985. – № 2. – С. 186-187.
6. Головой Л.А., Гриценко Н.А. Первичная психологическая консультация. – Л.: ЛГУ, 1988. – 285 с.

7. Голод С.И. Стабильность семьи. — Л.: Наука, 1984. — 186 с.
8. Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. — М.: ЦСП, 2003. — 362 с.
9. Ковалев С.В. Психология семейных отношений. — М.: Знание, 1987. — 347 с.
10. Левкович В.П., Зуськова О.Э. Методика диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. — 1987. — № 4. — С. 128-134.
11. Олейник Ю.Н. Исследование уровней совместимости в молодой семье // Психологический журнал. — 1986. — № 2. — С. 180.
12. Энциклопедия психологических тестов / Под ред. И.В. Книгина. — М.: АСТ, 1997. — 304 с.

Столярова Л.В.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ ВОСТОЧНОКАЗАХСТАНЦЕВ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ

Возрастание роли религии в республике происходит в непростой социально-политической обстановке. Религия тесно взаимодействует со всеми сферами жизнедеятельности общества, в том числе с политикой. В этом плане в РК создана оптимальная модель, признанная как образец для мирового развития.

Корни межконфессионального согласия в нашем регионе уходят глубоко в историю. Многие века казахи придерживались свободной религии — тенгрианства. Ислам получил распространение лишь в XV в., после нашествия Тамерлана. Благодаря широким торговым связям с Византией, христианство в казахской степи среди тюркских народов начало распространяться еще в VI в., т.е. раньше, чем в Киевской Руси. Особенно усилилось его проникновение в XVIII-XIX вв. К началу XX в. в Туркестане на 6 млн мусульман приходилось 391 тысяча православных, а на 5 340 мечетей — 306 церквей [1]. Таким образом, сегодняшнему религиозному и межконфессиональному состоянию предшествовала долгая эпоха совместного проживания.

Сегодня в Казахстане проживают представители 130 этносов и 45 конфессий. По ориентировочной оценке, 60% верующего населения исповедуют ислам суннитского толка, кроме казахов это еще 17 тюркоязычных групп: узбеки, татары, уйгуры, азербайджанцы, чеченцы и др. К ним примыкают мусульмане шиитского направления: таджики, курды, дунгане и др. На территории республики действуют более 600 мусульманских объединений. Вторая по численности — русская православная церковь (более 200 объединений). Созданы три епархии — Алматинская, Шымкентская и Уральская. Повсеместно строятся и реставрируются мечети, церкви, молельные дома и т.д., расширяется религиозное просветительство.

Аллепация к религиозным ценностям в поликонфессиональном обществе не может не коррелироваться с выработкой модели социального развития, общенациональной идеей.

Казахстанская модель межконфессионального согласия и общегражданского мира опирается на исторические традиции, на четкое определение конституционных принципов и последовательную их реализацию и на целый ряд мероприятий, проводимых под руководством Главы государства Н.А. Назарбаева:

- ежегодно с 1992 г. в Казахстане проводится международный конгресс духовного согласия, в котором представители мусульманского и православного духовенства принимают самое активное участие;
- визит в Казахстан в 1995 г. Патриарха Московского Алексия II;
- приезд в 2002 г. Римского Папы Иоанна Павла II;
- проведение первого в мире Форума лидеров мировых и традиционных религий в Астане в 2003 г.;
- последовательная работа по подготовке второго Форума, в том числе заседание секретариата съезда мировых и традиционных религий в июне 2005 г. и др.

«Учет» уровня религиозности и его влияния на общественно-политическую ситуацию — дело чрезвычайно деликатное. Наиболее адекватным каналом являются социологические исследования. Опираясь на результаты нескольких подобных исследований, попробуем проследить происходящие изменения.

По данным Института развития Казахстана (ИРК) в марте 2002 г. на вопрос «Верующий ли Вы человек?» из почти 3000 респондентов по Казахстану ответили «Да» 39,7%, «Терпимо отношусь к чувствам верующих и религиозным культам» — 55,9%, и лишь 4,4% — назвали себя атеистами.

Результаты мониторинга этнической и религиозной ситуации ВКО, проведенного Независимым общественным фондом «Открытое общество» в сентябре 2005 г., показали, что 55,0% (из 1100 опрошенных) считают себя верующими, еще 24,0% ответили «Скорее да», 19,0% суммарно — «Нет», «Скорее нет», и лишь 2,0% затруднились ответить. Значимые различия выявляются по двум позициям:

— По половой принадлежности. Женщины более склонны считать себя верующими — 64,4%, чем мужчины — 71,9%. Для сравнения, по данным ИРК считали себя верующими: женщины — 61,5%, мужчины — 38,5%.

— По возрастным категориям. Наибольшее количество положительных ответов получено от самой молодой части респондентов (18-29 лет) — 93,8% суммарно, а наименьшее — 72,2% от людей в возрасте 30-39 лет.

Интересны расхождения в ответах на данный вопрос представителей разных этносов. Так, среди казахского населения суммарное число положительных ответов составило 85,6%, среди русских — 69,5%, среди других — 64,6%. Для сравнения, по результатам мониторинга этнополитической ситуации в ВКО (Департамент внутренней политики ВКО, сентябрь 2002 г.)

идентифицируют себя как мусульман – 58,9% казахов, как христиан – 11,9% русских, среди представителей других этносов причисляют себя к определенной конфессии от 9,7 до 30,0%.

Такая высокая доля верующих и лояльно относящихся к религии (с учетом недавнего советского атеистического прошлого) свидетельствует, на наш взгляд, о двух моментах. С одной стороны, это показатель того, насколько нестабильны и податливы воззрения, связанные с идеологическими и религиозными мотивами. С другой – это говорит о том, что для людей зачастую важна не столько содержательная сторона религии, сколько психологический феномен верования и социальный феномен социальной причастности. Это подтверждают ответы на коррелирующие вопросы.

«Что для Вас значит быть верующим человеком?» (Независимый общественный фонд «Открытое общество») – подавляющее большинство респондентов (77,4%) выбрали два ответа – «Верить в бога в душе и жить обычной жизнью» и «Не делать ничего плохого». 14,1% – «Соблюдать основные религиозные заповеди». И лишь 3,9% – «Жить религиозной жизнью».

Таким образом, для подавляющего большинства респондентов понятие «вера» имеет прежде всего социально-нравственный, а не религиозно-догматический характер. Выявился очень интересный феномен: необходимость соблюдать основные религиозные заповеди, чтобы быть верующим, считают необходимым 29,2% молодежи и лишь 9,2% представители самого старшего поколения (свыше 60 лет).

Для сравнения приведем данные ИРК. На вопрос «Участвуете ли Вы в деятельности религиозных организаций и в какой форме?» получены следующие результаты:

- 10,9% ответили, что участвуют только в совместных молитвах и ритуалах;
- 1,5% – в сходах по вопросам жизни своей общины;
- 2,0% – в проведении общественных и политических акций в составе своей организации;
- 85,3% совсем не участвуют в деятельности религиозных организаций.

Представляют значительный интерес ответы на вопросы, связанные с влиянием ведущих конфессий на общественно-политическую жизнь страны. По данным ИРК степень воздействия ислама оценили как «Высокое» 18,1%, как «Значительное» 19,7%, как «Среднее» 18,7% и 13,0% как «Незначительное» и «Низкое». Вторым по степени влияния респонденты выделяют православие: 12,3% – «Высокое», 16,1% – «Значительное», 22,0% – «Среднее».

Как оценивают респонденты влияние религии на межэтнические отношения: 15,2% – «Помогает», 57,3% – «Не имеет значения», 1,9% – «Мешает». На вопрос «Как Вы относитесь к представителям других религиозных течений?» были получены следующие ответы, %:

- с дружелюбием – 45;
- нейтрально – 28;

- с терпимостью – 16,2;
- настороженно – 4,5;
- плохо 1,9;
- конфликтно – 0,5.

При анализе ответов на вопросы в исследовании Независимого общественного фонда «Открытое общество» выявлено значительное расхождение в осознании людьми понятий «верующий человек» и «религиозный человек». Так, на вопрос «Как Вы относитесь к людям, ведущим религиозный образ жизни?» (учитывая, что большинство определили себя как верующих) были получены следующие ответы: «Нейтрально» – 35,6%, «Скорее отрицательно» – 30,9%, 4,4% – «Скорее положительно» и 2,0% – «Положительно».

Скорее всего это связано с тем, что содержание мировой политики сегодня все больше наполняется мусульманским фактором. Некоторые политологи и политики отождествляют его напрямую с ростом экстремизма и терроризма. На самом деле, заповеди ислама не имеют ничего общего с этими явлениями. Религиозный фанатизм и терроризм связан с сообществом людей, исповедующих извращенное понимание религии вообще и ислама в частности. В Коране зафиксирована высокая степень конфессиональной толерантности. В 109 суре «Неверные» трактуется:

- 2 (2) Я не стану поклоняться тому, чему вы будете поклоняться;
- 3 (3) И вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться;
- 6 (6) У вас – ваша вера, и у меня – моя вера.

Слово «Джихад» переводится с арабского как «усердие, рвение», а не «война за веру».

Как же воспринимается угроза религиозного экстремизма в ВКО и Казахстане в целом? (Независимый общественный фонд «Открытое общество»).

Хотя более половины опрошенных (66,5%) не видит такой угрозы, все-таки почти четверть (23,9%) допускают подобный вариант развития событий. Причем такие ответы более характерны для городского населения.

В связи с событиями, происходящими сегодня в мире, очевидным становится мнение, связывающее угрозу с экстремизмом мусульманского толка. Возможность его в Казахстане отмечают 48,3% и в ВКО – 38,9%. Население ожидает от государства жестких запретительно-карательных мер. Из предложенных 11 вариантов ответа на вопрос «Какие меры должны предпринимать государственные органы власти по предотвращению религиозного экстремизма?» более половины респондентов выбрали два – «Жесткий контроль, ограничения» – 28,9% и «Ликвидация и запрещение» – 21,0%.

Конечно, нельзя недооценивать опасность религиозного экстремизма, прежде всего, извне. Органы государственной власти предпринимают усилия в борьбе с ним. Опираясь на Закон «О противодействии экстремизму», в Казахстане введен запрет в отношении 11 международных организаций, проявляющих повышенный интерес к нашей стране. Представители пяти из них работали непосредственно на территории РК.

Особую опасность представляют организации «Жамаат мажахидов» на юге страны и «Хизб-ут-Тахрир», действующие с 2002 г. и в Павлодарской, Актюбинской и Восточно-Казахстанской областях. Эти организации делают ставку прежде всего на молодежь, в том числе на студенчество. Они играют на незнании постулатов Корана, обещают (в нарушение Конституции РК) особые преимущества в получении образования, бизнесе, занятии государственных должностей и другие привилегии по этническому признаку.

Конечно, органы КНБ и другие правоохранительные структуры ведут последовательную работу. Однако нельзя ограничиваться только карательными мерами. Необходима целенаправленная система разъяснительно-воспитательной работы, особенно в молодежной среде. Кроме того, следует продолжать проведение систематического мониторинга религиозной ситуации в республике и исследование влияния религии на общественно-политическую обстановку и общественные умонастроения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дильдяев Г. Православие и ислам в Казахстане – вместе навсегда // Казахстанская правда. – 2004. – 30 ноября.

Столярова Э.О.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ ВКО: ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (по материалам социологического исследования)

В современных условиях, когда, с одной стороны, экономика Казахстана находится на подъеме и необходимо обеспечить постоянный приток новой квалифицированной рабочей силы, а с другой – не снижается опасность проявления националистических, религиозных, политических экстремистских настроений, стратегически важно вести мониторинг положения молодежи. Актуальными представляются исследования, направленные на выявление того, как сама молодежь ВКО (области традиционно политически активной) оценивает свое положение, какие видит перспективы самореализации и какие выбирает ценностные ориентиры. Независимый общественный фонд «Открытое общество» в октябре 2005 г. проводил социологический опрос на тему «Положение молодежи Восточно-Казахстанской области».

Методом сбора социологической информации был выбран поквартирный опрос на основе случайной репрезентативной выборки среди жителей Восточно-Казахстанской области. Репрезентативная выборка, от-

ражающая социально-экономический, демографический и национальный состав населения, составила 1100 респондентов.

Перспективы самореализации молодежи в РК в целом и в регионах в частности, раскрытие ее социального потенциала как источника дальнейшего развития страны зависит в первую очередь от того, насколько эта молодежь граждански идентифицирует себя с Казахстаном. Такая самоидентификация может выражаться в осознании себя патриотом.

Судя по данным, полученным в ходе исследования, такое осознание присуще подавляющему большинству опрошенных (82,9% суммарно). В то же время седьмая часть респондентов (13,6% суммарно) не считают себя патриотами Казахстана.

Несмотря на последовательно проводимую политику формирования общеказахстанской гражданственности, молодежь неказахских национальностей менее склонна считать себя патриотами РК. Количество отрицательных ответов составило:

- у русских – 22,3%;
- у представителей других национальностей – 21,4%.

Однако, и среди казахской молодежи патриотизм не является единодушным – количество отрицательных ответов – 6,9%, при этом 4,5% затруднились с ответом.

Характерно, что патриотические чувства у городской молодежи проявляются в меньшей степени, чем в сельских районах. Особенно показательны в этом смысле данные, полученные в Усть-Каменогорске. Здесь число отрицательных ответов более чем в два раза превышает средний показатель (28,3% суммарно).

Количество отрицательных ответов сельской молодежи колеблется в диапазоне от 0,0% (Бородулинский, Тарбагатайский р-ны) до 26,7-30,0% (Зыряновский, Курчумский р-ны), но в целом это число ниже среднего показателя.

Но какой смысл вкладывает молодежь ВКО в понятие «патриот»? Наиболее часто выбираемые варианты ответов, %:

- быть верным и преданным своей стране – 54,7;
- любить Родину – 23,7;
- соблюдать законы страны – 15,4.

Этническая принадлежность респондентов вносит определенные коррективы в рейтинг вариантов ответов, которые они выбирали:

Казахи	Русские	Другие
1. Любить Родину	1. Любить Родину	1. Любить Родину
2. Быть верным и преданным своей стране	2. Соблюдать законы страны	2. Соблюдать законы страны. Выполнять гражданский долг
3. Выполнять гражданский долг	3. Быть верным и преданным своей стране	3. Быть верным и преданным своей стране

Как видно, лидирующую позицию у всех этнических групп занимает наиболее общая формулировка «Любить Родину». Если помнить наибо-

более распространенное значение слова «патриот», то можно сказать, что большинство опрошенных на вопрос «Что значит для Вас быть патриотом?» отвечает — «Быть патриотом».

Хотя законопослушание и входит в тройку лидирующих позиций у молодежи русской и других национальностей, однако настораживает тот факт, что это не наблюдается у молодежи казахской национальности.

Насколько чувство патриотизма наших респондентов сочетается с интересом и осведомленностью об общественно-политической жизни страны. То есть, насколько процессы гражданской самоидентификации у молодежи ВКО опираются на знание ситуации в стране?

Достаточно большое количество респондентов склонны интересоваться общественно-политической жизнью страны: процент положительных ответов составил 61,0% суммарно. Однако число отрицательных ответов весьма значительно — 38,9%. Трудно назвать такие результаты удовлетворительными, а этот отрицательный показатель для Усть-Каменогорска составил более половины всех ответов (51,7%).

Молодежь в некоторых сельских районах интересуется общественно-политической жизнью страны в большей степени: число положительных ответов в Урджарском районе составило 93,3% (абсолютный максимум).

А в других случаях проявляет крайнюю незаинтересованность: в Глубокском районе 60,0% отрицательных ответов.

Интересно, что казахская молодежь проявляет больший интерес к общественно-политической жизни страны — сумма положительных ответов у них составила 67,9%, а у представителей других национальностей — 52,3% (исключая русских, у них этот показатель — 52,9%).

При достаточно высоком интересе к общественно-политическим процессам в стране, лишь незначительная часть респондентов принимает в ней участие. И в этом вопросе выявляются значительные расхождения с точки зрения этнической принадлежности респондентов: наибольшую активность проявляют казахи (32,1%), далее идут русские (22,4%), менее других принимают участие в общественно-политической жизни страны представители других национальностей — 19,1%. Таким образом, общественно-политическая активность молодежи колеблется от одной трети опрошенных (казахи) до менее чем одна пятая («другие»).

Нижне показано, что есть одна проблема — безработица, которая прежде всего волнует молодежь независимо от этнической принадлежности, однако степень беспокойства все же различна:

Казахи, %	Русские, %	Другие, %
1. Безработица — 24,8	1. Безработица — 18,9%	1. Безработица — 19,8
2. Недоступность образования — 14,9	2. Наркомания — 16,1	2. Наркомания — 13,2
3. Наркомания — 11,4	3. Отсутствие молодежных центров, спортивных клубов, мест отдыха — 14,8	3. Отсутствие молодежных центров, спортивных клубов, мест отдыха — 12,1

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что проблема недоступности образования не входит в число наиболее значимых у молодежи русской национальности.

Интересно, что проблема национальных конфликтов волнует молодежь в наименьшей степени — 0,3% обобщенно. Однако этот показатель возрастает у представителей «других» национальностей и составляет 2,2%.

А как оценивает молодежь ВКО собственные перспективы в области, где они проживают сегодня? Подавляющая часть опрошенных оценивает свои перспективы как очень хорошие, хорошие и средние — 88,0% суммарно. При этом в аспекте этнической принадлежности респондентов картину можно конкретизировать. Это позволяет выявить определенные, порой значительные, расхождения в том, как молодые люди разных национальностей видят свое будущее в ВКО.

Как видно из рисунка, молодежь казахской национальности представляет свои перспективы в целом оптимистично — 80,6% суммарно. Негативные оценки встречаются в 11,3% случаев.

Степень оптимизма среди русских снижается: число позитивных оценок составляет 57,9% суммарно, а число негативных возрастает до 28,4%.

Молодые представители других национальностей менее оптимистично смотрят в будущее, чем казахи, но более оптимистичны, чем русские: суммарное число позитивных оценок составило 71,5%, а негативных — 19,1%.

Видимо, с этими ожиданиями связаны и планы на будущее. Если среди казахов только 1,6% планируют уехать из Казахстана, то среди русских это число возрастает до 20,5%, а среди других — до 26,2%. Но в целом подавляющее большинство связывает свое будущее с Казахстаном.

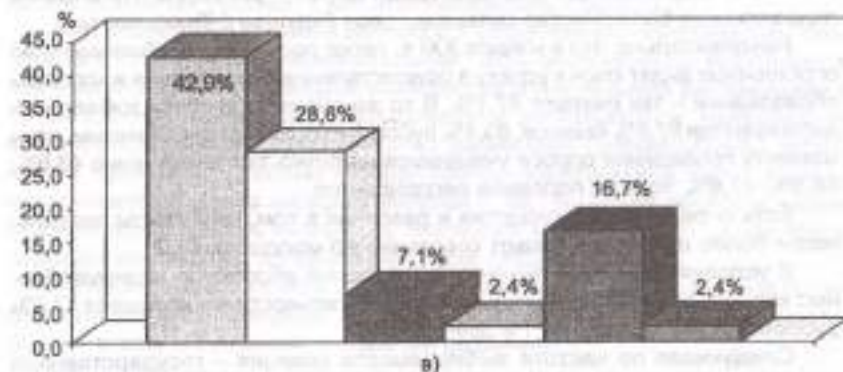
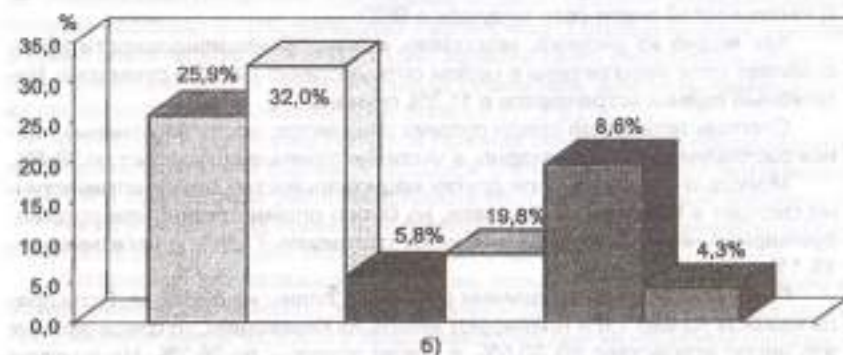
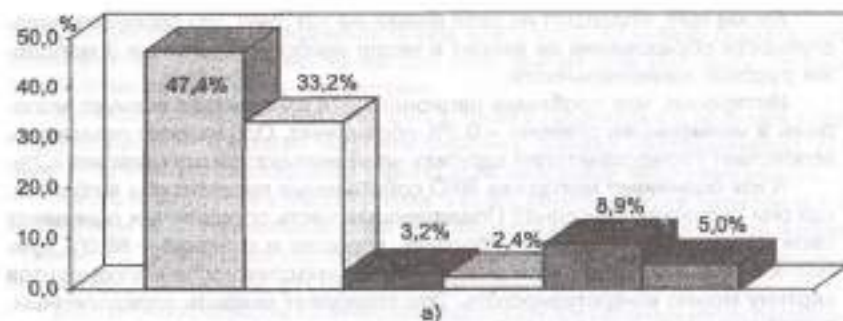
Неудивительно, что в начале XXI в. также подавляющее большинство опрошенных видит ключ к успеху в осуществлении своих планов в хорошем образовании — так считают 87,7%. В то же время этой точки зрения придерживаются 87,6% казахов, 83,4% русских и 81,0% других. Заметим, что к моменту проведения опроса учащимися являлись соответственно 48,6%; 46,8%; 47,6%, то есть половина респондентов.

Есть определенные сходства и различия в том, какие виды деятельности более всего привлекают современную молодежь ВКО.

В условиях развития рыночных отношений абсолютно лидирует бизнес: как наиболее привлекательный вид деятельности его называют 47,8% русских, 42,9% казахов, 38,1% других.

Следующая по частоте выбираемости позиция — государственная служба. Но в этом вопросе заметны еще более значительные расхождения: 29,2% казахов, 26,2% других и лишь 16,9% русских.

Замыкает тройку лидеров — культура: 14,4% — русские, 14,3% — другие и 13,7% — казахи. Интересно, что именно в этой позиции проявляется наибольшее единодушие. Подобное сходство во мнениях мы можем наблюдать еще один раз — когда вопрос касается политической деятельно-

☐ очень хорошие ☐ хорошие ☐ средние
☐ скорее плохие ☐ плохие ☐ затруднились ответить

Рис. 1. Оценка молодежью собственных перспектив в ВКО:
а) казахи; б) русские; в) другие

сти. Эта позиция является последней из выбираемых респондентами: 2,6% – казахи, 2,4% – другие и 1,4% – русские. Вряд ли респонденты считают этот род деятельности не престижным. Скорее, он представляется им малодоступной сферой.

Пока эти планы являются делом будущего, а вот как молодежь проводит время сегодня? В ходе опроса выяснилось, что независимо от этнической принадлежности большинство молодежи проводит свободное время дома: казахи – 40,1%, русские – 34,5%, другие – 39,0%, или с друзьями: казахи – 36,6%, русские – 36,0%, другие – 37,7%.

Рейтинг основных жизненных приоритетов опрошенной части молодежи ВКО независимо от их этнической принадлежности выглядит следующим образом, %:

- а) семья – 63,7;
- б) секс – 52,7;
- в) беззаботное времяпрепровождение – 46,4;
- г) карьера – 44,4;
- д) служение Родине – 36,0.

Половина опрошенных (48,4%) склонны считать, что у них нет кумиров, следующая по частоте встречаемости позиция – музыканты, актеры, певцы (18,0%). Падение интереса к литературе среди молодежи подтверждается тем, что реже всего в качестве кумиров называют писателей – 0,7%.

Среди политиков лидирует действующий Президент РК Н.А. Назарбаев, среди спортсменов – футболист Рональдо, среди деятелей шоу-бизнеса – Роза Рымбева, среди писателей – Чингиз Айтматов.

Выводы:

1. Подавляющее большинство опрошенных молодых людей в ВКО считают себя патриотами Казахстана.
2. В то же время более трети опрошенных не интересуются общественно-политической жизнью страны.
3. Наиболее беспокоящими респондентов проблемами являются безработица и недоступность образования.
4. Большая часть опрошенных хотели бы остаться в своем городе или районе ВКО и реализовать себя в бизнесе или на государственной службе, отдавая себе отчет в том, что без хорошего образования это вряд ли станет возможным.
5. Основными приоритетами молодежи ВКО являются семья и профессиональная карьера.

Тарасова Е.В.*, Нагайцева Е.А.*, Охотников А.Ю.**

*Алтайский госуниверситет, г. Барнаул

** Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КАЗАХСТАНА В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА¹

Учебная миграция в Россию из стран СНГ практически не становилась предметом самостоятельного исследования. Единственный аспект миграции молодежи, который на сегодняшний день довольно хорошо изучен применительно к постсоветскому периоду – это миграция студенческой молодежи ряда новых независимых государств в страны «старого» (дальнего) зарубежья. Миграция выпускников высших учебных заведений рассматривается, как правило, либо в рамках трудовой миграции в целом, либо оценивается отдельный сегмент миграции (эмиграционные намерения). Каков потенциал учебной миграции из Казахстана в Россию, как происходит адаптация учебных мигрантов-казахстанцев, каковы их дальнейшие планы по окончании обучения или в случае его прерывания, возвращаются ли они в регионы, откуда приехали, мигрируют ли в другие регионы России – эти вопросы практически никогда не исследовались.

Учебная миграция – явление для Сибири не новое, но на сегодняшний день слабо изученное в масштабах региона. Классические университеты сформировались в областных центрах Западной Сибири к середине 1970-х гг. в продолжение аграрного и индустриального освоения региона. Тесные производственные связи в рамках советской экономики, сходство процессов освоения грандиозных целинных пространств обусловили актуальность казахстанской экономической и социальной проблематики для исследований в академических центрах Западной Сибири. Сопредельные (по отношению к РСФСР) области Казахской ССР были местом проведения учебной практики для барнаульских и новосибирских студентов. Стройки и уже функционирующие промышленные объекты Восточного Казахстана, инфраструктура Усть-Каменогорска и области с 1960-х гг. стали одним из адресатов системы послевузовского распределения. Географическая близость и относительное удобство транспортного сообщения уже в 1970-е гг. обусловили преимущество западносибирского вектора учебной миграции казахстанцев.

В 1990-е гг. учебная миграция под влиянием общей тенденции сокращения дальности миграций развивалась в основном между соседними областями Казахстана и России. В постсоветский период учебная миграция из Казахстана влиялась преимущественно в западносибирский вектор миграции. В противовес дезинтеграционным процессам в бывших со-

ветских республиках, над географическими параметрами начинает доминировать «исторический тренд» – молодые казахстанцы поступают в вузы Западной Сибири, потому что их заканчивали родители (как вариант: потому что это ближайшие вузы того уровня, который освоили родители).

Следует отметить, что учебная миграция – один из немногих сохранившихся с советских времен каналов проникновения молодежи в региональные элиты. Это привычный способ обеспечения будущего для представителей старшего поколения – основных спонсоров процесса учебной миграции из Казахстана в вузы Западной Сибири.

Одной из важнейших задач данного исследования является оценка масштабов и потенциала учебной миграции. Ее решение осложняется нехваткой данных для определения размера генеральной совокупности, поскольку электронные базы данных приемных комиссий вузов только начинают формироваться, а в деканатах имеется лишь информация о студентах-иностранцах (т.е. тех из них, которые имеют гражданство любой страны, кроме России). В то же время многие учебные мигранты, получившие среднее образование в Казахстане, уже имеют российское гражданство.

Данные статистического учета не позволяют выявить долю мигрантов «молодых» возрастных групп, направляющихся в города Западной Сибири из отдельных регионов Казахстана. Эти данные не входят в план статистической разработки Госкомстата России. Кроме того, заданный перечень причин (целей) выезда в талонах статистического учета не дает возможности выделить «чистый» поток учебных мигрантов. Экспертные оценки масштабов и потенциала учебной миграции из сопредельных регионов Казахстана в вузы Западной Сибири существенно разнятся.

В рамках пилотной стадии проекта «Высшее образование в социальном развитии Центральной Азии» в г. Усть-Каменогорске был проведен анкетный опрос «Миграционные установки выпускников школ Казахстана». Опрос проводился в пяти школах г. Усть-Каменогорска. Отобранные школы отличаются друг от друга направленностью и уровнем подготовки: средние общеобразовательные школы, в том числе с профильными 9-11 классами, лицей и гимназия. Эти факторы во многом определяют этносоциальный состав учеников, для которого характерна относительная этническая однородность классов в лицеях и гимназиях. Среди опрошенных старшеклассников 78% составили русские, 12% – казахи. Доля респондентов женского пола составила 70%, мужского – 30%.

Большинство опрошенных имеют полные семьи, но в то же время достаточно велик удельный вес неполных семей (28%). При этом тип семьи никак не влияет на планы выпускника: в неполных семьях такой же удельный вес намеренных поступать в вуз, как и в полных (81,7%), кроме того, в них вдвое меньше претендующих на поступление в техникум или колледж – учебные заведения уровнем ниже (7,7 и 14,1% соответственно).

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Высшее образование в социальном развитии Центральной Азии» при поддержке Фонда Форда, грант № 1040-1432.

Одной из гипотез данного исследования был «исторический», семейно-преемственный характер учебной миграции. Однако значительная часть опрошенных затруднились ответить, где именно получали образование их родители. Родители, обучавшиеся в Усть-Каменогорске и других городах Казахстана, преимущественно ориентируют своих детей на получение высшего образования в вузах Усть-Каменогорска. Те из одиннадцати классников, чьи родители обучались в вузах России, в большей степени ориентированы на российское образовательное пространство, лучше информированы о вузах Российской Федерации и имеют более четкие профессиональные намерения.

Проживают в Усть-Каменогорске с рождения 89% опрошенных. Только 10 человек прибыли из других населенных пунктов и регионов (села Восточного Казахстана, Шымкент, Ташкент, Молдова). Миграционный опыт старшеклассников небогат: большинство побывало только в населенных пунктах ВКО, других регионах Казахстана. Те, кто выезжал за пределы Казахстана, бывали в основном в городах Западной Сибири и в Москве. Очень немногие выезжали в дальнее зарубежье – Германию, Англию, Мальту, Китай, Турцию.

Намерения исследуемых 100 респондентов после окончания школы в основном связаны с продолжением обучения, при этом большинство жаждут поступать в вузы.

Распределение ответов на вопрос «Что вы собираетесь делать после окончания школы?», %:

- учиться в вузе – 81;
- учиться в колледже, техникуме – 12;
- работать – 2;
- еще не знаю – 2;
- идти в армию – 1;
- торговать – 1;
- выйти замуж – 1.

Высшее образование для современных старшеклассников является одной из ценностей, большинство опрошенных считают его одним из показателей (факторов) успеха, состоятельности. Очень важным для достижения успеха его считают 69%, важным – 24%, не очень важным – 6%.

Практически все из старшеклассников, намеренных поступать в вуз, посещают подготовительные курсы. Число тех, кто занимается с репетитором, намного меньше. Из бесед с учителями истории и обществоведения выяснилось, что многие из них подрабатывают тем, что занимаются репетиторством по российским программам, готовя своих учеников к поступлению в вуз. Возможно, эта ниша могла бы быть заполнена представителями российских вузов, которые обеспечили бы более качественную подготовку абитуриентов и более массовый приток казахстанских студентов.

Распределение ответов на вопрос «Что Вы делали для поступления в вуз?», %:

- подготовительные курсы – 81;
- занятия с репетитором – 5;
- самостоятельная подготовка – 2;
- коплю деньги – 1;
- нет данных – 11.

Возможность получить высшее образование в Усть-Каменогорске 4% оценили как очень низкую, 8% – низкую, 18% – среднюю, 35 и 31% опрошенных оценивают ее, соответственно, как достаточную и высокую. При этом в числе факторов выбора вуза на первое место выходит качество подготовки (74%), затем следуют престиж вуза, стоимость обучения, наличие интересующей специальности и только затем местонахождение (близость к Усть-Каменогорску). Также был указан такой фактор, как форма собственности (государственный или частный вуз).

Респондентам известны многие вузы Казахстана. Наиболее часто называли ВКГУ, ВКГТУ и другие вузы (филиалы вузов), находящиеся в Усть-Каменогорске. При этом филиалы российских вузов (СГУ, МЭСИ) воспринимаются школьниками как казахстанские по признаку местонахождения.

Среди вузов России наиболее известными оказались МГУ, НГУ, НГТУ, ТГУ, СибГУТИ. Доминируют в списке вузы Новосибирска и Томска. Весьма любопытным является тот факт, что ни один из опрошенных не упомянул вузы Барнаула, хотя это ближайший к Усть-Каменогорску российский город, имеющий университеты различного профиля.

Оценивая положительные и отрицательные черты казахстанских и российских вузов, респонденты оперировали в основном двумя категориями: «качественное (некачественное) образование» и «низкая (высокая) оплата за обучение». К «плюсам» казахстанских вузов относятся – по мере убывания значимости – качественная подготовка; то, что они близко от дома («не надо куда-то ехать»); невысокая оплата за обучение; доступность; большой выбор специальностей; престижность; наличие образовательных грантов и кредитов; помощь абитуриентам. Последнее обстоятельство, очевидно, можно истолковать как возможность обратиться в приемную комиссию и посещать подготовительные курсы при вузе.

При этом казахстанская высшая школа, по мнению опрошенных, имеет такие недостатки, как высокая оплата за обучение; некачественная подготовка; диплом не везде котируется и не гарантирует трудоустройства по специальности; коррупция; недостаточно специальностей и образовательных грантов; трудно поступить в вуз. Трое из опрошенных в качестве недостатка указали необходимость изучать казахский язык для того, чтобы поступить в вуз.

Вузы Российской Федерации в большей степени, чем казахстанские, ассоциируются у будущих абитуриентов с качественным образованием.

Таблица 1

Положительные черты вузов Российской Федерации, %

Положительные моменты	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3
Качественное образование	22	2	1
Большой выбор специальностей	2	1	-
Престижность	5	4	1
Невысокая оплата	-	3	-
Диплом котируется везде	-	5	-
Гарантия трудоустройства	-	2	1
Предоставляется общежитие	-	-	1
Опытные преподаватели	-	-	1
Бюджетное финансирование	-	-	1
Хорошие библиотеки	-	-	1
Нет казахов	-	-	1
Всего:	29	17	8
Нет данных	71	83	91

В целом этот вопрос вызвал большие затруднения. 71% опрошенных вообще не смогли назвать ни одной характеристики, присущей вузам России. Это свидетельствует о нехватке информации и в то же время о низкой активности абитуриентов и их родителей в поиске необходимой информации.

Таблица 2

Отрицательные черты вузов Российской Федерации, %

Отрицательные моменты	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3
Высокая оплата	13	6	1
Далеко от дома	11	5	-
Программа отличается от казахстанской	1	-	1
Коррупция	1	-	-
Недостаточно квалифицированные кадры	1	-	-
Нет грантов для казахстанцев	-	1	-
Отсутствие лицензии	-	1	-
Жилищная проблема	-	-	2
Всего:	27	13	2
Нет данных	73	87	98

Отмеченные респондентами недостатки российских вузов, такие, как недостаточно квалифицированные кадры и отсутствие лицензии (табл. 2), скорее всего относятся к филиалам российских вузов в Казахстане.

Идеальный адрес миграции – это в основном Россия, эту страну и ее регионы выбрали 41% опрошенных (были указаны Новосибирск, Москва, Казань, Санкт-Петербург, Томск, но чаще называли Россию без указания города). 24% хотели бы жить и учиться в Казахстане, если бы все зависело только от них. Были названы также Германия, США, Англия, Франция, Канада, Испания, Италия, Новая Зеландия, Чехия, Польша. Девять из опрошенных затруднились ответить. При этом 16% из опрошенных оце-

нивают для себя возможность жить и учиться в России как реальную, 64% намерены остаться в Казахстане.

При наличии возможностей готовы уехать из Усть-Каменогорска навсегда 31% респондентов, 22% готовы его покинуть на длительный срок, 14% – на срок от одного до пяти лет, 15% – временно. Вернуться в Усть-Каменогорск (или не уезжать из него вообще) они готовы, если улучшится экология, если здесь останутся родители и друзья, будет возможность найти высокооплачиваемую работу. Многие рассматривают Усть-Каменогорск как «запасной вариант» и готовы вернуться, если не удастся поступить в вуз и устроиться на работу в другом городе.

В табл. 3 дано распределение респондентов по причинам невозможности миграции.

Таблица 3

Препятствия для отъезда, %

Причины	Ранг 1	Ранг 2
Недостаточно денег	33	6
Негде жить	12	9
Не хочу покидать родителей	14	10
Родители не отпускают	10	5
Недостаточно информации	4	4
Привычка к Усть-Каменогорску	1	2
Не хочу жить одна в чужом городе	2	-
Не хочу расставаться с друзьями	-	1
Боязнь близких людей	-	1
Всего:	76	38
Нет ответа	24	62

Таким образом, миграционную активность молодежи г. Усть-Каменогорска сдерживает прежде всего нехватка средств, неспособность решить жилищную проблему. Однако многие из опрошенных вообще не готовы расстаться с родителями, друзьями и городом, где выросли, поэтому рассматривают возможность миграции как гипотетическую. Они не могут выразить, что именно привлекает их в городах и странах, куда они стремятся. Это говорит, прежде всего, о недостаточной информированности о месте предполагаемого вселения или временного проживания.

При этом практически всем респондентам свойственно завышать степень миграционной готовности окружающих: более половины считают, что уехать из Усть-Каменогорска хотят многие, 33% – что уехать готовы все. Так, 61% опрошенных отмечали, что многие из их знакомых уже уехали из Усть-Каменогорска. Отношение к мигрантам в основном дружелюбное – 71%, а 24% относятся к прибывшим из других регионов равнодушно.

В целом обследование показало, что наиболее развита мотивация к учебной миграции у учеников специализированных школ – лицеев и гимназий. Очевидно, что этнокультурные мотивы для современных выпускников не так важны либо не до конца осознаются. На первое место выхо-

дят универсальные социальные ценности, такие, как получение качественного образования, высокооплачиваемая работа, качество жизни. Именно эти ожидания они связывают с городами Западной Сибири.

Вероятность массовой учебной миграции из Усть-Каменогорска в ближайшее время весьма невелика. Этот вывод основывается на том, что значительная часть выпускников мало знакома с предполагаемым местом жительства и учебы, многие там никогда не бывали и слабо представляют, что их там может ожидать. Немало молодых людей собираются мигрировать в «неизвестность», за пределы Казахстана (чаще всего в Россию). Скорее всего, это свойственное юности абстрактное желание. Известно, что проективная миграция реализуется не более чем на 10-15%. Таким образом, можно говорить о том, что миграционный потенциал выпускников школ Усть-Каменогорска будет относительно слабо реализован.

Современная учебная миграция между Республикой Казахстан и Российской Федерацией развивается под воздействием экономико-демографических процессов в обоих государствах, реформирования системы образования, усложнения процесса нострификации дипломов. В то же время данный вид миграции все чаще рассматривается как совокупность частных миграционных стратегий молодых людей, как воплощение права на реализацию миграционных установок, совмещающее в себе пространственную («горизонтальную») и социальную («вертикальную») мобильность. В связи с этим возрастает значимость мониторинга процессов учебной миграции для изучения их причинно-факторных механизмов.

Реализация администрацией вузов и регионов политики привлечения и интеграции учебных мигрантов имеет стратегическую перспективу, т.к. учебная миграция является одним из самых выгодных для России путей улучшения качественного состава демографических и трудовых ресурсов. Поэтому регионы Западной Сибири заинтересованы в развитии широкой системы информационных, консультационных, правовых и прочих сервисов (на государственной и частной основе) для развития такой миграции. Нужно получать максимально полные данные о структуре и динамике миграционных потоков, совершенствуя систему учета учебных мигрантов в вузах и органах статистики, объединяя усилия научной общественности и органов управления для осуществления мониторинга учебной миграции.

Даже в современных условиях, когда учебная миграция казахстанцев носит стихийный, фактически нерегулируемый характер, этот процесс оптимизирует рынок образовательных услуг, создает полноценную конкуренцию на рынке труда, способствует решению социокультурных проблем казахстанской молодежи и улучшению демографической ситуации в регионах Западной Сибири.

Тележенко Н.В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (на примере Алтайского края)

Встреча человека с иной, отличающейся от его собственной культурой становится неизбежной практически для каждого человека на Земле. Далеко не во всех культурах заложены аспекты, позволяющие ему в будущем строить межкультурные контакты и развивать мультикультурную идентичность, соответствующую условиям поликультурного социума.

Первая проблема, с которой сталкивается приезжий в другой стране, — проблема адаптации к совершенно иным условиям жизни. Часто приезжий просто не знает языка, культуры, законы страны, в которую он приехал. Это порождает первые трудности. Важной проблемой является также удовлетворение потребностей в информации, необходимой для нормальной жизнедеятельности. В первую очередь это касается тех, кто не владеет в достаточной степени языком страны пребывания.

С течением времени, по мере того как приезжий все лучше знакомится со страной, овладевает в достаточной степени ее языком, расширяется его круг общения. И здесь нередко обнаруживается коренное социально-психологическое различие между людьми, воспитанными в разных социальных кругах. В связи с этим остро встает проблема межкультурной адаптации. Чаще всего приезжие предпочитают находиться в новом обществе, оставаясь в своей среде, живут, общаются, встречаются, дружат лишь со своими соотечественниками и говорят на своем языке, т.е. остаются как бы в своем «гетто».

Этническая идентичность понимается как часть социальной идентичности. Она рассматривается как представление человека о себе как о члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству. Человек в новой культуре, потерявший связь с родной страной, регрессирует иногда до состояния беспомощного ребенка, который нуждается в защите. В качестве такой защиты может выступать уже адаптировавшийся соотечественник или друг из принимающей культуры. «Терапевтической» может оказаться общность — межкультурная или встреча людей разных культур. Понимание взглядов на мир, культурных и иных ценностей, поиск культурно соответствующих решений. Позитивным может быть то, что человек принимающего общества адекватно воспринимает образ жизни и особенности менталитета приезжего, видя его слабые и сильные стороны, понимает социальную и психологическую реальность, в которой существует пришедший к нему человек, осознает, связана та или иная проблема с его культурной принадлежностью. Позитивное отношение к «пришельцу» зависит от межкультурной толерантности, что требует культур-

ной опытности, включенности в собственную культуру и аутентичной направленности на культуру иную. Мультикультурная идентичность становится значительной силой личности: расширение культурного потенциала ведет к повышению гибкости, адаптационных возможностей и перспектив развития личности.

Человек, приехавший в другую страну, сталкивается с серьезными проблемами адаптации к новой для него среде, культуре. Первоочередной задачей для него является развитие культурной идентичности, в первую очередь, этнической. Как правило, человека, живущего в стране со стабильно благополучными межкультурными отношениями, мало заботит его этничность. При переезде на жительство в другую страну, когда контакты с людьми незнакомой этнической принадлежности становятся неизбежными, а включение в чужую культуру – жизненной необходимостью, у человека происходят определенные изменения в структуре идентичности, к которым он чаще всего не готов. Этнос выполняет функции ориентации в мире, определяет общие жизненные ценности и ответствен за сохранение позитивного самоощущения человека, являясь важной поддержкой. Разрыв с этносом часто бывает катастрофичен для человека. Приезжие часто ощущают себя чужаками.

г. Барнаул в силу своего географического положения в последние годы становится все более интернациональным и мультикультурным, регионам этнических пересечений. Возрастают и расширяются экономические, культурные, образовательные и другие контакты с Китаем, Монголией, Казахстаном и другими странами. Особенно широко и интенсивно развивается студенческий обмен. Так, в АлтГТУ несколько лет назад открыт и успешно работает факультет иностранных студентов, на базе которого обучаются сотни студентов из различных стран. Иностранные студенты обучаются в педагогическом, медицинском университете г. Барнаула. Ежегодно их количество в нашем городе возрастает. Как же чувствуют себя приезжие в ином культурном и социальном окружении? Как относятся к ним принимающее общество, и в особенности ровесники, молодежь, с которыми они чаще вступают в повседневные контакты.

Нами была предпринята попытка социологического опроса в студенческой среде города с целью получения ответов на следующие вопросы: каковы установки российской молодежи в отношении приезжих, как между российскими и иностранными студентами складываются отношения, каковы основные принципы их взаимодействия, какие проблемы межкультурного взаимодействия наиболее актуальны?

Цель исследования: изучить особенности межкультурных коммуникаций в молодежной среде и факторы, влияющие на этническую толерантность-интолерантность в межкультурных взаимодействиях. Объектом исследования выступили представители молодежи различных восточных стран (Китай, Монголия, Казахстан, Вьетнам), а также российские студенты. Респондентам предлагалось заполнить ряд анкет, которые содержа-

ли разработки в соответствии с целями исследования. Опрос проводился в г. Барнауле на базе трех вузов, в которых обучаются иностранные студенты. Средний возраст респондентов – 20-23 года.

Исследовались следующие пункты:

Этнические стереотипы изучались с помощью методики «Достоинства и недостатки моего (чужого) этноса». Шкала в исследовании представлена таким образом: готовы ли вы принять людей перечисленных национальностей в качестве: друга, супруга, соседа, гостя, жителя своего города, своего начальника, депутата государственной думы.

Результат мы получили следующий. Шкала социально-психологической дистанции у русских больше, чем у монголов и казахов. У китайских студентов шкала дистанции выше, чем у русских. Это свидетельствует о большей значимости для русских и китайцев роли национальности для претендентов на функциональные роли (друга, супруга, соседа, жителя своего города). Это свидетельствует о большем отдалении русских по отношению к китайцам и наоборот. Удаленность дистанции у русских, монголов и казахов по отношению друг к другу не столь ярко выражена.

Валентность этнической идентичности. Показателями служили чувства, связанные с этничностью, и степень позитивности и негативности автостереотипов. Респондентам нужно было с помощью шкалы от 1 до 5 указать, какое из чувств вызывает у них принадлежность к своей нации: а) гордость (5 баллов), б) спокойную уверенность (4 балла), в) никаких чувств, г) обиду, д) ущемленность, униженность (1 балл).

Дополнительно задавался вопрос «Что вы чувствуете, называя себя китайцем, казахом, русским?..». Мы выяснили, что молодые китайцы по поводу своей национальной принадлежности переживают только положительные эмоции: почти 100% респондентов ответили, что испытывают чувство гордости, чувство родства со своим народом, монголы и вьетнамцы – около 70% – чувство спокойной уверенности. Показательно то, что русские испытывают более противоречивые этнические чувства: наряду с чувством гордости, чувством родства с народом некоторые (6%) однозначно высказали желание родиться в другой стране. Это – показатель конфликтной идентичности и нарушений этнической самоидентификации у русских студентов.

Результаты исследования выявили у студентов-китайцев позитивную групповую идентификацию, позволяющую им сохранить свою культурную идентичность. Китайцы явно превосходят русских по уровню внутриаэтнической солидарности. У русских студентов наблюдаются признаки нарушения этнической самоидентификации, проявление негативных этнических чувств, стремление сменить национальность и место проживания.

Выявлены различия в характерах российских и иностранных студентов, а также невысокая степень взаимопонимания между ними. Выяснено, что русские студенты имеют низкий этнический статус.

Степень близости и понятности представителей других этнических групп для респондента оценивалась с помощью утверждения: «Я чувствую,

что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу». На данное утверждение получены почти 100% отрицательные ответы от русских и иностранных респондентов.

Для оценки степени идентификации с представителями иной этнической группы респондентам предлагалось отметить, насколько он ощущает себя представителем соседней с ним этнической группы. (Например, монголам предлагалось следующее утверждение: «Я ощущаю себя казахом» и т.д.) В результате выявлено, что степень идентификации у китайцев и русских высокая. Монголы, прибывшие на учебу из Баян-Ульгийского округа, ответили, что чувствуют себя больше казахами, чем монголами.

Этническая толерантность-интолерантность оценивалась комплексно. Дополнительно использовалось утверждение: «Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов». У русских респондентов мнения разделились 50 на 50; 30% китайских студентов высказались утвердительно; около 20% монгольских студентов также ответили утвердительно на данное утверждение. Об уровне межэтнической толерантности можно судить по следующим показателям. На нежелательное проживание китайцев в регионе указали 70,7% русских респондентов, в качестве возможного супруга (супруги) указало лишь 10% опрошенных. В качестве гостей россияне готовы принять около 50% казахов, монголов. Около 40% монголов не возражали бы против русско-монгольских браков.

При оценке этнической идентичности выявлено, что позитивность присуща близким народам: казахи к монголам, русские по отношению к казахам. Большинство опрошенных русских считают, например, казахов гостеприимными, дружными, уважающими старших. Казахи считают русских добродушными, гостеприимными, но в то же время бесшабашными, простодушными. Китайские студенты в качестве положительных качеств русских называют доброту, щедрость души, простоту, общительность, в качестве отрицательных — пристрастие к алкоголю, неуважение к старшему поколению, безалаберность, грубость, лень.

Уровень воспринимаемой дискриминации измерялся с помощью утверждения: «Меня крайне раздражает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа» и вопроса: «Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с такими формами поведения в отношении людей Вашей национальности?»: а) никогда не сталкивался с негативным отношением к себе на национальной почве, б) внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность, в) были затруднения на бытовом уровне, д) испытывал ограничения в получении работы. Степень согласия оценивалась по 5-балльной шкале: от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен. Результаты позволили обнаружить специфику отношения друг к другу у представителей различных национальностей. Монгольские студенты отмечают негативное отношение к себе со стороны русских, вплоть до неприязни. Китайские и вьетнамские студенты отметили, что почти не вступают в контакт с русскими студентами, 50% опрошенных положительно ответили на пункты б) и в).

Среди основных проблем, связанных с пребыванием в России, иностранные респонденты называли следующие:

- трудности и проблемы в общении с местным населением;
- недостаточное знание русского языка;
- косвенная дискриминация со стороны коренного населения;
- разлука со знакомой средой, с родственниками и друзьями;
- социально-бытовые проблемы.

В целом можно сказать, что практически по всем параметрам потенциал межэтнической напряженности в студенческой молодежной среде г. Барнаула невелик. Отмечается некоторая негативная этническая идентичность: небольшое увеличение социальной дистанции русских по отношению к китайцам, к представителям некоторых кавказских народов (чеченцам, азербайджанцам, армянам). Представители монгольских студентов с сожалением отметили тенденцию к увеличению социальной дистанции с русскими студентами, в таком присутствии у них установок на разделение по этническому признаку. Тем не менее можно сделать предварительный вывод о том, что вероятность обострения межнациональных отношений на сегодняшний день в Алтайском крае минимальна. Данные исследования являются предварительными. Работа по изучению особенностей межкультурных коммуникаций в молодежной среде будет продолжена.

Марк Тольц

Отдел демографии и статистики, Институт Хармана,
Иерусалимский университет

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(реконструкция действительных результатов переписи 1939 г.)

Коммунистический режим в Советском Союзе использовал статистику населения (как, впрочем, и всякую статистику) в пропагандистских целях. Однако демографические проблемы, включая катастрофические людские потери, были неотъемлемой частью истории СССР. Потому советские властные структуры постоянно вмешивались в процесс сбора статистических данных о населении страны, публиковали их неполно, прибегали к искажениям, а иногда и к грубому фальсификациям. Одним из наиболее ярких примеров такого манипулирования данными статистики стали официальные итоги переписи населения 1939 г. по Казахстану, которые, как будет показано при реконструкции ее действительных результатов, грубо исказили этнический состав населения республики.

Фальсификации в переписи 1939 г. И.В. Сталин лично попожил начало использованию фальсифицированных цифр о населении СССР, чтобы скрыть ужасные последствия голода 1932-1933 гг., вызванного его собственной политикой. На XVII съезде ВКП(б) он объявил, что население Советского Союза к концу 1933 г. достигло 168 млн [1]. Благодаря публикации архивных документов, сегодня мы знаем, что на начало 1934 г. данная статистиками цифра численности населения страны была лишь 160,465,2 тыс. чел., что указывало на снижение по сравнению с 1933 г. [2, с. 348]. Перепись 1937 г. показала численность населения Советского Союза всего в 162 млн. Поскольку она обнаружила лживость заявлений Сталина и советской пропаганды, власти объявили ее результаты «дефектными» [3]. Их рассекретили только в эпоху гласности.

В 1939 г. провели новую перепись, которая в результате прямой фальсификации позволила выйти на цифру в 170 млн чел. Эту цифру Сталин объявил на XVIII съезде партии еще до того, как результаты переписи могли быть целиком обработаны [4]. В действительности перепись 1939 г. дала цифру в 167,6 млн чел., которая была завышена почти на 3 млн [2, с. 356; 5]. В официальные результаты переписи преднамеренно были включены данные на более одного млн человек из специальных бланков для проверки правильности счета в переписи («контрольные бланки»). После чего с учетом их общая цифра населения СССР была еще раз увеличена на один процент. Ясно, что численность населения Советского Союза к началу 1939 г. была меньше тех 168 млн, о которых Сталин объявил в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б).

К счастью, в эпоху гласности опубликованы секретные инструкции к переписи 1939 г. вместе с множеством первичных данных. (Ко многим документам послевоенных переписей исследователи до сих пор не имеют доступа.) Оказалось, что в результате тайного перераспределения так называемого централизованного контингента была искажена численность населения различных территорий, а также количество жителей городов и сельской местности [6]. Основная доля централизованного контингента состояла из части военнослужащих, «перераспределенных» по территории страны, и уже упомянутой однопроцентной «добавки» к общей численности ее населения. Дальнейшее уточнение результатов переписи 1939 г. позволит увидеть и некоторые другие, явно непреднамеренные последствия манипуляций, такие, как искажение данных по этническому составу населения отдельных территорий.

Масштабные манипуляции производились в этой переписи с данными о заключенных. Большинство обитателей ГУЛАГа «рассредоточивалось» по территории, где находилось место их содержания: заполненные на них переписные листы распределялись по ее административным единицам и смешивались с теми листами, которые были действительно собраны там в ходе переписи [2, с. 358]. Однако чтобы скрыть громадную концентрацию заключенных на Севере и Востоке РСФСР (в Бурят-Монголии, Карелии,

Республике Коми, на Дальнем Востоке, в Архангельской, Новосибирской и Свердловской областях), было отдано официальное распоряжение «перераспределить» в другие территории Советского Союза 759.550 переписных листов на них [7, с. 229-240; 8]. Мы имеем свидетельства того, что для многих из них это распоряжение было выполнено [9, 10].

Вместе с тем из секретной переписки тех лет известно, что, видимо, для сокрытия ужасающей убыли населения от насильственной коллективизации и голода из других регионов было отправлено 383.563 переписных листа на Украину и 375.180 листов — в Казахстан [11, с. 18-19, 24-25]. В сумме это данные на 758.743 чел., которые в обеих республиках были включены в сельское население. Поскольку общая цифра очень близка к числу намеченных к «перераспределению» переписных листов заключенных, то с высокой степенью вероятности можно предположить, что речь идет об одном и том же контингенте. В результате этого «перераспределения» к населению Украины и Казахстана было приписано более трех четвертей миллиона заключенных, находившихся на территории РСФСР. Известно, что по данным статистики НКВД на начало 1939 г. соотношение мужчин и женщин в ГУЛАГе составляло 91,6 и 8,4%, тогда как их соотношение в массиве листов, отправленных на Украину и в Казахстан, было соответственно 92,3 и 7,7% (рассчитано по [11, с. 19, 24; 12, с. 416]). Близкое сходство этих цифр только подтверждает нашу догадку.

Реконструкция этнического состава населения Казахстана в 1939 г. Для Казахстана преувеличение общего итога переписи 1939 г. оказалось самым высоким по стране и составило 13% от действительно зафиксированного переписью населения¹. В результате именно для этой республики, народ которой понес наибольший демографический урон в 1930-е годы², были грубо искажены показатели этнического состава. Однако несмотря на явную фальсификацию результатов переписи, последовательное снятие всех преднамеренных наслоений в ее итогах позволит уточнить этнический состав населения Казахстана накануне второй мировой войны.

Из секретных инструкций [11, с. 79-82; 13] мы знаем, что результаты переписи 1939 г. в этой республике претерпели изменения дважды. Сначала к собранным в сельской местности переписным листам были прибавлены переписные листы заключенных из лагерей, расположенных за пределами республики. Затем еще раз полученные цифры сельского населения, так же как фактические данные о городском населении, были увеличены на определенный процент, как это делалось всюду во время этой переписи.

¹ Даже для Украины это преувеличение составило лишь 4,5%. Ср.: [7, с. 22; 11, с. 19-22].

² Сводку альтернативных оценок см. напр.: Алексеев А.Н. Население Казахстана в 1926-1939 гг. // Компьютер и историческая демография / Под ред. В.Н. Владимирова. — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2000. — С. 9-26.

си. Присоединение централизованного контингента исказило итоговые данные об этнической структуре республики хотя бы потому, что национальный состав присланных из РСФСР переписных листов заключенных не мог совпадать с этническим составом сельского населения Казахстана.

Нашу реконструкцию начнем с сельского населения. Из архивных черновых материалов переписи 1939 г. известно, что к полученному там действительному итогу было прибавлено 609.069 чел. [11, с. 18-19]. Следовательно, из официального результата 4.441.075 чел. надо вычесть это число, что после округления дает 3.832 тыс. — число лиц, на которых были фактически заполнены переписные листы в сельской местности Казахстана (табл. 1).

Таблица 1

Этническая структура Казахстана по расчетным и официальным данным переписи 1939 г., тыс. чел. (по расчетам автора, см. Приложение)

Этнические группы	Официальные данные			Расчетные данные		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Казахи	2.327,6	374,6	1.953,0	2.199,8	353,6	1.845,2
Русские	2.458,7	987,2	1.471,5	2.089,4	832,0	1.157,4
Украинцы	658,3	136,8	521,5	571,4	129,2	442,2
Узбеки	120,7	37,1	83,6	107,2	35,0	72,2
Татары	106,1	60,1	46,0	95,1	56,7	38,4
Немцы	92,6	13,8	78,8	82,3	13,0	69,3
Польяки	54,8	5,2	49,6	47,1	4,9	42,2
Евреи	19,2	10,1	9,1	12,6	9,5	3,1
Другие	311,1	85,1	226,0	242,4	80,4	162,0
Всего:	6.151,1	1.710,0	4.441,1	5.446,3	1.614,3	3.832,0

Как уже отмечалось, «добавка» к реальным итогам переписи для сельского населения состояла из двух слоев. В первый из них входили присланные из РСФСР бланки переписи на 375.180 заключенных, которые были прибавлены к бланкам фактически переписанных сельских жителей. Но поскольку сведения об этнической структуре приплюсованного массива заключенных нам недоступны, мы должны прежде всего найти решение данной проблемы. При этом придется сделать в нашем расчете первое принципиально важное допущение о том, что при определении этнического состава прибавленного контингента заключенных можно опираться на национальную структуру всей совокупности обитателей ГУЛАГа.

По данным статистики НКВД, на начало 1939 г. русские составляли около 63% от общего числа заключенных ГУЛАГа, тогда как казахи — только 1,3% [14] (несколько иные цифры приведены в [12, с. 416-417]). Исходя из этого, мы рассчитали величины соответствующей прибавки для сельского населения Казахстана: 236,6 тыс. русских и лишь 4,9 тыс. казахов. Конечно, полученные цифры — только оценки, которые могут отличаться от фактических цифр. Однако косвенным подтверждением верности нашего подхода может служить уже отмеченное обстоятельство: соотноше-

ние мужчин и женщин в общем массиве переписных листов, направленных на Украину и в Казахстан, было очень близко к их соотношению во всем населении ГУЛАГа.

Вторая — пропорциональная — добавка к сельскому населению, сделанная после прибавления к нему бланков переписи заключенных, присланных из РСФСР, оказалась равна 233.889 чел. (609.069-375.180). Ее пропорциональное распределение по этническим группам дает цифры для второго слоя преувеличения, который добавил к действительным результатам переписи в сельской местности еще 77,6 тыс. русских и 102,9 тыс. казахов. Если наши допущения и расчеты верны, то это показывает на примере двух наиболее многочисленных этносов, как складывалось завышение результатов переписи, объявленных в качестве официальных для сельского населения.

Следующий шаг — оценка этнического состава городского населения, что сделать легче, поскольку к этой части населения никаких переписных листов, собранных за пределами Казахстана, не прибавлялось. Мы исходили из того, что общее число фактически заполнивших переписные листы горожан равняется разнице между официальными данными о количестве городского населения и сделанной в соответствии с тайной инструкцией припиской и что численность всех этносов была преувеличена пропорционально.

Таблица 2

Сопоставление этнической структуры Казахстана по данным переписей 1937 и 1939 гг., тыс. чел. [15; табл. 1 нашей статьи]

Этнические группы	Численность		1939 в % от 1937	Процент от всего	
	1937	1939*		1937	1939*
Казахи	2.181,5	2.199,8	100,8	42,6	40,4
Русские	1.917,7	2.089,4	109,0	37,4	38,4
Украинцы	549,8	571,4	103,9	10,7	10,5
Узбеки	110,0	107,2	97,5	2,1	2,0
Татары	92,1	95,1	103,3	1,8	1,7
Немцы	80,6	82,3	102,1	1,6	1,5
Другие **	195,0	302,1	155,0	3,8	5,5
Всего:	5.126,7	5.446,3	106,2	100,0	100,0

* Расчетные данные.

** Включая поляков и евреев, данные по которым не выделены в итогах переписи 1937 года.

Наконец, рассчитанные отдельно для города и села показатели для каждой этнической группы были суммированы, и итогом стала общая уточненная численность этносов, проживавших в Казахстане на момент переписи. Сопоставление результатов нашей реконструкции по данным переписи 1939 г. с итогами переписи 1937 г. показывает их достаточно хорошее соответствие (табл. 2). Ясно, что в увеличении более чем в 1,5 раза группы «другие» нашло свое отражение насильственное переселение в межпереписной период в Казахстан отдельных этнических групп (корейцев и др.) [16].

Таблица 3

Сопоставление расчетной и официальной этнической структуры Казахстана по данным переписи 1939 г., % [по данным табл. 1]

Этнические группы	Все население		Сельское население	
	Официальные данные	Расчетные данные	Официальные данные	Расчетные данные
Казахи	37,8	40,4	44,0	48,2
Русские	40,0	38,4	33,1	30,2
Украинцы	10,7	10,5	11,7	11,5
Узбеки	2,0	2,0	1,9	1,9
Татары	1,7	1,7	1,1	1,0
Немцы	1,5	1,5	1,8	1,8
Поляки	0,9	0,9	1,1	1,1
Евреи	0,3	0,2	0,2	0,1
Другие	5,1	4,4	5,1	4,2
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

Официальные и уточненные данные переписи 1939 г. рисуют диаметрально противоположные картины довоенной этнической структуры населения Казахстана (табл. 3). По официальным результатам переписи 1939 г. во всем населении Казахстана русские (40,0%) численно преобладали над казахами (37,8%). Наша реконструкция, выполненная на основе секретных первичных материалов этой переписи, показывает обратное: казахи (40,4%) превосходили по численности русских (38,4%). Одновременно по официальным итогам переписи 1939 г. оказалась намного завышена численность евреев – более чем в 1,5 раза¹.

Таким образом, вследствие прибавления переписных листов на заключенных лагерей, находившихся в РСФСР, был грубо искажен этнический состав сельского населения Казахстана, что отразилось на официальных данных об этнической структуре всей республики. В результате согласно официальным итогам переписи 1939 г. казахи стали только вторым по величине этносом после русских. Наша реконструкция обнаружила противоположное соотношение: накануне Второй мировой войны, несмотря на все потери в 1930-е гг., казахи продолжали численно превосходить русских в своей республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правда. – 1934. – 28 января.
2. Население России в XX веке / Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1.
3. Толъц М.С. Перепись, приговоренная к забвению // Семья и семейная политика / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: ИСЭПИ АН СССР, 1991. – С. 161-178.

¹ При этом отправка бланков на заключенных в Казахстан привела к существенному завышению числа евреев на некоторых территориях РСФСР в официальных итогах переписи 1939 года [см.: Tolts M. Figures that came in from the cold // Jews in Eastern Europe. – 1994. – No. 3(25). – P. 79-84].

4. Толъц М.С. Недоступное измерение // В человеческом измерении / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Прогресс, 1989. – С. 325-342.
5. Волков А.Г. Как стало кривым зеркало общества // Вопросы статистики. – 1997. – № 3. – С. 18.
6. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 30-е годы. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 53-56, 63-66.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова и др. – М.: Наука, 1992.
8. Перепись 1939 года: Документальные источники ЦГАНХ СССР / Отв. ред. Ю.Б. Симченко. – М.: ИЗИЗ АН СССР, 1990. – Ч. 14. – С. 2738-2740.
9. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Поляка молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. – 1990. – № 8. – С. 44-45.
10. Перепись 1939 года: Документальные источники ЦГАНХ СССР. – Ч. 3. – С. 687.
11. Перепись 1939 года: Документальные источники ЦГАНХ СССР. – Ч. 1.
12. ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918-1960.
13. Перепись 1939 года: Документальные источники ЦГАНХ СССР. – Ч. 11. – С. 2078.
14. Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N. Victims of the Soviet penal system in the pre-war years: A first approach on the basis of archival evidence // The American Historical Review. – 1993. – Vol. 96. – No. 4. – P. 1028.
15. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. – С. 96.
16. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОПИ – Мемориал, 2001. – С. 246.

Приложение

Таблица 1

Расчет этнической структуры сельского населения Казахстана по данным переписи 1939 г., тыс. чел. [7, с. 75-76; 11, с. 18-19; 14]

Этнические группы	Официальные данные	Число лиц, на которых имелись переписные листы*	Из них прибавленные бланки на заключенных из РСФСР **	Расчетные данные
	(1)	(2)	(3)	(4)=(2)-(3)
Казахи	1.953,0	1.850,1	4,9	1.845,2
Русские	1.471,5	1.394,0	236,6	1.157,4
Украинцы	521,5	494,0	51,8	442,2
Узбеки	63,6	79,2	7,0	72,2
Татары	48,0	45,5	7,1	38,4
Немцы	78,8	74,6	5,3	69,3
Поляки	49,6	47,0	4,8	42,2
Евреи	9,1	8,7	5,6	3,1 *
Другие	226,0	214,1	52,1	162,0
Всего:	4.441,1	4.207,2	375,2	3.832,0

* Цифры по отдельным этническим группам распределены пропорционально официальным итогам.

** Цифры по отдельным этническим группам получены на основе национальной структуры всей совокупности обитателей ГУЛАГа по данным его текущей статистики на начало 1939 г.

Таблица 2

Расчет этнической структуры всего населения Казахстана по данным переписи 1939 г., тыс. чел. [7, с. 75-76; 11, с. 18]

Этнические группы	Городское население		Сельское население**	Все население	
	Официальные данные	Расчетные данные*		Официальные данные	Расчетные данные
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)=(2)+(3)
Казахи	374,6	353,6	1.845,2	2.327,6	2.198,8
Русские	987,2	932,0	1.167,4	2.458,7	2.089,4
Украинцы	136,8	129,2	442,2	658,3	571,4
Узбеки	37,1	35,0	72,2	120,7	107,2
Татары	60,1	56,7	38,4	108,1	95,1
Немцы	13,8	13,0	69,3	92,6	82,3
Польки	5,2	4,9	42,2	54,8	47,1
Евреи	10,1	9,5	3,1	19,2	12,6
Другие	85,1	80,4	162,0	311,1	242,4
Всего:	1.710,0	1.614,3	3.832,0	6.151,1	5.446,3

* Лица, на которых имелись переписные листы; цифры по отдельным этническим группам распределены пропорционально официальным итогам.

** Расчетные данные, см. табл. 1, столбец 4.

Трифорова З.А., Блинова Е.Ю., Трифорова М.М.
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА, ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАНЯТОСТИ В ТУРИНДУСТРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Современный рынок труда Чувашии характеризуется следующими показателями: численность экономически активного населения в Чувашской Республике на конец декабря 2004 г. составила 650 тыс. чел. (100%), из них занятые в экономике – 586 тыс. чел. (90,1%), безработные – 65 тыс. чел. (9,9%) [1]. При этом численность незанятого населения, состоящего на учете в органах государственной службы занятости, составила 14582 чел. Следовательно, численность незанятого населения, не состоящего на учете и не платящего налоги в бюджет республики, составляет 50418 чел. Чем заняты эти люди? Нерациональное использование трудовых ресурсов приводит к снижению потенциальных возможностей роста национального богатства республики, ведь трудовые ресурсы остаются главным и единственным фактором экономического развития республики.

Особую тревогу вызывает то, что в эпоху глобализации все больше высококвалифицированных специалистов, занятых в третичном и четвертичном секторах экономики: в управлении, науке, инженерном деле и культуре, уезжает из страны и региона. Экспертные мнения ряда иссле-

дователей подтвердили очевидный факт, что основными побудительными мотивами трудовой миграции являются экономические: низкий уровень заработной платы, нехватка рабочих мест, низкая оплата высококвалифицированного труда, недостаточно грамотная кадровая политика, где залогом карьерного роста часто выступают не профессиональные и личностные качества претендента, а его предсказуемость и личная преданность руководителю, а смена власти в организации неизбежно сопровождается увольнением значительного числа руководителей и специалистов, то есть идет постоянное «воспроизводство» некомпетентности.

При анализе рынка труда Чувашской Республики выявилось, что ожидается рост трудовых ресурсов при общем снижении численности населения республики и его старении. Это связано с тем, что в трудоспособный возраст вступают родившиеся в период экономической стабильности, стимулировавшей высокую рождаемость. Численность трудоспособного населения будет расти и вырастет к 2007 г. более чем на 30 тыс. чел. или на 3,7% [2]. Предполагается, что в республике сохранится тенденция превышения предложения рабочей силы над ее спросом как за счет роста численности трудовых ресурсов, так и за счет продолжающейся реструктуризации экономики. При этом ситуация на рынке труда усугубляется тем, что в ходе реструктуризации отраслей экономики высвобождаются тысячи работников.

Нами были рассчитаны прогнозные величины численности занятых в экономике до 2009 г. (при этом факторы, которые могут повлиять на изменения темпов роста, не учитывались) по материалам Госкомстата ЧР [3]. При общем росте численности трудоспособного населения численность занятых в экономике к 2007 г. упадет до 410 тыс. чел. Это более чем на 150 тыс. меньше по сравнению с показателями 2004 г., а к 2009 г. эта величина достигнет немного более 390 тыс. чел. Если же рассматривать отдельные районы Чувашии, то самая высокая занятость прослеживается в Чебоксарском районе (14,5-12,5 тыс. человек), такая ситуация сохранится вплоть до 2009 г. Районы, в которых уровень занятости чуть ниже, чем в Чебоксарском районе (11,4-8,9 тыс. чел.), – Ядринский, Моргановский, Цивильский и Вурнарский, ситуация сохраняется до 2009 г. В группу районов со средними значениями вошли Мариинско-Посадский, Козловский, Аликовский, Красноармейский, Ибресинский, Комсомольский, Яльчикский (от 7,2 до 4,8 тыс. чел.). Самые низкие показатели занятости в Янтиковском, Шемуршинском, Шумерлинском, Поречском, Красночетайском, Урмарском районах, в первых трех из них низкая занятость стабильно сохранялась до 2009 г. В Поречском, Красночетайском и Урмарском районах величина занятости снизится к 2007 г.

Для прогноза ситуации на рынке труда рассчитывались прогнозные величины численности зарегистрированных безработных (воздействие внешних факторов не учитывалось). В целом по Чувашии показатели зарегистрированной безработицы к 2009 г. достигнут 183 тыс. чел., что более чем в

2 раза больше официальных данных за 2004 г. Самые низкие показатели безработицы в Моргаушском, Красночетайском, Шемуршинском, Янтиковском и Чебоксарском районах, средние – в Аликновском, Красноармейском, Цивильском районах. Ибресинский район по нашим расчетам войдет в эту группу к 2008 г. Благоприятная ситуация складывается также в Батыревском районе, уровень безработицы в 2009 г. достигнет средних значений. Районы Чувашии, в которых показатели безработицы можно охарактеризовать «выше среднего», – Козловский, Канашский, Яльчикский (по при данным темпам роста показатели немного улучшатся к 2008-2009 гг.). Самый высокий уровень безработицы наблюдается в Алатырском, Мариинско-Посадском и Урмарском районах, при этом неблагоприятная ситуация сохранится на протяжении всех рассмотренных лет.

Таким образом, анализ современного рынка труда и прогнозные оценки позволяют предположить сохранение на будущие 4 года значительной величины незанятых в экономике республики, т.е. потенциальных трудовых мигрантов. Нами были изучены трудовые миграции сельских районов Чувашии. Исследование проводилось методом структурированного интервью, в качестве экспертов выступали главы районных администраций, заместители глав администраций, специалисты информационных отделов, управления сельского хозяйства и экономики. В ходе экспертного опроса о величине трудовых миграций по каждому району было установлено, что численность трудовых мигрантов в сельской местности Чувашии по нашим расчетам варьирует в пределах 17-30 тыс. чел. Наша оценочная величина сопоставима с количеством незанятого населения, состоящего на учете в органах государственной службы занятости. На конец 2004 г. она составляла 14,5 тыс. чел. в целом по республике. С учетом сложившейся традиции постоянного подтверждения желания трудоустроиться личной явкой к специалисту органов государственной службы занятости эту величину следует рассматривать в качестве резерва численности трудовых мигрантов. При оценке величины сельской трудовой миграции в 5% абсолютное значение составляет 26 тыс. чел. С учетом жителей Чебоксарской городской агломерации и других городов республики эта цифра увеличится. Существуют две противоположные точки зрения на вопрос о соотношении величины городских и сельских трудовых миграций. По мнению респондентов компаний по трудоустройству несколько преобладают сельские трудовые мигранты. Однако этот факт требует проверки. Условно принимая равное соотношение сельских и городских трудовых миграций, мы получили величину в 50 тыс. чел. Как видим, наши расчеты практически совпали с величиной безработных.

Результаты полевого исследования были отражены в территориальном, отраслевом, а также в социальном аспектах трудовой миграции.

Территориальный аспект. Оценочная численность трудовых мигрантов, выраженная в процентах от общего числа районов, была сгруппирована и картографирована. Максимальный процент характерен для Ибресин-

ского района (более 15%), минимальный – для Поречского района (1%), средняя величина составила 5% от общего числа жителей. В абсолютных величинах максимальное количество трудовых мигрантов выезжает из Моргаушского района (2-3,5 тыс. чел.), в минимальное – из Поречского района (200 чел.). Несмотря на высокую степень дифференцированности величины трудовых мигрантов в разрезе районов, наблюдается меридиональное деление на западные районы – с более интенсивной миграцией и восточные районы – с умеренными показателями трудовой миграции. Вследствие развитой местной экономики в Яльчикском и Батыревском районах наблюдается минимальное число трудовых мигрантов. Близость федеральной дороги безусловно облегчает выезд на заработки, но одновременно она способствует развитию местной экономики и созданию рабочих мест, поэтому ее влияние не нашло отражения на карте.

Анализируя географию трудовых мигрантов по каждому району, мы определили, что в основном выезжают с окраин районов, а не из районных центров, однако имеются исключения. Например, периферийные поселения, п. Киря, расположенный на северо-востоке Алатырского района, и Залесный подрайон, расположенный на востоке Красночетайского района, отличаются минимальным количеством трудовых мигрантов.

Нами была выявлена еще одна закономерность – направления трудовых миграций различаются в зависимости от географического положения. В северных районах республики, прилегающих к Чебоксарской городской агломерации, значительная часть ориентирована на работу в Чебоксарах с посменным графиком работы в качестве медсестер, санитаров, водителей, пожарников, продавцов и др. Жители этих районов в свободное от основной работы время занимаются выращиванием сельскохозяйственных продуктов и разведением домашних животных в целях реализации на рынке. Восточные районы Чувашии ориентированы на Татарстан, причем больше, чем на Москву. Западные районы ориентированы на Нижегородскую область. В центральных районах направления миграции наиболее разнообразны, но преобладает московское направление.

Отраслевой аспект. Значительную долю трудовых мигрантов составляют строители (в основном каменщики, разнорабочие, экскаваторщики, электрики и др.). Они выезжают на строительство в Москву, Московскую, Ленинградскую, Нижегородскую области, Татарстан, Север. Из других сфер занятости представлены сфера услуг (в основном в Москву продавцами, домохозяйками), сельское хозяйство (в Нижегородскую обл., Татарстан, Ульяновскую обл. на посадку, прополку, уборку урожая и разнорабочими на ферму). Среди трудовых мигрантов представлен небольшой контингент лиц интеллектуального труда (в основном, учителя, бухгалтера).

«Челночный бизнес» не стоит рассматривать как трудовую миграцию в чистом виде. Он представлен в каждом районе, а его основные направления – Москва, Казань, а также Белоруссия, Турция. Отмечается переориентация «челноков» на крупные оптовые базы, расположенные в

Чебоксарах. Перегон автомобилей из Литвы и Германии сегодня значительно сократился.

Кроме того, трудовая миграция в отдельных районах имеет свои уникальные особенности, обусловленные традиционными видами деятельности, «профессией местных жителей». В Алатырском, Мариинско-Посадском, Шемуршинском районах выезжают на деревообработку (рамы, ояна, полы, бани), в Вурнарском — на молочные заводы, в Моргаульском — на рыбозавод, в Урмарском — заняты в железнодорожной отрасли, в Цивильском — в швейном производстве.

Социальный аспект. Материальная обеспеченность трудовых мигрантов в районах Чувашии неодинакова. Меньше среднемесячного дохода постоянно проживающих и работающих на месте жителей зарабатывают мигранты в Алатырском, Поречском, Красночетайском районах. Чаще всего это несемейные мужчины 30–40 лет, злоупотребляющие алкоголем. Однако и в этих районах имеются отдельные граждане, которые на выезде зарабатывают больше, это северное направление, особенно — нефте-газовая отрасль. Одинаково обеспечены мигранты в Аликском, Батыревском, Вурнарском, Красноармейском, Моргаульском, Шемуршинском, Янтиковском районах, их доходов хватает на первичные нужды, строительство дома, обучение детей. В Яльчикском районе было отмечено, что работа есть и здесь, но уезжают за большими деньгами, чтобы построить дом, обучить детей, приобрести бытовую технику. В Ибресинском районе отметили, что мигранты зарабатывают неодинаково — «как повезет»: кто-то покупает квартиры, обучает детей, строит дома, а кто-то «кладывает в кошельки». Наибольшие доходы имеют трудовые мигранты в следующих районах — Канашском, Козловском, Комсомольском, Мариинско-Посадском, Урмарском, Цивильском, Чебоксарском, Шумерлинском, Ядринском. Помимо вышеперечисленных нужд они покупают автомобили, бытовую технику.

При сопоставлении данных по всем трем показателям (прогнозные величины численности занятых в экономике, прогнозные величины численности зарегистрированных безработных, процент трудовых миграций до 2009 г.) выявляются районы с кризисной ситуацией в Красночетайском, Ибресинском и Янтиковском районах.

Проанализировав три аспекта: территориальный, отраслевой и социальный, можно предложить развитие туристической индустрии в регионе как один из путей решения проблемы трудовой миграции.

Поскольку многие выезжают за пределы Чувашии в качестве строителей или обслуживающего персонала, это можно выгодно использовать в развитии туризма в нашей республике, привлекая этих людей к работе. Строителей, к примеру, привлекать к возведению новых лечебно-оздоровительных и туристских комплексов или ремонта старых. В качестве поощрения можно ввести, например, льготы при получении жилищной площади. Соответственно, при развитии туризма потребуются намного больше об-

служивающего персонала и работников торговли, и многим не придется уезжать из родных мест для получения прибыли. При успешном развитии данной отрасли значительно повысится спрос на транспортные услуги, что создаст новые рабочие места. Единственная проблема в том, что заработная плата в Москве или на Севере намного превышает местную оплату труда. Роль сельского хозяйства в развитии туризма Чувашии может существенно возрасти, поскольку сейчас широко востребована экологически чистая сельскохозяйственная продукция.

С учетом кризисной ситуации в трех указанных нами районах, в двух из них — Ибресинском и Красночетайском — имеются потенциальные возможности для развития туризма. В Ибресинском районе располагается этнографический музей под открытым небом, а в Красночетайском районе в последнее время ремонтируется сеть туристских баз.

Нужно заметить, что в области развития туристской индустрии есть определенные достижения. Об этом говорит повышение объема туристских услуг в общем объеме платных услуг населению на 34,4% по сравнению с 1 кв. 2003 г. Возрос также объем оказанных туркомпаниями услуг — 27 млн руб. в 2005 г. (по сравнению с 20 млн руб. за аналогичный период 2004 г.).

Участие в развитии туризма в Чувашии весьма выгодно и для инвесторов. На разработку программ развития инвестиций в турсекторе Чувашии Евросоюз выделил 250 тыс. евро, на внедрение рекомендаций специалистов предусмотрено еще около 2 млн евро [6].

Таким образом, вовлечение лиц трудоспособного возраста в туристическую индустрию будет хорошим решением проблемы занятости населения и сокращения числа трудовых мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Занятость и рынок труда Чувашской Республики в 2004 г.: Стат. бюллетень. — Чебоксары, 2005. — 223 с.
2. Комплексная программа экономического и социального развития Чувашской Республики.
3. Районы и города Чувашии в цифрах: Стат. сб. / Комитет государственной статистики Чувашской Республики. — Чебоксары, 2004. — 288 с.
4. Трифонова З.А. Миграционная ситуация в Чувашской Республике // Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире: Матер. междушкольной школы-семинара «Миграция: теория, методы и практика регулирования миграционных процессов». — Смоленск, 2003. — С. 211–219.
5. Чувашия, 2005: Статистический сборник. — Чебоксары: Чувашстат, 2005. — 258 с.
6. WWW.REGNUM.RU

Уалиева С.К.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НА ВОСТОКЕ КАЗАХСТАНА

На Востоке Казахстана сложилась и получила оформление демографическая школа, основателями и руководителями которой являются профессор, доктор исторических наук Николай Владимирович Алексеенко и доктор исторических наук Александр Николаевич Алексеенко.

Николай Владимирович Алексеенко окончил историческое отделение КазГУ им. Кирова, с 1955 г. работал в Усть-Каменогорском педагогическом институте (УКПИ). Защитил кандидатскую диссертацию в 1961 г. в г. Ленинграде. Был первым кандидатом исторических наук УКПИ. В 1968 г. в г. Ленинграде защитил докторскую диссертацию. В 1980-е гг. был ректором Целиноградского педагогического института, который в последующем был преобразован в Евразийский национальный университет им. Гумилева (г. Астана). В начале 1990-х гг. — один из организаторов и первый ректор Восточного гуманитарного института (ВГИ) в г. Усть-Каменогорске. С 2000 г. и до октября 2005 г. работал в Восточно-Казахстанском государственном университете им. С. Аманжолова (ВКГУ им. С. Аманжолова) в г. Усть-Каменогорске. Николай Владимирович является одним из основоположников исторической демографии Казахстана, занимается изучением формирования населения Республики Казахстан, разработал методику подсчета населения Казахстана в канун Октябрьской революции, дал обширную характеристику источникам по демографии Казахстана. Автор большого количества публикаций, среди которых известные монографии и статьи.

Александр Николаевич Алексеенко окончил историческое отделение УКПИ. Защитил кандидатскую диссертацию в 1988 г. в г. Алма-Ате. В 1994 г. защитил докторскую диссертацию в г. Алматы. Один из главных организаторов ежегодных международных научно-практических конференций «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях», проводимых в г. Усть-Каменогорске. Александр Николаевич является организатором и одним из директоров Международной летней школы по демографии 2001 г. в г. Усть-Каменогорске (еще одним директором был Томаш Кучера — ученый демограф из Карлова университета г. Праги). С 2000 по 2005 гг. весьма плодотворно руководил единственным в Казахстане НИИ демографии ВКГУ им. С. Аманжолова. С октября 2005 г. возглавляет лабораторию демографии в Восточно-Казахстанском государственном техническом университете (ВКГТУ им. Д. Серикбаева). Александр Николаевич вносит значительный вклад в развитие демографии Казахстана; исследует проблемы расселения населения, межреспубли-

канской и внутренней миграции, национального состава населения; разработал методику подсчета жертв голода 1930-1933 гг. в Казахстане.

В настоящее время представляется возможным проследить некоторые этапы в истории становления восточноказахстанской демографической школы:

- Первоначально в 1992 г. была создана демографическая лаборатория при Строительно-дорожном институте (СДИ), бессменным руководителем которой стал А.Н. Алексеенко.

- С 1996 по 1997 гг. лаборатория находилась в ВГИ.

- В 1998 — первой половине 2000 г. лаборатория располагалась в ВКГТУ.

- Впоследствии именно на ее основе в сентябре 2000 г. был создан и успешно действовал в течение пяти лет НИИ демографии ВКГУ им. С. Аманжолова.

- С октября 2005 г. лаборатория демографии работает в ВКГТУ им. Д. Серикбаева.

Со времени оформления в деятельности НИИ демографии можно выделить следующие направления научных исследований:

- ежегодно проводились международные научно-практические конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях»;

- по заказу областного акимата был подготовлен «Демографический паспорт ВКО», в котором выявлены и проанализированы основные тенденции демографических процессов области [1];

- организована и проведена Международная летняя школа «Актуальные вопросы преподавания демографии в системе высшего образования» в 2001 г. в г. Усть-Каменогорске;

- в 2003 г. в рамках исследовательской программы «Стратегия демографического развития Восточно-Казахстанской области» (проект «Изучение рождаемости») НИИ демографии проведено обследование мнений женщин по теме «Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области». Общий массив выборки составил 2000 респондентов в возрасте 15 лет и старше;

- сотрудники НИИ демографии (А.Н. Алексеенко, Е.В. Тарасова) приняли участие в проекте «Приграничная миграция в Казахстане» по гранту Фонда Сорос-Казахстан, итоги которого были подведены в мае 2004 г. в г. Уральске;

- сотрудники НИИ демографии успешно участвовали в конкурсах на гранты (А.Н. Алексеенко, Н.Л. Краснобаева, Е.В. Тарасова, З.Н. Айталина, Ф.С. Курманов, К.Ф. Калиева, С.К. Уалиева);

- сотрудники активно принимали участие в международных конференциях: на Международной конференции «Политика народонаселения: настоящее и будущее» (Четвертые Валентьевские чтения), состоявшейся в г. Москве 7-9 апреля 2005 г., с докладами выступили Н.Л. Краснобаева и Е.В. Тарасова, был представлен доклад С.К. Уалиевой [2].

Международное сотрудничество в области народонаселения. Потребность разработки и практического решения современных глобальных проблем народонаселения стала объективной основой для развития международного сотрудничества в сфере демографии. В виду этого необходимо отметить участие НИИ демографии в проведении и организации Летнего университета по демографии в г. Усть-Каменогорске. Всего в Казахстане было организовано три международных летних университета по демографии при поддержке Фонда Сорос-Казахстан. Для подготовки первого Летнего университета по демографии координатор проекта от Фонда Сорос-Казахстан Ш. Имангалиева посетила в 1998 г. Международную летнюю школу по демографии и геодемографии в Чехии, полученный опыт был успешно применен при организации подобных мероприятий в Казахстане.

Первый Летний университет по направлению «Демография: теория и методы исследования» состоялся со 2 по 20 августа 1999 г. в г. Алматы. В качестве лекторов были приглашены ведущие ученые-демографы: А.Г. Вишневский (Россия), С.А. Пирожков (Украина), Зденек Павлик и Томаш Кучера (Чехия), Синтия Бабли (США), А.Н. Алексеев и М.Б. Татимов (Казахстан). Слушателями были преподаватели и молодые ученые из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Монголии. Из Восточного Казахстана слушателями были Ф.С. Курманов, С.К. Уалиева. По окончании Летнего университета участники подготовили и успешно защитили научные проекты, получили сертификаты.

В сентябре 1999 г. трое слушателей первого Летнего университета из г. Караганды (Е.П. Зимовина), Уральска (А.С. Алибаева), Усть-Каменогорска (С.К. Уалиева) были приглашены для участия в X Международной летней школе по «Демографии и геодемографии», организованной Карловым университетом в Праге (Чехия). Участие в зарубежной Летней школе содействовало расширению научных контактов и способствовало применению полученного опыта в последующем при организации летних школ в Казахстане.

Второй Летний университет «Демография: теория и методы исследования» проходил с 31 июля по 11 августа 2000 г. в г. Алматы. Лекторами были приглашены ведущие демографы, исследователи и ученые: А.Г. Вишневский и Ж.А. Зайончковская (Россия), Томаш Кучера (Чехия), С.И. Пирожков (Украина), А.Н. Алексеев, М.Н. Сдыков, М.Б. Татимов (Казахстан). Участники были разгруппированы на продолживших обучение и начинающих его. Из г. Усть-Каменогорска слушателями были Н.Л. Краснобаева, С.К. Уалиева. По окончании обучения состоялась защита научных проектов, участники получили сертификаты.

Третий Летний университет «Актуальные вопросы преподавания демографии в системе высшего образования» проводился с 5 по 25 августа 2001 г. в г. Усть-Каменогорске. Организаторами выступили: НИИ демографии Восточно-Казахстанского государственного университета, Карлов университет в Праге (Чехия), Фонд Сорос-Казахстан (г. Алматы), Программа

«Поддержки высшего образования» Института открытого общества (г. Будапешт) и Фонд народонаселения ООН (г. Алматы).

Преподавательский состав Летней школы: Томаш Кучера, Ольга Кучерова (Карлов университет в Праге), О. Опара (Университет г. Окленд, Новая Зеландия), М.Н. Сдыков (ЗКГУ, г. Уральск, Казахстан), А.Н. Алексеев (ВКГУ, г. Усть-Каменогорск, Казахстан). Преподавателем английского языка была Юн Тцуцуми (США). Ассистенты из Карлова университета в Праге В. Канторова, К. Земан, М. Возка осуществляли компьютерное обеспечение проекта. Слушатели получили ноутбуки, что способствовало более качественному выполнению заданий. Координатором проекта была Ш. Имангалиева. Состоялись презентации Института открытого общества (г. Будапешт, А. Штокович), Фонда народонаселения ООН (г. Алматы, Г. Курмангалиева), в дискуссиях принимала участие представитель Фонда народонаселения ООН А. Елемесова. В состав участников Летнего университета входили представители из Казахстана, России, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Монголии. Из Усть-Каменогорска слушателями были Н.Л. Краснобаева, С.К. Уалиева, З.Н. Айтказина, Ф.С. Курманов. По окончании университета обучающиеся получили сертификаты, были изданы материалы научных проектов [3, 4].

В ходе обучения в летних университетах преподаватели и аспиранты разных специальностей: истории, географии, экономики, политологии, социологии и других, получили знания в области народонаселения у ведущих ученых из Казахстана, России, европейских государств и США. Между участниками были установлены научные контакты и дружественные отношения, которые способствовали расширению научного сотрудничества, выполнению совместных исследований, грантовых проектов и, как следствие, развитию открытости казахстанского общества.

По определению одного из главных организаторов летних школ по демографии и геодемографии в Чехии Томаша Кучеры, основной целью обучения в летних университетах должно стать внедрение демографии как самостоятельной дисциплины в вузовское образование. В этом направлении преподавателями ВКГУ г. Усть-Каменогорска проводилась многоплановая работа, действовала специализация по демографии. В 2000 г. была открыта специальность «социология и демография», в 2004 г. состоялся ее первый выпуск. Из двенадцати дипломированных социологов-демографов по специальности работают: Г. Алыбаева (в республиканском аналитическом центре), А. Бокашова, К. Слямова, А. Томирбеков (в городском и областном управлении), Г. Шериязданова (в областном статистическом комитете).

Известно, подготовка демографических кадров играет важную роль в становлении демографии как науки. В Казахстане в большинстве вузов демография преподается в качестве вспомогательной дисциплины. В ВКГУ им. С. Аманжолова демография была одним из основных предметов, по которой могли специализироваться аспиранты с последующим

присвоением им более высокой научной степени. В университете читались такие демографические курсы, как «Основы демографии», «Историческая демография», «Методы демографических исследований», «Экономическая демография», «История демографии», «Демографическая статистика» и т.д. Все это содействовало профессионализации демографии, ее актуализации и углублению знаний в области народонаселения.

Этнодемографические конференции. Одной из первых конференций демографического направления в Казахстане была научная конференция, организованная благодаря усилиям и под руководством профессора Н.В. Алексеенко, Всесоюзная конференция «Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане в XIX-XX вв.» состоялась 9-11 июля 1991 г. в г. Целинограде. Проведена была под эгидой Института истории, археологии и этнографии имени Чокана Валиханова Академии наук Казахской ССР совместно с Институтом истории Сибирского отделения АН СССР на базе Целиноградского государственного педагогического института имени Сакена Сейфуллина. По итогам конференции был издан сборник тезисов докладов и сообщений [5].

Названная научная конференция может считаться прообразом последующих тематических научных конференций по демографии в Восточном Казахстане. В период 1998-2005 г. в г. Усть-Каменогорск состоялось семь конференций с одноименным названием «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» при поддержке Малой Ассамблеи народов Восточного Казахстана. Руководителем и идейным вдохновителем всех конференций является доктор исторических наук А.Н. Алексеенко. Первые две конференции проходили на базе ВКГУ, в организации которых активное участие принимала проректор ВКГУ Л.В. Столярова. Третья, четвертая, пятая и шестая конференции состоялись на базе НИИ демографии ВКГУ им. С. Аманжолова. При проведении и организации четвертой конференции активное участие принял Карлов университет в Праге (Чехия), в пятой и последующих конференциях – Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул). Об успехе и творческом характере названных научных событий свидетельствует высказывание неоднократного участника конференций декана исторического факультета АлтГУ В.Н. Владимирова на заседании по подведению итогов конференции, в котором г. Усть-Каменогорск был назван «столицей демографической науки Казахстана». По результатам конференций издано шесть сборников [6-11].

Проведение демографических конференций способствовало популяризации демографических знаний, обмену опытом в изучении демографических процессов между преподавателями, аспирантами, стажерами и студентами. При этом интерес к проблемам народонаселения был проявлен со стороны представителей разных наук: политологов, историков, географов, экономистов, дизайнеров, архитекторов. Так, например, были подготовлены доклады о взаимосвязи демографических явлений с ди-

зайном одежды, влиянии этнодемографических процессов на архитектурный облик городов и т.п.

На первых конференциях особое внимание уделялось актуализации проблем демографии как среди населения, так и властных структур Восточно-Казахстанской области. В дальнейшем демографическая тематика имела более целенаправленный характер, что проявилось в профессиональном и качественном росте докладов в плане углубления демографических изысканий.

В материалах последующих конференций представлялись работы исследователей из стран ближнего и дальнего зарубежья: Белоруссии, Германии, Израиля, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Молдовы, России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Чехии, Эстонии. Доклады были посвящены проблемам воспроизводства населения, динамики возрастной структуры, миграционным и этническим процессам. В публикациях нашли отражение и результаты исследования о репродуктивных установках женщин ВКО, проведенного НИИ демографии; рассмотрены региональные характеристики процессов рождаемости и смертности. Интересны материалы российских, белорусских, украинских и казахстанских исследователей по миграции, где освещаются основные тенденции и общая характеристика миграционных движений, выявляются их причины и возможные последствия, предлагаются рекомендации по регулированию миграции. При этом используется содержательный массив статистической и социологической информации для выяснения проблем и адаптации мигрантов. Отдельные статьи посвящены вопросам этнической истории, представлены доклады по исторической демографии в материалах сборников. В ежегодных конференциях, начиная с первой, была представлена и немецкая тематика. Во всех конференциях активное участие принимает известный казахстанский исследователь немецкой тематики Л.А. Бургарт.

В целом проведение этнодемографических конференций стимулировало повышение исследовательского интереса к проблемам народонаселения и способствовало выходу восточноказахстанской демографической школы на новый уровень. Свидетельством тому стала организация в мае 2002 г. на четвертой международной конференции в г. Усть-Каменогорске Ассоциации демографов Казахстана. Основными направлениями ее деятельности были объявлены: повышение квалификации специалистов по демографии, организация международных летних школ, распространение научной информации, пропаганда демографических знаний, поддержка молодых исследователей в области демографии, выработка практических рекомендаций демографической политики.

15-16 мая 2004 г. в г. Уральске состоялась международная научно-практическая конференция «Реалии и прогнозы демографического развития Евразийского пространства». Ее организаторами выступили Ассоциация демографов Казахстана, Западно-Казахстанский областной Центр истории и археологии (Уральск), Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии (Москва), Центр изучения проблем вынуж-

денной миграции в СНГ (Москва), Миссия Международной Организации по миграции в Казахстане (Астана), Карлов университет в Праге (Чехия), Фонд Сорос-Казахстан (Алматы). В работе конференции приняли участие исследователи из стран ближнего и дальнего зарубежья. Непосредственно из Восточного Казахстана участвовала с докладами самая большая делегация в составе: А.Н. Алексеенко, З.Н. Айтказина, Н.Л. Краснобаева, Е.В. Тарасова, С.К. Уалиева. Цель конференции – осуществление научного обсуждения наиболее острых проблем демографического развития стран Евразийского пространства и поиск согласованных решений, направленных на минимизацию угроз для каждой страны и региона в целом. Также в рамках конференции состоялась презентация результатов научного проекта «Приграничная миграция в Казахстане: состояние, проблемы и перспективы», в подготовке которого приняли участие и восточноказахстанцы, и проведена отчетная конференция Ассоциации демографов Казахстана.

Следует отметить, что за последнее десятилетие резко расширилась география казахстанской демографической науки. При ее зарождении изучением демографической тематики занималась относительно небольшая группа казахстанских ученых. Сегодня демографические исследования ведутся почти во всех регионах Казахстана. При этом поддерживаются и расширяются научные связи, что нашло отражение не только в активном участии в конференциях, а также в подготовке научных отзывов и рецензий для защиты диссертаций, в качестве ведущих организаций в этом ключе наиболее активны контакты между городами Алматы, Караганда, Уральск, Усть-Каменогорск, Шымкент и др.

Одной из первых кандидатских диссертаций по исторической демографии из Восточного Казахстана была работа А.М. Мамырхановой [12], выполненная под руководством Н.В. Алексеенко, защита которой состоялась в г. Алматы, в диссоте Академии наук РК. Определенное значение для Востока Казахстана в оформлении научных исследований и представлении их в качестве кандидатских диссертаций сыграл Диссертационный совет по отечественной истории (истории Республики Казахстан) – 07.00.02, созданный в ВКГУ им. С. Аманжолова под председательством доктора исторических наук, профессора С.К. Илибаева. Именно в этом диссоте состоялись успешные защиты кандидатских диссертаций по исторической демографии восточноказахстанцев Г.И. Панковской, Ф.С. Курманова, С.К. Уалиевой, Ж.С. Аубакировой [13-16]. Кроме того, две защиты кандидатских диссертаций представителей восточноказахстанской демографической школы состоялись в России: Н.Л. Краснобаева в г. Барнауле, в диссоте АлтГУ; Е.В. Тарасова в г. Москве, в диссоте Института Африки РАН [17, 18].

Таким образом, объективное воздействие современных общественно-политических, социально-экономических и демографических изменений нашего государства определило становление и развитие демографической науки на Востоке Казахстана. Оно характеризуется проведением

многосторонних демографических исследований, расширением международного сотрудничества (организация летних школ по демографии и научных конференций), подготовкой профессиональных демографических кадров. Научные достижения демографической школы Восточного Казахстана признаны многими казахстанскими и зарубежными учеными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демографический паспорт ВКО / А.Н. Алексеенко, Н.В. Алексеенко, Г.В. Слугина, Ф.С. Курманов. – Усть-Каменогорск: НИИ демографии ВКГУ, 2002. – 108 с.
2. Политика народонаселения: настоящее и будущее. Четвертые Валентиевские чтения: Сб. докл. / Под ред. В.В. Елизарова, В.Н. Архангельского. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 388 с.
3. Молодые ученые о демографических проблемах в Казахстане: Сб. науч. ст. (по матер. Летнего университета Фонда Сорос-Казахстан). – Алматы: Раритет, 2000. – 144 с.
4. Сборник альтернативных программ по демографии (по матер. Межд. Летней школы по демографии). – Алматы: Раритет, 2002. – 80 с.
5. Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане в XIX-XX вв.: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. науч. конф. – Челябинск, 9-11 июля 1991 г. – 227 с.
6. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях в XX веке: Матер. межд. науч.-практич. конф. Усть-Каменогорск, 28-29 мая 1998 г. – Усть-Каменогорск: ВКГУ, 1998. – 81 с.
7. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Матер. межд. науч.-практич. конф. Усть-Каменогорск, 14-15 декабря 1999 г. – Усть-Каменогорск: ВКГУ, 1999. – 86 с.
8. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Матер. межд. науч.-практич. конф. Усть-Каменогорск, 6-7 апреля 2001 г. – Усть-Каменогорск: ВКГУ, 2001. – 174 с.
9. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Матер. 4-й межд. науч.-практич. демографич. конф. Усть-Каменогорск, 23-24 мая 2002 г. – Караганда, 2002. – 116 с.
10. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Матер. V межд. науч.-практич. конф. Усть-Каменогорск, 20-21 октября 2003 г. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004. – 364 с.
11. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов по материалам VI межд. науч.-практич. конф. Усть-Каменогорск, 27-28 ноября 2004 г. – Усть-Каменогорск, 2005. – Ч. 1. – 236; Ч. 2. – 236 с.
12. Мамырханова А.М. Казахское население между переписями 1897-1926 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Алматы, 1996. – 25 с.
13. Панковская Г.И. Формирование состава населения Восточного Казахстана (конец XIX – начало XX века): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Усть-Каменогорск, 2001. – 28 с.
14. Курманов Ф.С. Шығыс Қазақстан облысының халқы (1889-1999 жж.). Тар. ғыл. канд. ғылыми дәрікесін алу үшін дайынд. дис. автореф. – Өскемен, 2002. – 30 б.
15. Уалиева С.К. Семейно-брачные отношения в Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века (по материалам переписей 1897, 1926 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Усть-Каменогорск, 2003. – 30 с.

16. Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана (1979-1999 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Усть-Каменогорск, 2004. – 22 с.
17. Краснобаева Н.Л. Население Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
18. Тарасова Е.В. Миграционный обмен с Россией как фактор формирования этнического состава населения Казахстана (XVIII – начало XX века): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 2004. – 24 с.

Уалтаева А.С.

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1995-2004 гг.)

Миграция населения – индикатор и генератор изменений в обществе, один из самых многоаспектных социальных процессов, который оказывает, несомненно, влияние на оба процесса, определяющие уровень воспроизводства населения, – рождаемость и смертность. Миграция – диалектический процесс, и рассматривать его только в одной, негативной плоскости было бы абсолютно неправильным. С одной стороны, она помогает человеку выйти из состояния кризиса и решить экономические проблемы, но с другой – создает новые проблемы, связанные с необходимостью новой адаптации, сохранения традиционной культуры. Эти новые проблемы легче решают люди образованные, квалифицированные, которые значительно лучше подготовлены к адаптации в условиях возрастающей конкуренции рабочей силы и соответствующего образа жизни, обладают более высокой территориальной и профессиональной мобильностью. Как полагает большинство экспертов, в ближайшие годы и в последующем среди эмигрантов будут преобладать представители престижных профессий, люди высокой квалификации [1].

Опыт изучения миграции приводит к выводу, что наиболее важными показателями ее являются: число переселенцев, saldo миграции, состав переселенцев, интенсивность миграции, территориальная структура миграционных потоков, приживаемость новоселов. Эти показатели можно применять при изучении миграции населения как республики в целом, так и населенных пунктов. В данной работе мы рассмотрим основные показатели миграции Восточно-Казахстанской области за последние десять лет, используя материалы Агентства РК Управления статистики ВКО.

Наряду с естественными потерями населения, в области наблюдается миграционная убыль. За десять лет численность населения области уменьшилась на 196,2 тыс. чел. (на 12%), из них основные потери – в результате

миграции. В течение последних лет убыль от миграционных потерь стабилизировалась, составив в 1999-2002 гг. ежегодно 14-15 тыс., в 2003 г. – 10 тыс., в 2004 г. – 13 тыс., тогда как в предыдущие годы этот показатель варьировал от 28 до 48 тыс. чел. (табл. 1). Максимальное значение миграции в области отмечено в 1995 г.: валовой объем миграции в этом году достиг 124,2 тыс. чел. Затем она приняла тенденцию затихающей волны.

Таблица 1

Компоненты изменения численности населения ВКО, тыс. чел. [2]

Годы	Численность	Общий прирост	В том числе	
			естественный прирост	миграционный прирост
1996	1636,3	-46,7	1,6	-48,3
1997	1600,2	-38,1	-0,3	-37,8
1998	1562,3	-37,9	-2,0	-35,9
1999	1532,9	-29,4	-1,8	-27,6
2000	1516,8	-16,1	-1,7	-14,4
2001	1499,1	-17,7	-1,8	-15,9
2002	1482,5	-16,6	-1,9	-14,8
2003	1465,9	-16,6	-1,1	-15,5
2004	1455,4	-10,5	-0,4	-10,1
2005	1442,1	-13,3	0,1	-13,4

Коэффициент интенсивности прибытия с 1995 г. снизился с 2,9 промилле до 2,1 (на 27,6%) в 2004 г., выбытий – с 5,8 до 3,1 (на 46,6%). Следует отметить некоторый подъем мобильности населения с 2000 г. С этого периода ежегодно растет как коэффициент интенсивности прибытий, так и выбытий. Темп снижения выбытий опережает темп снижения прибытий и, как предполагается, через несколько лет эти показатели численно сравняются, изменив отрицательное saldo миграции на положительный результат (рис. 1).

Рис. 1. Коэффициенты интенсивности прибытий и выбытий (по всем потокам) [2]

Миграционные процессы вызывают негативные изменения качественного состава трудового потенциала. Удельный вес лиц, имеющих высшее, незаконченное высшее образование, за 2004 г. составил в потоке прибывших 17,7%, а в потоке выбывших 20,1%.

Анализ мигрантов 15-ти лет и старше в отношении уровня образования выявил, что в области с 1996 г. наметилась тенденция увеличения потерь лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (рис. 2).

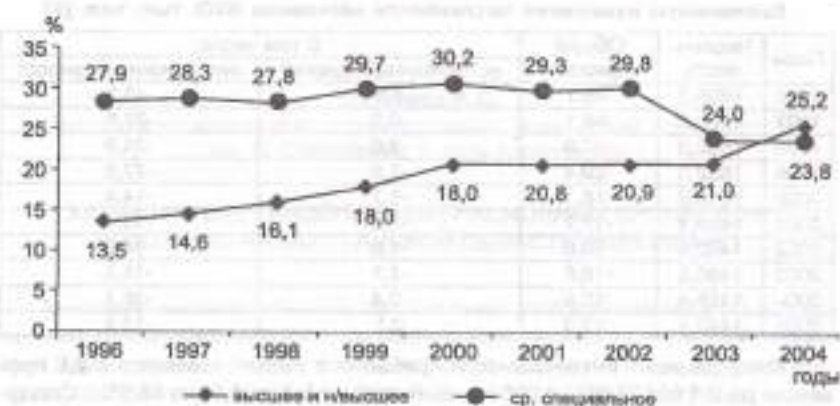

Рис. 2. Доля потерь мигрантов по образовательному уровню в общей убыли населения 15 лет и старше

Следует отметить, что в убыли населения в возрасте старше 15 лет наибольшая доля лиц с техническим (30%), экономическим (14%), педагогическим (13%), медицинским (7%), архитектурно-строительным (5%), юридическим и сельскохозяйственным образованием (по 4%).

Миграционные процессы формируют численность населения, его половозрастную структуру и соотношение экономически активного и неактивного населения. Как показывает анализ, женщины несколько мобильнее мужчин: в количестве мигрантов их число преобладает. Данный факт обусловлен численным превосходством женщин в половозрастной структуре населения. Необходимо обратить внимание на то, что убыль женщин фертильного возраста, а их большинство, может привести к негативным последствиям прежде всего в процессе воспроизводства населения (рис. 3).

Миграционные процессы вызывают негативные изменения качественного состава трудового потенциала. Обычно применяется общепринятое в экономике труда распределение по возрасту и полу на три группы: до трудоспособного возраста, в трудоспособном и после трудоспособного. Однако для исследовательских целей это мало подходит. Статистики проводят разработку этих данных по одногодичным и пятилетним группам.

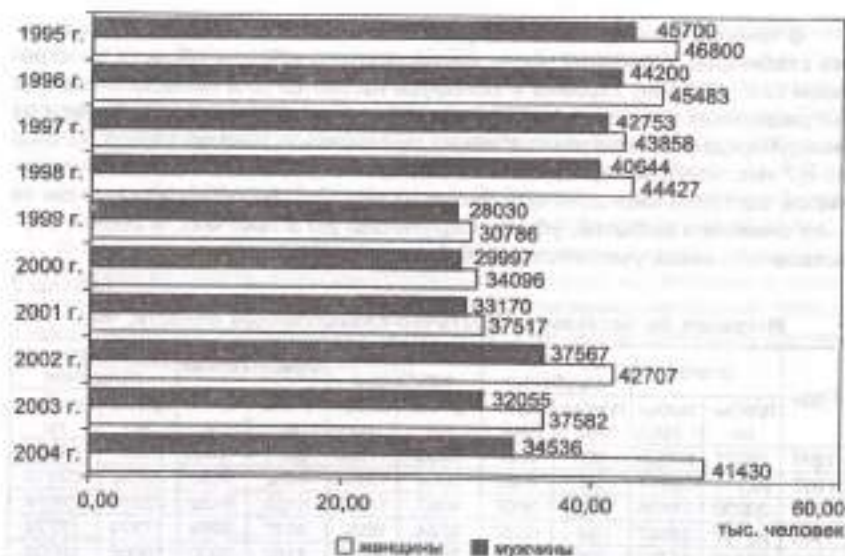

Рис. 3. Валовой объем мигрантов (прибывших и выбывших) по полу

Важно учитывать некоторые «переломные», с точки зрения миграционного поведения, точки. Так, пятнадцатилетние мигрируют во много раз интенсивнее четырнадцатилетних, поскольку в 15 лет большинство оканчивают основную школу, а в 16 лет – получают паспорта. Большое значение имеют возраст окончания средней школы и желание получения дальнейшего образования, призыв в армию и т.д.

За 2004 г. сальдо миграции населения моложе трудоспособного возраста составило 2319 чел. со знаком минус, 16,2% от общеобластных показателей миграции; трудоспособного – минус 10697 чел., 74,7% мигрантов; старше трудоспособного возраста потери составили 1298 чел., 9,1% от общей доли мигрантов области. За последние десять лет численность оттока населения моложе и старше трудоспособного возраста уменьшается, трудоспособного – увеличивается.

Своеобразным индикатором социально-экономических условий жизни населения является его брачная структура. Распределение мигрантов по их матримониальному статусу позволяет обоснованно прогнозировать демографические процессы в области и республике. Из общего числа эмигрантов 2004 г. в возрасте старше 15 лет состоит в браке 41,8%, никогда не состояло в браке 47,1%, вдов(цов) 5,9%, разведенных 5,2%. Среди иммигрантов соответственно: 39,4; 49,4; 6 и 5,2%. Сальдо прибывших брачных пар меньше, не состоявших в браке и вдовых больше.

В течение последних лет направления эмиграции и иммиграции весьма стабильны. Основная часть миграционного обмена области со странами СНГ. Россия, Украина и Беларусь являются для области странами миграционных оттоков, а Узбекистан и Кыргызстан – притоков. Потери от международной миграции стабильно снижались с 1995 по 1999 г. (с 24,3 до 8,7 тыс. чел.), за период с 2000 по 2002 гг. этот показатель вновь увеличился, составив ежегодно чуть более 10 тыс. чел. В 2003 г., в основном за счет снижения выбытий, убыль сократилась до 5 тыс. чел., в 2004 г. этот показатель вновь увеличился до 6,5 тыс. чел. (табл. 2).

Таблица 2

Миграция по потокам по Восточно-Казахстанской области, чел.

Годы	Всего		Дальнее зарубежье		Ближнее зарубежье		Межобластная		Внутри-областная	
	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло
1996	38021	59862	123	6054	5259	17668	8579	12089	24061	24061
1997	32111	55517	97	4322	3964	19964	4832	7896	23318	23318
1998	33236	51836	163	3602	4047	14937	5152	9422	23674	23674
1999	24189	38687	89	3262	3284	8832	3542	9299	17274	17274
2000	25836	41727	106	3071	2562	9750	4162	9900	19006	19006
2001	27798	42592	103	3272	2512	9474	4007	8970	21776	21776
2002	32487	47989	87	2703	2636	11003	4407	8926	25357	25357
2003	29737	39900	109	1756	2312	5662	4233	9399	23063	23063
2004	30826	45140	495	1401	1876	7517	4189	11956	24266	24266

Мигранты ближнего зарубежья при избрании места постоянного жительства в области предпочитают Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Глубоковский и Зырянский районы (от 12,3 до 30,0% прибывших в 2004 г.).

Заметным явлением в миграционных процессах последних лет стала эмиграция восточноказахстанцев за пределы стран СНГ. Совершенствование законодательства расширило возможности выезда: в начале 1990-х гг. область ежегодно покидало в среднем по 6 тыс. чел. К концу десятилетия процесс эмиграции практически стабилизировался и с 1996 г. имеет тенденцию к снижению. В 2004 г. поток выбытий в страны вне СНГ насчитывал 1,4 тыс. чел.

Основными странами приема восточноказахстанцев остаются Германия, Израиль и США, на долю которых приходится 99,5% выехавших за пределы СНГ. Среди эмигрантов преобладают жители Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Бородинского и Глубоковского районов, которые составляют 65,4% общего потока за пределы СНГ.

Следует отметить рост мобильности мигрантов дальнего зарубежья. Так, в 2004 г. в область прибыло 495 чел., что в 4,5 раза больше уровня 2003 г. Три четверти прибывших в 2004 г. из стран дальнего зарубежья ранее проживали в Китае (389 чел.), каждый девятый – в Монголии (54 чел.), каждый одиннадцатый в Германии (45 чел.).

Из числа прибывших из стран вне СНГ 13,9% отдали предпочтение жительству в Зайсанском районе, 12,7% – в Курчумском, 12,3% – в Кокпектинском, 10,9% – в г. Усть-Каменогорске, 10,3% – в Шемонаихинском районе, 9,7% – в Глубоковском районе, 7,3% – в г. Семипалатинске. Около 70% переселенцев из Китая предпочли г. Усть-Каменогорск, Зайсанский, Кокпектинский, Курчумский и Шемонаихинский районы; 66,7% из Монголии – Глубоковский, Жарминский, Зайсанский и Кокпектинский районы; 62,2% из Германии – г. Семипалатинск и Бородинский район.

Индикатором социально-экономических и политических изменений в обществе являются этнодемографические процессы, особенно в полиэтнической Республике Казахстан. По данным переписи населения 1999 г. в Восточно-Казахстанской области, главную этническую доминанту составляли следующие этносы (табл. 3).

Таблица 3

Состав доминирующих этносов ВКО в 1999, 2005 гг.

Этносы	По переписи 1999 г.		Начало 2005 г.	
	всего	в %	всего	в %
Казахи	743,1	48,5	746,7	51,8
Русские	694,7	45,4	620,1	43
Немцы	32,1	2,1	22,2	1,5
Татары	24,5	1,6	22,7	1,6
Украинцы	15,7	1,0	12,4	0,9

Изменение численности этносов области обусловлено в основном внешней и межобластной миграцией. Внутриобластные передвижения населения влияют лишь на этнический состав городов и районов области. Иммигранты представлены преимущественно русскими и казахами, эмигранты – русскими, казахами и немцами (табл. 4).

Таблица 4

Этнический состав миграционных потоков (по статталонам) в 1996-2004 гг. (сальдо миграции), чел.

Этносы	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Всего	21841	-23408	-18599	-13424	-14138	-14763	-15497	-10163	-14314
в том числе:									
казахи	-3531	-3149	-4273	-3373	-2682	-3089	-4335	-4508	-6117
русские	-12369	-15352	-10542	-6110	-7272	-7555	-8691	-4238	-6648
немцы	-5169	-3713	-2947	-2449	-2259	-2360	-1881	-1139	-936
украинцы	-341	-487	-292	-127	-200	-168	-178	-106	-180
татары	-178	-284	-188	-90	-125	-167	202	-126	-236
белорусы	-69	-115	-110	-42	-54	-47	-75	-8	-29
азербайджанцы	-16	-16	-5	6	6	-14	-13	-19	-5
узбеки	12	-22	0	-10	-5	1	-11	21	32
другие	-180	-258	-242	-1229	-1667	-1346	-111	-38	-196

Отток титульной нации Казахстана — казахов, с 1996 по 1999 гг. оставался стабильным (минусовое сальдо ежегодно от 3,1 до 4,3 тыс.). В 2000 г. намечается снижение потерь в миграционном обмене до 2,7 тыс. С 2001 по 2004 гг. вновь увеличивается отрицательное сальдо миграции казахов с 3,1 до 6,1 тыс. чел. В процентах от общего числа прибывших за 2004 г. казахи составили 60,2, выехавших — 48,2. Подвижность казахов в рамках внешней миграции незначительна. Основная часть оборота приходится на внутриобластные передвижения в направлении «село — город». Так, из всех прибывших казахов в 2004 г. 82% пришлось на данный поток, 14% — на межобластную и около 4% — внешнюю миграцию. Соответственно прибыло татар и украинцев 1,2 и 1,1%, выехало — 1,5 и 1,2%.

В Восточном Казахстане проживает значительная часть русского населения, основная масса мигрантов представлена ими. За период с 1996 г. отток русских достиг 78,8 тыс. чел. и составил за эти годы 53,9% от общей убыли всех национальностей. Наиболее интенсивно за последние 10 лет русские выехывали в 1996-1997 гг. Выбытие русских происходит главным образом в рамках миграционного обмена со странами ближнего зарубежья, в основном с Россией. В 2004 г. русских прибыло 32,7%, выехало 42,1% от общего миграционного потока.

Эмиграция немцев носит ярко выраженный этнический характер и ее особенность заключается в том, что представители этого этноса выезжают в основном за пределы СНГ. Так, в 2004 г. из выехавших в рамках международной волны 78,5% немцев избрали Германию, 21% — Россию, 0,5% — Украину и Беларусь.

Выезд русских в Германию обусловлен наличием в Восточно-Казахстанской области смешанных русско-немецких брачных пар. Данный факт подтверждается тем, что из числа выехавших в рамках внешней миграции русских 7,1% предпочли дальнейшим местом проживания Германию, а 91,2% — Россию.

Продолжается, хотя и очень незначительный, миграционный отток других этносов. За 2004 г. прибыло татар и украинцев 1,2 и 1,1%, выехало — 1,5 и 1,2% процентов в общем потоке мигрантов.

Доминирующим компонентом миграционной ситуации является внутренняя миграция населения: в общем потоке прибытий внутренние передвижения ежегодно занимают более 90%.

Реализация социально-политических и экономических реформ в Казахстане в 1990-е гг. была причиной изменений в развитии внутриреспубликанских миграций. Прежде всего, наблюдается сокращение мобильности населения: в 2004 г. по сравнению с 1995 г. число переселений восточноказахстанцев внутри республики сократилось на четверть (на 14,3 тыс. или на 26,1%). При этом более быстрыми темпами уменьшались объемы межобластной миграции (на 36,6% за тот же период), объемы внутриобластных перемещений — на 17,1%.

В рамках межобластной миграции наибольший обмен восточноказахстанцев отмечается с городами Астана, Алматы, Алматинской и Павлодар-

ской областями, что обусловлено территориальной близостью этих регионов, а также стремлениями населения в плане профессионального роста.

В 1990-е гг. наметилась тенденция миграционных потоков в пользу внутриобластных. Их доля во внутренних переселениях повышается. Так, если в 1994-1996 гг. удельный вес внутриобластных перемещений составлял 51-54% в объеме внутриреспубликанской миграции, то в 1997-2004 гг. этот показатель возрос до 60-65%.

Среди регионов Казахстана Восточный Казахстан характеризуется высокой миграционной подвижностью населения в пределах области, доля внутриобластной миграции в республиканском объеме, составляя 12,7% (в других регионах — от 1,2% в Атырауской до 12,9% в г. Алматы), занимает второе место.

Положительное сальдо внутриобластной миграции в 2004 г. отмечалось в г. Семипалатинске (6635 чел.), Глубоковском районе (1097), г. Усть-Каменогорске (819), г. Риддера (333), г. Курчатове (114) и Зырянском районе (137).

Во внутриобластной миграции сельское население участвует более активно, чем городское. Так, в 2004 г. из городов и поселков городского типа выехало 9,5 тыс. чел., а из сел — 14,8 тыс. В селах отмечен отток в результате внутриобластных перемещений — 7,3 тыс. чел., в городах, напротив, увеличение на ту же величину.

Миграционные потери несут, в основном, села и поселки городского типа, население которых переселяется в промышленно развивающиеся малые города, районные административные центры, а также города Семипалатинск и областной центр Усть-Каменогорск. Основная мотивация данного направления — преимущества в трудоустройстве, более развитая социальная сфера, возможность получения высшего и среднего специального образования.

Таким образом, численность населения области ежегодно уменьшается, причем основные потери — в результате миграционных оттоков. Тем не менее в период с 2000 г. убыль от миграционных потерь стабилизировалась, сальдо миграции приближается к нулевой отметке.

Как показывает анализ, женщины несколько мобильнее мужчин: в количестве мигрантов их число преобладает. Данный факт обусловлен численным превосходством женщин в половозрастной структуре населения. Вместе с тем в вузах области в настоящее время ведется подготовка в основном экономических, педагогических и гуманитарно-социальных специальностей, что сейчас и в дальнейшем может повлиять на потребность в квалифицированных технических работниках.

Анализ прошедших лет выявил, что из числа выехавших наиболее мобильно население прогрессивных возрастных структур: 16% детей и подростков до 16 лет и 78% — в трудоспособном возрасте. Из прибывших дети и подростки составляют 14%, в трудоспособном возрасте — 79%.

Большое значение при изучении миграции имеет распределение переселенцев по местам выхода, как по типам поселений, так и по терри-

тории. К сожалению, в статистике миграции все поселения делятся всего на два типа: городские и сельские; при изучении миграции часто целесообразно выделение подтипов. В некоторой мере это можно сделать по первичным материалам учета переселений.

Территориальная структура переселенцев в населенные места разных районов обычно очень сильно зависит от расположения объекта исследования. Как правило, чем ближе обменивающиеся населением районы, тем интенсивнее миграция между ними. Существенное значение имеют обычно также этнические факторы, специализация поселений и т.д. Сравнение территориальных структур переселенцев — эффективный путь выдвижения гипотез о причинно-следственных связях миграции населения.

Статистика миграции не позволяет получить профессиональные, квалификационные и показатели приживаемости новоселов (отношение чисел оставшихся в местах заселения через определенные периоды после заселения: год, три года, пять лет и т.д.). Эту работу необходимо вести по первичным данным.

В межобластном обмене миграционные потоки направляются с юга на север (не считая Алматы и столичной области). Различия миграции по областям обусловлены неодинаковыми темпами экономического развития каждой из областей республики, степенью остроты дефицита рабочей силы, особенно в промышленности.

Миграционная ситуация в Казахстане и области определяется Евразийским процессом и, в первую очередь, сменой континентальных движений населения с направления Европа — Азия на направление Азия — Европа. Данная смена направления будет действовать в течение нескольких веков, что определяет долгосрочную перспективу миграционных процессов во всех евразийских странах, включая Казахстан и Восточно-Казахстанскую область.

Проявлением континентального миграционного процесса стал нарастающий отток жителей европейских национальностей из области, особенно русских, немцев, украинцев, белорусов, поляков, и увеличивающийся приток казахов (из республик Средней Азии, России, Монголии), а также узбеков, китайцев, корейцев и других азиатских наций и народностей. В течение последних лет сохраняется относительный баланс потоков, однако отрицательное сальдо миграции по области приближается к нулевой отметке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Переваденцев В.М. Методы изучения миграции населения. — М., 1975.
2. Статистика Казахстана (1920-2005 гг.) / Агентство РК по статистике. Управление статистики ВКО. — Усть-Каменогорск, 2005.
3. Текущий архив Государственного комитета по статистике и анализу РК. — Ф. 698. — Оп. 2847. — Л. 13.

Филиппова О.В.

ГУ «Научно-исследовательский институт статистики Министерства статистики и анализа Республики Беларусь»

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВСТУПИВШЕГО В БРАК НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ ЗА 1989-2004 гг.

Период существования Республики Беларусь как самостоятельного государства отмечен серьезными преобразованиями во всех сферах жизни общества. Кардинальные изменения в социально-экономической системе, политическом и культурном развитии не могли не затронуть воспроизводство населения. Как социально-демографический процесс брачность включена в воспроизводство населения, находясь в тесной взаимосвязи с его (населения) качеством. Быстрые изменения в matrimonialном поведении на протяжении 1990-х гг. и в начале нового века очевидны, важность и актуальность исследования структурно-функциональной трансформации процесса образования супружества определяются ее сопряженностью с перспективами демографического, социального, культурного и в целом общественного развития. В демографической науке ключевыми характеристиками населения, вступившего в брак, служат пол, возраст и брачный статус.

Возраст вступления в брак является индикатором брачного поведения и выступает как категория не только демографическая, но и социальная. Распределение численности вступивших в брак в 2004 г. по возрастным группам показывает, что большинство — более 2/5 — браков заключается в 20-24 года (табл. 1 и 2). Вторая по величине доли браков возрастная группа — 25-29 лет (каждый 4-5 брак). Однако если у женщин третье значение удельного веса браков «припадает» на 16-19 лет, то у мужчин — на 30-34 года. Подавляющее число браков (3/4) регистрируется в наиболее молодых и молодых возрастах (к самым молодым возрастам относятся группы 16-19 лет, к молодым — группы 20-24 года и 25-29 лет, к средним — группы 30-34 года и 35-39 лет, к старшим — группы 40-44 года и 45-49 лет).

Возрастное распределение чисел вступивших в брак в зависимости от его очередности различается. Так, среди вступивших в первый брак мужчин 53,0% было в возрасте 20-24 года и 30,4% в возрасте 25-29 лет; среди вступивших в брак повторно наиболее велик удельный вес 30-34-летних (20,0%), при этом существен он и в 25-29 лет (14,3%), и в 35-39 лет (16,3%). 57,2% женщин, вступивших в первый брак, находились в возрасте 20-24 года, 19,3% — в возрасте 16-19 лет. Так же как и у мужчин, возраст, в котором в первый и в повторный брак вступает большинство, у женщин не совпадает: по 1/5 повторных браков приходится на 25-29 лет и 30-34 года. Велика доля вступивших в повторный брак женщин и 35-39 лет (14,6%). Доли вступающих в брак мужчин выше удельного веса вступающих в брак женщин, начиная с 25-29 лет для первых и 35-39 лет для повторных браков.

Таблица 1
Распределение численностей вступающих в брак мужчин по возрастным группам в 1989-2004 гг., % к итогу

Возраст, лет	Все браки					Первые браки					Повторные браки				
	1989	1994	1999	2004	1989	1994	1999	2004	1989	1994	1999	2004			
16-19	4,1	6,0	4,1	3,1	5,2	7,7	5,6	4,1	0,0	0,1	0,0	0,0			
20-24	52,6	52,7	45,2	40,8	64,5	65,1	59,2	53,0	7,4	8,6	9,0	2,5			
25-29	22,1	19,1	23,8	26,5	21,9	18,6	25,2	30,4	22,8	20,7	19,7	14,3			
30-34	8,5	8,6	9,7	10,6	5,2	5,2	6,8	7,6	21,0	20,7	20,9	20,0			
35-39	4,1	4,7	6,3	5,6	1,5	1,7	2,3	2,5	14,0	15,4	17,9	16,3			
40-44	2,3	2,6	3,9	4,4	0,5	0,6	0,8	1,1	9,2	10,0	12,6	14,9			
45-49	1,5	1,8	2,4	3,1	0,2	0,2	0,4	0,5	6,4	7,2	8,3	11,1			
50-54	1,5	1,2	1,6	2,1	0,2	0,2	0,2	0,2	6,5	4,7	5,3	7,8			
55-59	1,0	1,3	1,0	1,4	0,2	0,2	0,1	0,2	4,2	5,2	3,3	5,1			
60 и старше	2,3	2,0	2,1	2,2	0,6	0,5	0,4	0,4	8,5	7,4	7,0	8,0			
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0			

Таблица 2
Распределение численностей вступающих в брак женщин по возрастным группам в 1989-2004 гг., % к итогу

Возраст, лет	Все браки				Первые браки				Повторные браки			
	1989	1994	1999	2004	1989	1994	1999	2004	1989	1994	1999	2004
16-19	26,2	30,1	21,0	14,8	32,6	37,8	27,9	19,3	0,7	1,2	0,4	0,1
20-24	41,3	40,2	43,0	46,4	48,4	46,9	53,4	57,2	13,0	15,4	11,9	7,3
25-29	14,3	11,8	15,3	17,5	12,0	9,5	12,8	18,8	23,5	20,2	22,8	19,8
30-34	7,1	6,6	7,1	7,8	3,7	3,1	3,1	3,9	20,6	19,6	19,0	20,2
35-39	3,7	3,8	4,8	4,4	1,3	1,1	1,3	1,2	13,4	14,1	15,5	14,8
40-44	2,0	2,4	3,2	3,3	0,4	0,5	0,5	0,6	8,3	9,6	11,1	11,9
45-49	1,3	1,6	2,1	2,6	0,3	0,2	0,3	0,4	5,7	6,7	7,3	10,2
50-54	1,5	1,1	1,3	1,7	0,3	0,2	0,2	0,2	6,0	4,4	4,6	6,7
55-59	0,9	1,0	0,8	1,0	0,2	0,1	0,1	0,1	3,5	4,4	2,8	3,8
60 и старше	1,7	1,4	1,4	1,5	0,8	0,6	0,4	0,3	5,3	4,4	4,6	5,2
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, во-первых, наибольшее число первично брачующихся — лица молодого возраста, и брачность женщин более ранняя; во-вторых, в сопоставлении с первыми браками распределение численности вступающих в повторный брак более растянуто по возрастной шкале и смещено по ней вниз, охватывая в основном вторую половину интервала молодых возрастов и средние возрастные группы. Указанные растянутость и смещенность в возрастном составе повторных браков вызваны некой продолжительностью брачной жизни, предшествующим заключению повторного брака некоторым интервалом внебрачной жизни и неполной компенсацией распада первых браков повторными.

За период 1989-2004 гг. распределение численностей мужчин и женщин по указанному признаку подверглось изменениям (табл. 1 и 2). К середине 1990-х гг. по сравнению с концом 1980-х гг. незначительно возросли доли мужчин, заключивших первый брак в возрастах моложе 25 лет и старше 35 лет. В течение второй половины 1990-х гг. в первых двух возрастных группах, а также в самых старших возрастах удельный вес первых браков сократился. Данные изменения совпадают по своей направленности со сдвигами в возрастном распределении численности первобрачных мужчин, произошедшими за межпереписной период, за который доля вступающих в первый брак в 20-24 года понизилась с 64,5 до 59,2%, в 25-29 лет повысилась с 21,9 до 25,2%; вообще, межпереписное повышение удельного веса затронуло возрастной интервал 25-49 лет и продолжилось в первой половине 2000-х гг. В результате обозначенной тенденции за 1989-2004 гг. доля первых браков в 20-24 года снизилась с 2/3 до 1/2, в 25-29 лет возросла с 1/5 до почти 1/3.

Женщины, вступающие в первый брак в возрасте 16-19 лет, составляли в 1989 г. 32,6% от общего числа первобрачных; к 1994 г. этот удельный вес повысился до 37,8%, доля вступающих в первый брак в молодых и средних возрастах сократилась. К 1999 г. в сопоставлении как с 1989 г., так и 1994 г. удельный вес заключающих первый брак в самом молодом возрасте заметно сократился (до 27,9%). Рост значений анализируемого показателя имел место в молодых возрастах: за межпереписное десятилетие отмечается увеличение доли вступающих в первый брак женщин в 20-24 года с 48,4 до 53,4%, в 25-29 лет — с 12,0 до 12,8%. Как и у мужчин, обозначенные межпереписные изменения и смещения в возрастной структуре первобрачных женщин в начале нового десятилетия одновекторны. В итоге, за 1989-2004 гг. удельный вес 16-19-летних в числе женщин, оформивших супружество впервые, сократился с 1/3 до 1/5, 20-29-летних — увеличился с 3/5 до 3/4.

В отношении возрастного распределения числа повторных браков следует отметить повышение за исследуемый период их удельного веса преимущественно в средних и старших возрастах, при этом возраст максимальной доли вступающих в повторный брак сместился с 25-29 лет на 30-34 года. Это, безусловно, сопряжено с изменениями возрастной структуры впервые брачующихся в сторону более старших возрастов.

Обобщенной характеристикой распределения совокупностей мужчин и женщин по рассматриваемому признаку выступает средний возраст вступления в брак. Как видно из табл. 3, в первой половине 1990-х гг. средний возраст вступления в первый брак снижался, во второй половине 1990-х гг. и начале нового десятилетия в динамике показателя просматривается противоположная тенденция. Колебания среднего возраста вступления в повторный брак в первой половине обозначенного периода «перешли» в устойчивый рост во второй его половине. Приведенные расчеты произведены на основе абсолютных данных о распределении заключающих брак по возрасту и, как указанное распределение, испытывают зависимость от возрастной структуры бракоспособного контингента.

Таблица 3

Средний возраст аступления в брак в 1990-2004 гг., лет [1]

Годы	Первый брак		Повторный брак	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1990	23,9	22,0	37,7	35,9
1991	23,8	21,9	37,6	35,4
1992	23,7	21,8	37,9	35,9
1993	23,6	21,7	37,6	35,3
1994	23,7	21,7	37,6	35,4
1995	23,7	21,6	38,0	35,2
1996	24,0	21,9	38,0	35,8
1997	24,2	22,1	37,6	35,3
1998	24,3	22,1	37,6	35,2
1999	24,4	22,2	37,8	35,5
2000	24,5	22,3	38,6	36,2
2001	24,6	22,4	38,6	36,2
2002	24,6	22,5	39,2	36,7
2003	24,9	22,7	39,3	36,9
2004	25,1	22,9	40,1	37,5

Отмеченную связь можно проследить с помощью данных табл. 4. К 1994 г. в сопоставлении с 1989 г. увеличилась численность населения в самой молодой возрастной группе, что, вероятно, повлияло на увеличение доли лиц данной группы в возрастном составе брачующихся. В молодых возрастах численность населения в целом сократилась, что, очевидно, отразилось на слабом снижении доли заключающих браки в этих возрастах. Кроме того, «омоложение» брачности до середины 1990-х гг., по всей вероятности, подтверждает инертность сложившихся в течение длительного времени норм и стереотипов брачного поведения, ориентирующих на всеобщее и раннее вступление в брак.

В 1999 г. в сравнении с 1994 г. отмечен рост численности населения в первых двух группах, численность 25-29-летних мужчин сохранилась на прежнем уровне, 25-29-летних женщин – несколько снизилась. Однако у мужчин удельный вес браков, заключаемых до 25-летнего возраста, снизился, а в возрастной группе 25-29 лет, напротив, повысился. У женщин

Таблица 4

Численность населения Беларуси в бракоспособном возрасте до 40 лет в 1989-2004 гг., чел.

Возраст, лет	мужчины				женщины			
	1989	1994	1999	2004	1989	1994	1999	2004
15-19	355	370	406	417	350	363	385	399
	980	787	662	188	906	752	366	352
20-24	349	349	359	412	356	347	350	395
	926	834	863	149	811	448	170	515
25-29	431	343	344	361	425	351	344	352
	961	225	201	252	230	233	587	562
30-34	419	424	349	340	417	423	354	346
	103	342	636	865	940	606	901	145
35-39	360	414	415	334	364	420	423	345
	725	918	634	865	831	836	370	974

Примечание: данные за 1989 и 1999 гг. приведены по результатам переписей населения, данные за 1994 и 2004 гг. представлены среднегодовой численностью населения.

доля браков также сократилась в самых молодых возрастах, вопреки увеличению бракоспособного контингента; удельный вес браков в 25-29-летнем возрасте возрос при снижении численности лиц данной возрастной группы. Сильное снижение численности затронуло возрастную группу 30-34 года, однако доля браков в ней не подверглась серьезным изменениям. В итоге за межпереписное десятилетие численность мужчин двух первых возрастных групп увеличилась, в возрасте 25-29 лет и средних возрастах – сократилась, при этом доли браков в основном снизились и выросли соответственно. У женщин за 1989-1999 гг. отмечено увеличение численности лиц самой молодой возрастной группы, в молодых и средних возрастах произошло сокращение числа лиц этого пола; доля браков женщин в 16-19-летнем возрасте снизилась, в молодых и средних возрастах – главным образом увеличилась. «Взросление» численностей аступивших в брак при омоложении структуры населения в рассматриваемом бракоспособном возрасте имело продолжение и после 1999 г. – к 2004 г. в сопоставлении с 1990-ми гг. «укрепился» удельный вес браков, заключаемых старше 20 и 25 лет (женщинами и мужчинами соответственно).

Разнонаправленные изменения возрастной структуры населения и распределения числа браков по рассматриваемому признаку свидетельствуют в пользу реального сдвига брачности к более старшим возрастам. Откладывание браков на более поздний возраст, увеличение среднего возраста аступления в брак наряду с резким межпереписным падением интенсивности брачности лиц всех категорий брачного состояния и ростом окончательного безбрачия, отмеченным по таблицам брачности [2], являются следствием кардинальных социальных, экономических и культурных изменений в республике с начала исследуемого периода, в том числе нестабильности развития социально-экономической системы, роста индивидуализма, распространения в обществе новой модели брачно-

го поведения с диверсифицированной структурой форм брачно-семейных отношений. Популярность брачности без юридического оформления возрастает, хотя конкуренцию официально оформленным супружествам такие браки пока не составляют (5,4% всех браков по данным переписи 1999 г.). Однако распространенность незарегистрированных брачных союзов выше среди лиц первых двух возрастных групп, и если бы существовала возможность включения в определение возрастного состава брачующихся числа нерегистрируемых браков, то, вероятно, смещение среднего возраста и возрастного распределения численности вступающих в брак вниз по возрастной шкале было бы не столь очевидным.

Сочетание возрастов супругов при подборе брачных пар испытывает воздействие, прежде всего, структуры «брачного рынка» и брачных традиций. Разница в возрасте супругов в брачных парах — величина довольно устойчивая и изменяется под влиянием только чрезвычайных обстоятельств [3]. Многочисленными демографическими исследованиями установлено, что такая разница, как правило, невелика, составляя 2-3 года.

Большинство (около 3/5) 16-19-летних и 20-24-летних мужчин, заключивших браки в 2004 г., создали семьи со сверстницами; 1/4 мужчин в возрасте 20-24 года женились на женщинах моложе себя. Мужчины старше 24 лет в 60-70 случаях из 100 регистрировали браки с более молодыми женщинами; доля браков мужчин в возрастах 25 лет и старше с ровесницами (1/4) в несколько раз превышает таковую с более старшими партнершами. У женщин ситуация несколько иная. Наиболее молодые женщины в 2004 г. чаще выходили замуж за более старших мужчин (87,7%). В возрастах 20-24 года и 25-29 лет большинство браков женщины заключали со сверстниками (3/5 и 1/2 соответственно). В средних и старших возрастах доли браков по соотношению возраста невесты и жениха различаются нерезко — около 1/3 для каждого возрастного сочетания; при этом удельный вес женщин, создавших семью с мужчиной моложе, несколько ниже, чем в случаях, когда брачный партнер того же возраста или старше. Тем самым можно говорить о преимущественно меньшей значимости для женщин возраста супруга, чем для мужчин — возраста супруги.

Динамические сопоставления отразили отсутствие за 1989-2004 гг. резких сдвигов в возрастном сочетании в брачных парах. У мужчин при преимущественном сокращении доли браков с более старшими женщинами в основном снижался удельный вес браков с ровесницами и увеличивался — с более молодыми партнершами. Явно в разрез с указанной тенденцией происходили изменения в подборе брачных пар в первых двух группах: у 16-19-летних мужчин росла доля браков, где невеста старше, в 20-24 года — увеличивался удельный вес браков сверстников. У женщин при общем сокращении доли браков с более молодым партнером доля одновозрастных браков также, как правило, снижалась; удельный вес браков, где старше муж, напротив, преимущественно рос. Таким образом, за 1989-2004 гг. при общем сохранении структуры соотношения воз-

раста супругов в подборе брачных пар отмечено увеличение доли браков по схеме «муж старше — жена младше».

К числу критериев отнесения брачности к той или иной модели принадлежат характеристики структуры вступающих в брак в зависимости от его очередности, они дают представление о некоторых особенностях воспроизводства брачного состава населения. Соотношение чисел вступающих в первый и повторный брак за 1989-2004 гг. изменилось: если в 1989 г. каждый 4-й (табл. 5 и 6). Повторные браки преобладают в общем количестве брачных союзов в средних и старших возрастах, в которых доля ранее состоявших в браке превышает удельный вес никогда не состоявших в браке. Увеличение доли повторных браков за межпереписное десятилетие произошло практически во всех возрастных группах, в течение 1989-2004 гг. затронуло в основном средние и старшие возрастные группы.

Подавляющее большинство повторных браков — браки разведенных (88,9% у мужчин и 83,7% у женщин в 1989 г., соответственно 91,4 и 87,2% в 1994 г., 93,0 и 89,0% в 1999 г., 93,1 и 88,2% в 2004 г.); удельный вес браков вдовых велик только в старших возрастах. На протяжении 1989-2004 гг. и отдельно за межпереписной период отмечен рост доли браков разведенных в составе повторных браков, в том числе и по возрастным группам.

Сочетание брачного статуса в парах, зарегистрировавших брак в 1999 и 2004 гг., показывает, что уровень гомогенности по указанному признаку высок, составляя 4/5 всех браков (табл. 7). При этом на первые браки приходится 2/3 из числа всех заключенных браков (подавляющее число браков заключается в молодых возрастах, когда численность никогда не состоявших в браке превышает численность вдовых и разведенных).

Среди гетерогенных по брачному статусу особо выделяются союзы разведенных и никогда не состоявших в браке, удельный вес которых в общем числе браков даже выше, чем доля браков разведенных: в 2004 г. 16,2 и 12,6% соответственно. Обращает на себя внимание низкий удельный вес брачных пар, в которых по крайней мере один из супругов овдовел (численность вдовых наиболее велика в старших возрастах, когда интенсивность брачности незначительна, к тому же практически во всех возрастах частота брачности невелика). Вообще, около 1/3 браков регистрируется между лицами, из которых хотя бы одно ранее уже состояло в браке.

На основании сопоставления брачного состава в 1989 и 1999 гг., усиления «давления» повторных браков можно допустить, что авидный вес их браков (между собой, с лицами других брачных категорий) за исследуемый интервал повысился. Закрепившееся в обществе отношение к разводу как к социальной норме повлияло на степень предпочтения разведенных в качестве потенциальных брачных партнеров в сторону ее роста. Расширение распространения снятия пожизненности брачных

Таблица 5
Соотношение первых и повторных браков среди мужчин в 1989-2004 гг., % к общему числу браков

Возраст, лет	1989			1994			1999			2004		
	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных
16-19	98,9	0,1	75,0	99,6	0,4	86,7	99,7	0,3	71,4	99,9	0,1	100,0
20-24	97,1	2,9	87,7	98,4	1,6	97,5	97,1	2,9	96,6	99,5	1,5	99,5
25-29	78,6	21,4	98,0	76,2	23,8	98,5	78,5	21,4	98,4	87,0	13,0	98,7
30-34	46,9	53,1	97,6	47,4	52,6	97,4	44,5	55,5	98,2	54,2	45,8	98,2
35-39	28,8	71,2	95,7	28,5	71,5	95,8	26,8	73,2	97,2	31,5	68,5	97,8
40-44	17,3	82,7	93,5	16,3	83,7	93,5	16,4	83,6	94,1	20,1	79,9	95,4
45-49	12,7	87,3	88,1	9,9	90,2	89,5	11,4	88,6	92,2	14,3	85,7	93,3
50-54	10,5	89,5	77,3	12,3	87,7	83,5	9,9	90,1	86,4	8,9	91,2	89,0
55-59	12,1	87,9	65,9	10,7	89,3	76,5	10,2	89,8	79,1	9,1	90,9	84,7
60 и старше	22,0	78,0	40,2	17,8	82,2	52,4	13,8	86,2	59,3	12,4	87,6	63,3
16 и старше	79,3	20,7	86,9	78,1	21,9	91,4	74,2	25,8	93,0	75,8	24,2	93,1

Таблица 6
Соотношение первых и повторных браков среди женщин в 1989-2004 гг., % к общему числу браков

Возраст, лет	1989			1994			1999			2004		
	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных	первые браки	повторные браки	из них браки разведенных
16-19	98,4	0,6	92,3	99,2	0,8	91,7	99,5	0,5	86,1	99,8	0,2	100,0
20-24	93,7	6,3	95,7	91,9	8,1	96,2	93,1	6,9	95,3	96,2	3,8	95,5
25-29	67,2	32,8	93,8	63,9	36,1	94,0	62,7	37,3	95,4	73,2	26,8	95,6
30-34	41,5	58,5	90,6	37,6	62,4	91,6	33,0	67,0	93,0	38,4	61,6	93,4
35-39	27,9	72,1	87,2	23,2	76,8	90,0	19,7	80,3	90,2	20,7	79,3	92,4
40-44	18,3	81,7	81,6	15,7	84,3	85,0	12,6	87,4	87,3	14,8	85,2	88,6
45-49	15,2	84,8	70,6	11,1	88,9	77,1	10,6	89,4	80,9	10,4	89,6	82,0
50-54	17,7	82,3	61,2	11,6	88,4	72,7	10,4	89,6	77,1	7,9	92,1	74,5
55-59	20,8	79,2	49,3	11,2	88,8	64,0	9,5	90,5	70,8	9,8	90,2	71,9
60 и старше	37,7	62,3	37,7	33,2	66,8	52,4	20,9	79,1	61,4	17,0	83,0	58,0
16 и старше	80,0	20,0	83,7	75,9	24,1	87,2	75,0	25,0	89,0	76,3	23,7	99,2

Таблица 7

Соотношение брачного статуса супругов в 1999 и 2004 гг.,
% к общему числу браков

Брачные статусы супругов	1999	2004
Все браки	100,0	100,0
В т.ч. однородные	80,1	80,6
Из них: первые	65,7	67,4
браки вдовых	0,6	0,6
браки разведенных	13,8	12,6
гетерогенные	19,9	19,4
из них: браки никогда не состоявших в браке и вдовых	1,2	1,1
браки никогда не состоявших в браке и разведенных	16,6	16,2
браки вдовых и разведенных	2,1	2,1

обязательств, увеличение за 1989-2004 гг. (и за межпереписной период) доли ранее состоявших в браке (прежде всего, разведенных) в численности брачных когорт следует расценивать как подтверждение трансформации матримониального поведения населения.

Структура вступающих в брак по рассматриваемому признаку тесно взаимосвязана с неодинаковостью частоты брачности лиц разных категорий брачного статуса. Иными словами, различия в интенсивности брачности никогда не состоявших в браке, вдовых и разведенных, испытывая воздействие со стороны половозрастного и брачного состава населения, в свою очередь накладывают отпечаток на воспроизводство брачной структуры и распределение чисел браков в зависимости от предыдущего брачного состояния.

Таким образом, обозначенные тенденции изменений демографических характеристик вступившего в брак населения Беларуси на протяжении 1989-2004 гг. обусловлены социально-экономическими, социокультурными, демографическими факторами и сопряжены с распространением в обществе элементов нового типа брачности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Население Республики Беларусь: Стат. сб. – Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2005. – С. 135.
2. Филиппова О.В., Шахотнюк Л.П. Брачность в Республике Беларусь в конце XX века: анализ показателей таблиц брачности за 1988-1989 гг. и 1998-1999 гг. // Вопросы статистики. – 2003. – № 7. – С. 44-55.
3. Чуйко Л.В. Браки и разводы. – М.: Статистика, 1975. – С. 65.

Фоминих В.В.

Восточно-Казахстанский государственный Технический университет
им. Д. Сарикбаева, г. Усть-Каменогорск

ЭТНОЦЕНТРИЗМ – ENFANT TERRIBLE СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

За последние полтора десятка лет историческая мысль Казахстана оказалась прочно зажатой в тиски глубочайшего теоретико-методологического кризиса. Одним из его проявлений явился этноцентризм, деструктивные последствия которого до сих пор в полной мере не осмыслены, несмотря на то, что в некоторых современных публикациях констатируются определенные негативные тенденции в развитии исторического знания, вызванные этнизацией и субъективизацией «в восприятии прошлого» [1]. Чистосердечную озабоченность широким распространением этноцентризма и «ура-трайбализма» как «реальной опасности» «для современной историографии» выражает Б.Б. Ирмуханов [2, с. 63-64]. Увлечение «этническим романтизмом» подвергались критике на «круглом столе», состоявшемся в Алматы в начале 2004 г. [3].

Вместе с тем анализ этноцентристских построений, предпринимаемый казахстанскими авторами, не может считаться достаточным и исчерпывающим. Так, сужаются и даже деформируются первоисточники этноцентристских «эскапад», вина за появление которых перекладывается на «идеологически мифологизированную» советскую историографию, т.е. этноцентризм предстает как «противовес практике советского периода», как «способ преодоления» якобы «колониального (прошлого) сознания» [3]. Эти и подобные им резюме по существу оправдывают этноцентризм как средство найти «опору для национального самосознания», акцентируют внимание на вынужденности этноцентризма как «реакции на сознательные искажения и фальсификации, вершившиеся по указанию сверху в рамках узкопартийной методологии» [3]. Требуют уточнения и суждения о компенсаторных функциях этноцентризма, стремящегося удовлетворить «тоталитарные амбиции», находившие ранее «упоение в чувстве принадлежности к советской сверхдержаве и ее военной гегемонии», ведь общность и солидарность советских людей основывались не только и не столько на державности, «величине территории и военной мощи», но и на вековом историческом единении, интернационализме, гордости за многообразные достижения «реального социализма» и ощущении своей сопричастности к ним. Растерянность от развала СССР, унижение и попрание достоинства народов Союза, умноженные на духовно-идеологический вакуум и привитый «прорабами перестройки» комплекс неполноценности, стимулировали лихорадочные поиски «национальной идеи». Несожданное возникновение на исторической арене «неогосударств» актуализировало потребность в их легитимизации, обосновании своего

права на существование, а также претензий на повышение статуса в международном сообществе, жаланий занять далеко не последнее место в мировой «табели о рангах». Для этого требовалось зафиксировать преемственность, как реальную, так и мнимую, между прежней («истокской») и новой государственностью, максимально «удревнить» национальную историю, постулировать «приоритетность», «первородство» в различных сферах общественной жизни (в крайних формах те или иные этносы объявлялись основными и даже единственными носителями определенного «креативного начала»), т.е. сублимировать национальную историю, возвысить ее по отношению к истории других народов и государств, ведь этноцентристов с маниакальной настойчивостью «преследует мысль, что прошлое можно – и должно изменить» (Дж. Оруэлл). Этнология национал-романтизма неразрывно связана с этатизацией исторического сознания, проявляющейся на официальном уровне в утверждении идентичности и единонаправленности векторов национально-государственного строительства и интеллектуального освоения исторической реальности «по сути и по содержанию в своих целевых установках» [4], в признании статуса государствообразующей только за титульной нацией, популяризации высочайше одобренной гномы о «национальном духе» как «веществе истории» [5], т.е. этноцентристский «сепаратизм» приобрел не только приватный, но и общегосударственный охват. Именно поэтому академическая наука (в подавляющем большинстве) до недавнего времени хранила молчание и благодушно игнорировала гнилостное зловоние этноцентризма.

Генезису этноромантизма в немалой степени способствовала форсированная капитализация общественных отношений, размывшая и девальвирувавшая устоявшиеся нравственные ценности, генерирующая аморальность, стремление к эпатижности, к беспринципному передергиванию, домысливанию и элективности фактов, их замещению произвольно сконструированными квазифактами.

Недостатком современной критики этноцентризма является сужение круга его субъектов. По мнению Б.Б. Ирмуханова авторами опусов с этноцентристской начинкой выступают «по большей части не профессиональные историки, а энтузиасты-дилетанты, писатели, журналисты» [2, с. 203]. На упоминавшемся выше «круглом столе» острее критики было направлено главным образом на профанирующих творцов «альтернативной истории» (причем всего, на одного из самых одиозных ее представителей – К. Данирова).

Действительно, многие выходящие в этом «жанре» произведения (сочинения М. Магауина, М. Барманкулова, Б. Тогисбаева, того же К. Данирова и иные с ними) нацело лишены какой-либо научной методологии, представляют собой разновидность псевдоисторической беллетристики, хотя авторы и пытаются придать им некоторую наукообразность. Для таких сочинителей викторианское измерение прошлого реализуется через призму субъективистских, личностных представлений о качествах, кото-

рые должны составлять славу, величие и превосходство этноса, а потому трактуется нередко с противоположных позиций: так, если А. Абдаимов заявляет, «что казаки никогда никому по собственной инициативе не угрожали, ни на кого не нападали, не объявляли войну» [6, с. 380], то М. Магауин, напротив, всячески гиперболизирует военную силу и наступательную мощь «прозного улуса» – «Казахской Орды» [7].

Однако сегодня уже трудно не заметить, что багиллой этноцентризма заражены и многие, на первый взгляд, доброкачественные монографии и статьи, публикуемые во внешне солидных и респектабельных научных журналах, и, что особенно прискорбно, учебная литература. Предпринимаются энергичные попытки подвести под этноцентризм прочную методологическую базу. Наиболее адекватная воззрениям апологетов и прозелитов «теории» «национального духа» методология складывается на фундаменте идеологии евразийства, воспринимаемой, однако, в препарированном, оскотленном виде. Из нее безжалостно изгоняется едва ли не единственная позитивная сторона – вывод о России – СССР как уникальном суперсообществе, в границах которого выкристаллизовывалась «идея братства и естественной исторической близости между всеми разнообразными евразийскими народами» [8], а все внимание концентрируется даже не столько на востокоцентризме, сколько на номадоцентричности. Заимствованное из теории «пассионарности» суждение об этносе («части природы»), составляющем первооснову всех общественных явлений и институтов (т.е. социальное выступает здесь всего лишь дериватом биологического, производным от него), позволяет закрепить тезис об однозначно негативном воздействии «чуждых объектов», экзопланис «других этнических систем», которая «разрушает зависимый этнос». Поэтому значимостью и наивысшей ценностью обладают только «внутриэтнические связи», базирующиеся на «обмене веществом, энергией и информацией» и традициях, а изменения в жизни этноса «должны быть обусловлены внутренним развитием» [9]. При этом адептов механистической по сути «новой научной парадигмы» несколько не смущает то обстоятельство, что в недрах кочевых в своей основе социумов как раз «не существовало предпосылок для дальнейшего развития, для перехода... к высшим формам социальных отношений» [10], т.е. они находились на траектории инволюции или тулупового варианта эволюции. Согласиться с этим утверждением, а значит следовать диалектико-материалистическому пониманию истории для номадоцентризма принципиально не приемлемо, иначе придется констатировать отсутствие внутреннего динамизма, «экстраверсивность» способа производства, требующего периодического воспроизводства периферийных, архаичных форм хозяйствования, неразвитость инфраструктуры и рыночных форм интеракции, консервацию традиционных социальных институтов, превалирование вертикальных, командных связей, подчиненность индивидов таксономической субординации и системе патронатно-клиентelistических отношений, утрату импульсов к развитию. Номадоцентризм, область пересечения кото-

рого с этноцентризмом достаточно велика, напротив, идеализирует традиционное «корпоративное общество казахов», абсолютизирует «уникальность» и «самобытность» «номадных структур», преувеличивает их самодостаточность, динамичность, способность «к саморазвитию и совершенству (так у авторов – В. Ф.)», степень развитости «культурных традиций» [11, с. 199, 200], отрицает консервативность и стагнационный характер общественного возобновления опустошительных набегов, воспроизводства у номадов, не замечает за «укоренившимися традициями взаимопомощи соплеменникам» завуалированных форм кабальной эксплуатации и пр.

Иной составляющей номадоцентризма стала констатация исключительно благотворной и едва ли не определяющей роли кочевников не только в отечественной, но и всемирной истории. Причем, как смело открывают отдельные авторы, столь радикальный пересмотр кочевнической проблемы сопряжен с «провозглашением Казахстаном суверенитета и связанными с этим новыми социально-политическими реалиями» [12, с. 21], а если называть вещи своими именами, то – с кардинально изменившейся политико-идеологической конъюнктурой.

В фантазмагорическом паноптикуме номадоцентризма кочевники представлены в качестве ни больше ни меньше как творцов мировой цивилизации. Так, Ж. Артыкбаев ничтоже сумняшеся заявляет, что «скотоводческие народы Азии» оказали «на мир большее влияние, чем кто-либо другой где бы то ни было», заложили «начало человеческой цивилизации», аргументируя это утверждение тем, что скотоводы явились основоположниками зороастризма, названного почему-то «первой мировой религией» [13, с. 24]. Автор не только «деликатно» не замечает, что зороастризм сложился как «религия оседлых земледельцев и ремесленников», отражавшая «глубочайшие изменения в экономике и во всем укладе жизни», в «духовных воззрениях вчерашних степняков» [14], но и, вероятно, считает недостойными «звания» цивилизации возникшие намного раньше ее пространственно-временные разновидности – египетскую, месопотамскую, хараппскую, древнекитайскую, крито-миканскую и др. Воинствующий номадоцентризм в сущности отказывает некоему этносам в способности к самостоятельному социально-историческому творчеству, заключая, что именно кочевнические организмы оказали влияние на «становление государственности во многих регионах, в том числе и на Руси» [11, с. 78]. Однако и масштабы Руси уже оказались для номадоцентризма слишком мелкими и недостаточными. Он стремится придать авангардную роль кочевников чуть ли не планетарный размах: так, утверждается, что без участия «центрально-азиатских кочевых племен» был бы невозможен «выход Европы из кризиса, поразившего рабовладельческий способ производства... и перевод общества на феодальные рельсы» [13, с. 38]. Благотворная миссия кочевников не ограничивается, таким образом, только катализом политогенеза, а распространяется и на другие сферы социального бытия [12], в т.ч. на культуру. Кочевники проклами-

руются как основоположники практически всех письменных систем, произошедших будто бы от тамговых знаков (палочки, кружочка и треугольника) скотоводческих племен [15]. Кочевое жилище «со сферическим сводом» провозглашается «вершиной архитектурной мысли» [6, с. 378], т.е. выходит, что после юрты мировая архитектура уже ничего стоящего не создавала.

Неприятие номадоцентристами диалектического, конкретно-исторического подхода к познанию прошлого проявляется в идеализации даже самых катастрофических кочевнических нашествий, обширной диффузии монголофильских «концепций», не желающих признать, что вторжения монголов приводили повсеместно к разрушению и дегенерации и без того хрупких производительных сил, экстенсификации природных и трудовых ресурсов, деградации не только экономической, но и других социальных подсистем, насаждению организованного террора, ввергая завоеванные страны в состояние шок, от которого они долго не могли оправиться, выступая в качестве ингибиторов общественных процессов. Да и другие кочевники, в частности тюрки, несравненно более толерантно и комплиментарно настроенные в отношении подчиненных им оседло-земледельческих и городских оазисов, подвергали население последних нещадной эксплуатации. Как справедливо отмечают крупнейшие российские ориенталисты, «господство кочевников в странах Востока по своему характеру и последствиям, как правило, отличалось далеко не в лучшую сторону от более поздней европейской колонизации» [16]. Признавая этот факт, некоторая часть «любителей истории» стремится провести демаркационную линию между этноцентризмом и номадоцентризмом, решительно отмежевываясь от последнего, тщится убедить, что тюрки были связаны вовсе не со скотоводческой, а исключительно с оседло-земледельческой и городской культурой. В этом смысле весьма показательны «труды» «восхитительного историка» М. Аджи, с завидной регулярностью переиздаваемые в Казахстане.

Характерным атрибутом этноцентризма в республике стала контaminaция архаизации и модернизации истории казахов. Архаизация национальной истории означает ее искусственное удревнение, хронологическое «подтягивание» до наиболее древних мировых цивилизаций и даже удаление за их пределы вглубь тысячелетий. Так, стараниями А. Абдаюмова Казахстан произведен в историческую прародину человечества. По его утверждению энеолитическое поселение Ботай считается «самой древней стоянкой человека в мире», а его возраст определен в 53 тыс. лет [6, с. 73]. Другие авторы спешат объявить, что тюрки или, по крайней мере, «прототюрки» явились творцами древних цивилизаций – индской и эламской [17, с. 167-177, 325-329], причем заявляется, что они якобы превосходят «на добрую тысячу лет» старейшую из цивилизаций – египетскую [18]. Более того, утверждается, что в этих культурах «казахи впервые обрели себя» [17, с. 119]. Еще один сочинитель А. Бахти провозглашает казахов прямыми и

непосредственными потомками шумеров [19]. Да и государственные образования, существовавшие на территории Казахстана в древности, в частности Усунь, без обиняков причисляются к «древнеказахским» [6, с. 80]. Уже в первых строках неофициально переиздававшегося учебника А. Кузембайулы и Е. Абиля предмет истории Казахстана определяется как «история казахского народа с древнейших времен» [20, с. 3].

Вместе с тем отсутствие аутентичных материалов, долженствующих обосновать «супердревность» национальной истории, способствует активной интрузии в массовое сознание интерпретированных в духе этноцентризма мифов «священной истории», анонимических легенд и т.д. Если на заре казахстанского суверенитета вбрасывался в качестве пробного шара софизм о местожительстве библейского Каина — «прародителя» человечества — на территории казахстанского Алтая или Семиречья, превращенной таким образом в «прародину» «единоязыкового человеческого племени» [21], то в последние годы с истерической настойчивостью муссируется миф о кочевье пророка Ноя (Нуха), будто бы причалившем к южно-казахстанской горе Казыгурт во время «всемирного потопа». Схоластическая библейская легенда с позднейшими интерполяциями стала отправным пунктом для экскурсов Ж. Артыкбаева, поведавшего о том, что «история Казахского государства начинается с III тыс. до н.э.» [22], к которому произвольно отнесено время правления «первого хана казахов» Алаша.

Еще одной ипостасью этноцентризма выступает модернизация истории казахов, «осовременивание» отношений и институтов, присущих традиционному казахскому обществу, попытка воспринимать их в совершенно неприемлемых для них дефинициях. К примеру, уже упоминавшийся А. Абдаимов «обнаруживает» в анахроничных государственных структурах казахского общества «предтечу современной казахской государственности», «находит» в них «парламентскую систему управления» (которая у него, кстати, отождествляется с военной демократией), именует аристократические курултай, несколько сходные с феодальными сеймами, «асенародными собраниями и съездами», «коллегияльными сессиями кочевого парламента» [6, с. 127, 128, 135, 137]. Откровенно модернистский характер носит предлагаемая отдельными авторами эксцентричная теория «бийской революции», согласно которой в начале XVII в. Казахское ханство из централизованного унитарного государства трансформировалось в федеративное [20, с. 153, 165, 23]. Уже само приращение термина «революция» (хотя бы в политическом значении) к ультраконсервативным, традиционалистским, монархическим социумам совершенно недопустимо. К тому же в данной концепции явно прослеживается намерение, с одной стороны, идентифицировать ряд явлений казахской и европейской истории: «унитаризм» Казахского ханства синхронизирован с преодолением феодального партикуляризма и формированием централизованных унитарных государств в Европе. С другой стороны, здесь постулируется эфемерный приоритет в конституировании федеративной формы государственного устройства, поскольку пер-

вая из ныне существующих федераций появилась только в конце XVIII в. Столь же опрометчиво желание этноцентристов отсылать во властном полицентризме и сепаратизме «принципы правового государства», «систему сдержек и противовесов», развитое гражданское общество и пр. [24]. Другой автор всерьез повествует о «развитости» рыночных отношений в средневековом Казахстане [20, с. 54].

Происходящая в современных исторических условиях целенаправленная ретрансляция этноцентристских ценностей, прикрываемая маской «восстановления исторической памяти, формирования нового исторического и общественного мышления» и т.п., — совсем не созерцательный пассивизм и безобидный нарциссизм. Умело спекулируя на многочисленных социальных проблемах, этноцентризм выдвигает лозунг «Вперед, в прошлое» как спасительную панацею от неустойчивости современного бытия. Этнический традиционализм с его приматом национальных интересов и ценностей (в ультрарадикальном варианте требующий возрождения т.н. «генетических программ» — «этнической» религии (тенгризма), «национальной письменности» (руники), монополии казахского языка) легко преобразовывается в фундаментализм и экстремизм. Оценивая с позиций идеализации прошлого современные реалии, этноцентризм стоит на страже клановых интересов, оправдывает доминирование командных импульсов, препятствует подлинной демократизации и либерализации политической системы, содействует манипулированию общественным сознанием. Попытки строить жизнь по национальной идее академик Д.С. Лихачев назвал «опасной глупостью», ведущей к единомыслию, нетерпимости и террору. Несомненным атрибутом этноцентризма является ксенофобия, проявляющаяся прежде всего в антироссийских и русофобских измышлениях, искажениях истории казахско-русских отношений, политики Советского Союза в отношении казахов [25]. Понятие «русофильство» становится чуть ли не ругательным словом и ставится на одну доску с европоцентризмом [12, с. 22], пропагандируются уцербные тезисы о господстве в недавнем прошлом «коммунистическо-славянской империи» [26], низкопробные разглазгования о «неограниченной власти русского красного империализма», «желании властвовать» «у потомков господствовавших славян» [7, с. 9, 141]. Разумеется, подобные «откровения» обрекают национальную историческую мысль на маргинальность, вызывают отторжение иными историческими школами, порождают чувства дискомфорта, раздражения и возмущения у представителей других этносов, рождают «доверие между народами» [12, с. 266]. Этноцентристские подходы, отвергающие инновации, осуществляемые «извне», главным образом, советскую модернизацию казахстанского общества, трактуя его эволюцию в рамках российской и советской систем исключительно в мартирологическом ключе, враждебны идеям прогресса, апологизируют общественный регресс. Теории прогресса противопоставляется миф о геополитической и культурной исключительности Казахстана, его «мессианской» роли в современном миропорядке [27], претендующий на духовную эксклансию узконациональных идей в глобальном масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана: народы и культуры. — Алматы, 2001. — С. 6.
2. Ирмуханов Б.Б. Казахстан: прошлое и настоящее. Историко-публицистическое эссе. — Алматы, 2001.
3. Нурпеисова Г. Вариации на заданную тему, или Феномен альтернативной истории в свете научного знания // Казахстанская правда. — 2004. — 11 марта.
4. Уроки отечественной истории и возрождение казахстанского общества. — Алматы, 1999. — С. 33.
5. Кан Г.В. История Казахстана. — Алматы, 2000. — С. 196.
6. Абдыматов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). — Алматы, 2001.
7. Магауин М. Азбука казахской истории. — Алматы, 1997.
8. Гумилев Л., Ермолаев В. О книге д-ра Эренжол Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие» // Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. — Алма-Ата, 1992. — С. 8.
9. Абиля Е.А. Политическая организация кочевников Казахстана. Опыт системного подхода. — Астана, 2001. — С. 30, 86.
10. Андрианов Б.В., Марков Г.Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. — 1990. — № 8. — С. 14.
11. Берденова К.А., Коробков В.С., Ташенов Б.Т., Кривошлева О.М. Экономическая история Казахстана. — Алматы, 2001.
12. Момынов Ш. Роль и значение государства Улуг Улус в истории средневекового Казахстана // Отан тарихы. — 2001. — № 4.
13. Артыкбаев Ж.О. 12 лекций по истории Казахстана. — Астана, 2001.
14. Гуды-Марков А.В. Индоевропейцы Евразии и славяне. — М., 2004. — С. 237, 238.
15. Кшибеков Д., Кшибеков Т. Трансформация родовых эпитетов в буквы и цифры. О предпосылках их происхождения // Мысль. — 2000. — № 1. — С. 67-69.
16. Новая история стран Азии и Африки / Под ред. А.М. Радригеса. — М., 2004. — Ч. 1. — С. 17.
17. Барманкулов М. Хрустальные мечты тюрок о квадронации. — Алматы, 1999.
18. Жетписбаева Б.А. Тюркская литература X-XII вв. — Алматы, 2001. — С. 3.
19. Бакти А. Шумеры, скифы, казахи. — Алматы, 2002.
20. Кузембайулы А., Абиля Е. История Республики Казахстан. — Алматы, 1998.
21. Где жил Каин? На Алтае // Экспресс К. — 1992. — 12 февраля.
22. Артыкбаев Ж.О. Материалы к истории правящего дома казахов. — Алматы, 2001. — С. 3.
23. Абиля Е. История государства и права Республики Казахстан. — Астана, 2001. — С. 70, 72.
24. Нысанбаев А. Историческая практика защиты прав и свобод человека в Казахстане // Мысль. — 1999. — № 4. — С. 13, 15.
25. Такая власть нас не обличает (беседа с профессором В.А. Моисеевым) // СВЗ. — 2004. — 25 ноября.
26. Кинайт З. К переосмыслению монгольской эпохи в истории Казахстана // Отан тарихы. — 2003. — № 1. — С. 43.
27. Тархан Н. Евразийское видение // Мысль. — 2000. — № 1. — С. 27-29.

Хомя А.У.

Национальный институт проблем международной безопасности, г. Киев

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В СЕРЕДИНЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА (по данным текущего учета)

Исследование миграции населения между Украиной и Россией в 90-е гг. прошлого и в начале нынешнего столетия позволяет познать тенденции и закономерности трансформации миграции населения из внутренней (в пределах одной страны) во внешнюю (международную). Прозрачность границ обусловила эволюционный характер данной трансформации. Объединяющая функция границы, которая на современном этапе заменяет разделяющую, не может не отразиться на процессе трансформации внутренней миграции населения во внешнюю миграцию в украинско-российском приграничье после обретения Украиной независимости. Эволюционный характер трансформации миграции населения между бывшими союзными республиками из внутренней во внешнюю (международную) был одним из главных факторов того, что теоретические подходы и методы изучения продолжали использоваться в исследованиях качественно нового феномена — международной миграции. Устойчивость апробированных и адаптированных для изучения внутренней миграции теоретических подходов и методов не только тормозила формирование новых, но и оказывала содействие порождению мифов о современной миграционной ситуации.

Поскольку из всех стран на постсоветском пространстве население Украины проявляет интерес к России (остальная часть постсоветских стран, даже соседних, интересует население Украины существенно меньше [1]), то приравнивание Российской Федерации в разработанных таблицах по миграции (как в переписи населения 2001 г., так и в текущем учете в 1995-2004 гг.) к другим странам было поспешным, неоправданным. Во всяком случае, целесообразным было бы оставить практикуемое ранее оперирование субъектами федерации или, как минимум, использовать данные по федеральным округам. Повышение достоверности текущего учета миграции населения в Украине, как и в других возникших на территории Советского Союза странах, тормозилось практически полным отсутствием реального сотрудничества их статистических органов. Проблема сопоставления данных о миграции населения Украины имеет не только и не столько статистический, сколько социальный характер.

Сравнение коэффициентов притока (прибытия) населения из Российской Федерации в Украину, рассчитанных на базе данных текущего учета миграции и переписи населения, свидетельствует в целом об определенной достоверности данных о миграции населения. Как и следовало ожидать, значения коэффициентов прибытия населения из Российской

Федерации в Украину, рассчитанные на базе данных текущего учета миграции, были большими, чем рассчитанные на базе данных переписи населения (в 2000 г. — на 35,4%, в 1999 г. — на 10,9%). Лишь в Тернопольской и Хмельницкой областях отношения коэффициентов выбытия (оттока) населения, рассчитанных на базе данных текущего учета миграции и переписи населения, были обратными. Правда, в 1999 г. таких основных административно-территориальных единиц было значительно больше: Харьковская, Киевская (с городом Киевом), Днепропетровская, Тернопольская, Черниговская, Одесская, Николаевская, Полтавская, Хмельницкая, Винницкая, Сумская области. В Автономной Республике Крым (с городом Севастополем) в 2000 г. коэффициент прибытия населения из Российской Федерации, рассчитанный на базе данных текущего учета миграции, был в 1,93 раза большим соответствующего показателя, рассчитанного на базе данных переписи населения. Высокими (в 1,74 раза большими) были значения анализируемого показателя в Автономной Республике Крым (с городом Севастополем) и в 1999 г., однако они были не самыми высокими по сравнению с другими основными административно-территориальными единицами — в Черкасской области коэффициент прибытия населения из Российской Федерации, рассчитанный на базе данных текущего учета миграции, был в 1,85 раза большим коэффициента прибытия населения из Российской Федерации, рассчитанного на базе данных переписи населения.

Численность прибывших из России в Украину (как и численность выбывших из Украины в Россию) в динамике характеризуется достаточно четко выраженной тенденцией к снижению. В 2004 г. по сравнению с 1989 г. численность прибывших из России в Украину уменьшилась в 16,18 раза, численность выбывших из Украины в Россию — в 10,84 раза. Тенденция к снижению численности прибывших из России в Украину прерывалась лишь один раз, сразу после обретения Украиной независимости в 1992 г. Особенно значительным снижением анализируемого показателя было в 1994 г. по сравнению с 1993 г. (в 1,78 раза) и в 1993 г. по сравнению с 1992 г. (в 1,65 раза). Довольно весомый рост численности выбывших из Украины в Россию по сравнению с предыдущим годом наблюдался в 1993 г. и 1994 г., что также в значительной мере было связано с обретением Украиной независимости. Существенное уменьшение численности выбывших из Украины в Россию было в 1999 г. по сравнению с 1998 г. (в 1,6 раза), в 2002 г. по сравнению с 2001 г. (в 1,43 раза), в 1998 г. по сравнению с 1997 г. (в 1,43 раза) и в 1997 г. по сравнению с 1996 г. (в 1,42 раза). Приток населения в Украину в первые годы после распада Советского Союза большинством исследователей объясняется тем, что населению не было полностью гарантировано наследование основных гражданских прав при переселении между бывшими союзными республиками, вызвавшее панику среди тех, кто переселился в другие союзные республики, и спровоцировало обратные потоки из-за боязни навсегда

потерять возможность получить гражданство на родине [2]. А.В. Топилин высказывается более категорично: в условиях сложного взаимодействия многих факторов миграции влияние ее классических детерминант (урбанизация, рынок труда) в начале 1990-х гг. резко упало и на первый план выдвинулся этнический фактор, который обеспечил довольно большой по величине миграционный прирост населения Украины [3].

Значениям удельного веса прибывших из России и выбывших в Россию в общем числе прибывших и выбывших в 1992–2004 гг. была присуща чрезвычайно четко выраженная тенденция к снижению. Доля миграционного оборота населения между Украиной и Россией в общем миграционном обороте населения Украины уменьшилась в 2004 г. по сравнению с 1992 г. в 6,92 раза. Особенно высокими темпы снижения данного показателя были в 1998 г. по сравнению с 1997 г. Тенденция к снижению коэффициента миграционного оборота населения Украины и России (именно на основе ее можно делать суждение о трансформациях внутренней миграции в пределах одной страны (Советского Союза) в международную (внешнюю) между отдельными суверенными государствами — Украиной и Российской Федерацией) наблюдалась во все годы анализируемого периода (1989–2004 гг.), она лишь слегка была нарушена в 1992 г. Ускоренными на общем фоне темпами снижения коэффициента миграционного оборота населения Украины и России происходило в 1996–1998 гг.

В начале 1990-х гг. сальдо миграционного обмена населения Украины с Россией, как и в 1980-х гг.¹, было положительным. Больше того, в динамике сальдо миграции населения Украины и России до 1993 г. характеризовалось четко выраженной, с высокими темпами роста, тенденцией к росту. В 1992–1993 гг. имело место резкое снижение величины сальдо миграции населения Украины и России. С 1994 г. оно (сальдо) стало отрицательным. После 1994 г. снова наметилась тенденция к росту величины сальдо миграции населения Украины и России (к уменьшению отрицательных значений), которая сохранялась до 1999 г. Особенно ощутимым был рост сальдо миграции населения Украины и России в 1999 г. по сравнению с 1998 г. (в 6,2 раза), в 2004 г. по сравнению с 2003 г. (в 2,75 раза), в 1997 г. по сравнению с 1996 г. (в 1,81 раза) и в 1995 г. по сравнению с 1994 г. (в 1,71 раза).

В 1989–1992 гг. при положительных значениях сальдо миграции населения Украины и России происходил рост его удельного веса (условность расчета удельного веса в распределении с положительными и отрицательными значениями сомнения не вызывает, однако такой расчет

¹ Утверждение, что в 1994 г. сальдо миграции населения между Украиной и Россией всегда было положительным [4], является излишне категоричным. В отдельные годы, в частности в 1981 г. и в 1986 г., согласно данным статистической отчетности миграционное сальдо Украины в обмене с Россией было отрицательным, правда, незначительным по величине (в 1981 г. — 13,6 тыс. чел., в 1986 г. — 6,8 тыс. чел.).

допустим при однозначных (положительных, отрицательных) значениях показателей обеих совокупностей) в общем сальдо миграции населения Украины: с 19% в 1989 г. (14,2% в 1979-1988 гг.) до 57,5% в 1992 г. В 1994-1999 гг. при отрицательных значениях сальдо миграции населения Украины и России динамика удельного веса сальдо миграции населения Украины и России в общем сальдо миграции населения Украины характеризовалась обратной (к снижению) тенденцией. Значения анализируемого показателя уменьшились с 86,9% в 1994 г. до 12,4% в 1999 г. В дальнейшем снова наметился рост доли сальдо миграции населения между Украиной и Россией в составе общего сальдо миграции населения Украины, причем в начале периода (сразу после 1999 г.) темпы данного роста были очень высокими. Наибольшее положительное относительное сальдо миграции населения Украины и Российской Федерации отмечалось в 1992 г.; в 1989-1992 гг. ему была присуща четко выраженная тенденция к росту. При отрицательных значениях максимальная величина анализируемого показателя наблюдалась в 1994 г. Тенденция к снижению данного показателя, если и имела место, была слабо выражена.

В составе прибывших из России в Украину в 2004 г. на долю лиц трудоспособного возраста приходилось 64,3%, старше трудоспособного возраста – 21,5%, младше трудоспособного возраста – 14,2%. Колебание значений долей прибывших в трудоспособном возрасте в общем числе прибывших из России в Украину в разрезе основных административно-территориальных единиц (коэффициент вариации – 5,3%) было значительно меньшим, чем значений долей старше трудоспособного (коэффициент вариации – 20,9%) и младше трудоспособного (коэффициент вариации – 20,8%) возраста. Выше среднего по стране в целом значения удельного веса лиц старше трудоспособного возраста были не только в южных Запорожской и Херсонской областях (где они ожидались), но и в центральных Черкасской и Днепропетровской областях и северо-восточных Сумской и Черниговской областях. Об устойчивости в динамике долей прибывших, прежде всего в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста, из Российской Федерации в структуре прибывших из Российской Федерации в основные административно-территориальные единицы Украины говорить можно (коэффициенты корреляции между значениями 2003 г. и 2004 г. соответственно равнялись 0,554 и 0,505), но для вывода, что она (устойчивость) высокая, веских оснований нет. Так, в группу первых шести административно-территориальных единиц с высокими значениями долей лиц старше трудоспособного возраста в составе прибывших из России в 2004 г. в Запорожскую, Черкасскую, Днепропетровскую, Херсонскую области вместо Сумской и Черниговской областей в 2003 г. добавлялись Львовская и Киевская (с городом Киевом) области; к группе первых шести административно-территориальных единиц с наиболее низкими значениями – в Житомирскую, Закарпатскую, Ивано-Франковскую, Черновицкую области вместо Тернопольской и Харьковской обла-

стей добавлялись в 2003 г. Волынская область и Автономная Республика Крым (с городом Севастополем).

Удельный вес лиц старше трудоспособного и младше трудоспособного возраста в составе прибывших из России в Украину был большим (соответственно в 1,33 раза и в 1,03 раза), чем в составе прибывших в Украину из остальных стран; удельный вес лиц трудоспособного возраста – в 1,09 раза меньшим. Такого же плана соотношения отменялись в Донецкой, Киевской (с городом Киевом), Николаевской, Харьковской и Херсонской областях. «Отраженное», обратное соотношение (доля лиц трудоспособного возраста в составе прибывших из России была большей, чем в составе прибывших из остальных стран, доля лиц младше и старше трудоспособного возраста – меньшими) имело место в Автономной Республике Крым (с городом Севастополем), Ровенской и Тернопольской областях. Более высокое значение доли лиц старше трудоспособного возраста в составе прибывших из Российской Федерации по сравнению с соответствующим показателем возрастной структуры прибывших из остальных стран достигалось прежде всего за счет Херсонской, Киевской (с городом Киевом), Харьковской, Одесской и Запорожской областей. Наиболее интенсивно в сторону уменьшения данного показателя влиял миграционный приток из Российской Федерации в Тернопольской, Житомирской, Черновицкой, Кировоградской и Ровенской областях. Доли лиц трудоспособного возраста в составе прибывших из России по сравнению с соответствующими долями в составе прибывших из остальных стран существенно меньшими были в Киевской (с городом Киевом), Харьковской, Николаевской, Донецкой, Запорожской, Херсонской областях; существенно большими – в Тернопольской, Житомирской, Ровенской, Черновицкой областях.

В структуре выбывших из Украины в Российскую Федерацию в 2004 г. удельный вес лиц трудоспособного возраста составлял 63,2% (в 2003 г. – 64%, в 2002 г. – 61%), старше трудоспособного возраста – 23% (в 2003 г. – 20,8%, в 2002 г. – 22%), младше трудоспособного возраста – 13,8% (в 2003 г. – 15,2%, в 2002 г. – 16%). Значительно выше среднего по Украине удельный вес лиц старше трудоспособного возраста в составе выбывших в Россию был в Черниговской (в 1,42 раза), Киевской (с городом Киевом (в 1,41), Львовской (в 1,41), Днепропетровской (в 1,22), Житомирской (в 1,2), Черкасской (в 1,15) и в Полтавской (в 1,15 раза) областях. В группу областей с относительно низкими (меньше 20%) значениями доли лиц старше трудоспособного возраста в составе выбывших в Россию входила кроме западных областей (Волынской, Закарпатской, Тернопольской, Ивано-Франковской, Хмельницкой, Ровенской) еще и Луганская область. Территориальные различия долей лиц младше трудоспособного и трудоспособного возраста в составе выбывших в Россию были весьма меньшими по сравнению с территориальными различиями долей лиц старше трудоспособного возраста в составе выбывших в Россию. В Российскую Федерацию, даже если судить о возрастной структуре выбывших по укрупнен-

ным данным, выбывало значительно старше население, чем в остальные страны. Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста в составе выбывших из Украины в Россию был в 1,52 раза больше по сравнению с соответствующим показателем структуры выбывших в остальные страны. Более высокими значения долей лиц старше трудоспособного возраста в составе выбывших в Россию по сравнению с соответствующими долями выбывших в остальные страны были во всех основных административно-территориальных единицах, за исключением Закарпатской области. Больше чем в два раза значения данного превышения имели место в Черновицкой, Ивано-Франковской, Ровенской, Киевской (с городом Киевом), Волынской и Львовской областях; небольшие его (превышения) значения отмечались в Луганской, Сумской и Черниговской областях. Удельный вес лиц младше трудоспособного возраста в составе выбывших в Россию как в целом из Украины, так и из каждой основной административно-территориальной единицы (за исключением Черкасской и Харьковской областей) был большим, чем в составе выбывших в остальные страны. Если в целом по Украине анализируемая доля в составе выбывших в Россию была в 1,29 раза больше, чем в составе выбывших в остальные страны, то в Волынской области – в 2,74 раза, в Ровенской – в 1,91, в Закарпатской – в 1,9, в Черновицкой – в 1,82 раза.

В этнической структуре прибывших из Российской Федерации в Украину в 2004 г. удельный вес русских составлял 50%, украинцев – 45%, других национальностей – 5%. Тенденции к изменению долей украинцев в динамике, которая была бы четко выражена, не выявлено. Можно лишь утверждать, что относительно низкие значения (до 46%) кроме 2004 г. отмечались в 1995–1997 гг., относительно высокие (больше 48%) в 1998 г. и 2002 г. В 2004 г. удельный вес прибывших из Российской Федерации в Украину украинцев был лишь незначительно меньше, чем в 1995 г. Доля русских в составе прибывших из России в Украину в 2004 г. по сравнению с 1995 г. выросла на 8,2%. После периода ее относительной неизменности, а то и уменьшения, в последние годы сложилась четко выраженная тенденция к росту. Значения удельного веса других (не украинцев и не русских) национальностей была присуща четко выраженная тенденция к снижению в течение всего анализируемого периода; в 2004 г. по сравнению с 1995 г. удельный вес других национальностей в составе прибывших уменьшился в 1,44 раза.

Доля украинцев в составе прибывших из России в Украину в 2004 г. была больше доли других национальностей в 64% основных административно-территориальных единиц¹. Особенно большие ее значения (боль-

ше 75%) имели место в Ивано-Франковской, Волынской, Ровенской и Тернопольской областях. Большими (больше 70%) они были также в Житомирской, Винницкой и Черкасской областях. Меньшими 45% (среднего значения по Украине в целом) значения анализируемого показателя в большинстве основных административно-территориальных единиц юга и юго-востока – Автономной Республики Крым (с городом Севастополем), Запорожской, Харьковской, Николаевской, Донецкой, Одесской и Днепропетровской областях. Доля русских в составе прибывших из Российской Федерации в 2004 г. по сравнению с долей украинцев в Автономной Республике Крым (с городом Севастополем) была больше в 5,51 раза, в Запорожской области – в 1,76 раза, в Донецкой – в 1,27 раза, в Харьковской – в 1,26 раза. В Одесской, Черновицкой областях, Автономной Республике Крым среди прибывших из России более чем каждый десятый был представителем других национальностей (не украинец и не русский). Меньшим чем два процента удельный вес других национальностей в составе прибывших из России был в Ивано-Франковской, Винницкой, Закарпатской и Ровенской областях. В Автономной Республике Крым доля крымских татар и татар¹ в составе других национальностей была равной 64,2%, в городе Севастополе – 26,5%. В основных административно-территориальных единицах с относительно большой долей других национальностей в составе прибывших из Российской Федерации среди других национальностей заметными (большими 15%) были доли белорусов в Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Луганской, Донецкой областях; поляков в Житомирской области; болгар в Одесской, Запорожской областях; молдаван в Черновицкой, Одесской областях; евреев в Черниговской области; татар в Донецкой области; азербайджанцев в Полтавской, Харьковской областях; армян в Николаевской области; грузин в Николаевской области.

Уровень образования выбывших из Украины в Россию в 2004 г. был равным 10,64 года обучения. Низкие (меньше десяти лет обучения) значения данного показателя имели место в Волынской, Днепропетровской, Луганской и Хмельницкой областях. Высокими его значениями характеризовались город Севастополь (12,06 лет обучения), Ивано-Франковская (11,73), Харьковская (11,58) и Киевская (11,56) области. Уровень образования выбывших в другие страны (10,97 лет обучения) был несколько большим соответствующего показателя выбывших в Россию. Выявленное превышение (более высокий уровень образования выбывших в другие страны, чем в Россию) отмечалось в подавляющем большинстве основных административно-территориальных единиц, исключение составляли Житомирская, Ровенская, Закарпатская, Николаевская, Ивано-Франковская и Сумская области.

¹ В переписи населения 1939 г. крымские татары из татар не выделялись. Возобновление официального названия национальности «крымские татары» в Украине произошло только в декабре 1993 г. [5].

¹ Во Львовской области этническая, образовательная, по причинам переселения, структуры прибывших и выбывших в 2004 г. не определялись (оперировали лишь цифрами «не указаны»), поэтому в анализ территориальной этнической, образовательной, по причинам переселения, структур мигрантов между Украиной и Россией она не привлекалась.

Уровень образования (10,73 лет обучения) прибывших из России в Украину в 2004 г. был несколько меньше уровня образования выбывших из Украины в Россию. В миграционном обмене с Россией образовательный потенциал подавляющего большинства основных административно-территориальных единиц уменьшался; исключения составляли Черниговская, Ровненская, Житомирская и Закарпатская области. Высокими значениями отношения уровней образования выбывших в Россию и прибывших из России характеризовались Хмельницкая и Волынская области. Хотя различия значений уровня образования выбывших из Украины в целом и в другие страны были очень низкими, между основными административно-территориальными единицами они были существенными. Если в Волынской области уровень образования прибывших из России был на 12,2% больше соответствующего показателя прибывших из других стран, то в Луганской области – на 6,4% меньше.

В образовательной структуре выбывших из Украины в Россию по сравнению с соответствующими показателями образовательной структуры выбывших в другие страны существенно большими были доли лиц с начальным (в 1,67 раза), неполным средним (в 1,59) и средним специальным (в 1,25 раза) образованием; существенно меньшими – с высшим (в 1,45 раза) образованием. В Луганской области удельный вес лиц с высшим образованием в составе выбывших в Россию был в 2,13 раза меньше, чем в образовательной структуре выбывших в другие страны, в Донецкой – в 1,85 раза; в Запорожской – в 1,7 раза. В Волынской области, наоборот, удельный вес лиц с высшим образованием в составе выбывших в Российскую Федерацию был в 1,91 раза больше, чем в образовательной структуре выбывших в другие страны; в Ровненской – в 1,62 раза; в Закарпатской – в 1,17 раза. По сравнению с образовательной структурой выбывших в другие страны доли лиц с высшим образованием были большими также в образовательной структуре выбывших в Россию из Житомирской и Кировоградской областей. Большой удельный вес лиц со средним специальным и незаконченным высшим образованием среди выбывших из Украины в Россию с соответствующим показателем структуры выбывших из Украины в другие страны достигался главным образом за счет такого превышения в Харьковской, Запорожской, Луганской, Херсонской, Донецкой, Николаевской областях, Автономной Республике Крым, городе Киеве. Высокими значениями данного превышения были также в Тернопольской, Хмельницкой и Житомирской областях. На общем фоне более высоких значений удельного веса лиц с неполным средним и более низким образованием в составе выбывших в Россию по сравнению с соответствующим показателем образовательной структуры выбывших в другие страны в Закарпатской, Житомирской и Тернопольской областях анализируемое соотношение было обратным.

Причины переселения в талонах статистического учета прибытия (выбытия) были сформулированы так, что в их составе не могла не доминировать причина «по семейным обстоятельствам»¹. В 2004 г. в Украине в

целом среди выбывших в Россию эту причину переселения назвало 86,7%. Меньшими 70% значения анализируемого показателя были в Волынской области, городе Киеве, большими 95% – в Харьковской, Черновицкой и Ровненской областях. Такие причины переселения, как изменение места работы и обучение в составе выбывших из Украины в Россию назвали соответственно 8,4 и 1,6%. Большими (больше 12%) долями в составе выбывших из Украины в Россию тех, кто назвал причиной переселения изменение места работы, характеризовались области юга и центра Украины (Херсонская, Одесская, Черкасская, Кировоградская, Запорожская). Среди выбывших в Россию высокие значения удельного веса выбывших на обучение отмечались не только на юге и в центре, но и на западе Украины. Из основных административно-территориальных единиц юга и центра доли тех, кто переселялся в Россию на обучение, наибольшими были в городе Севастополе, Автономной Республике Крым, Одесской, Запорожской, Донецкой и Черкасской областях; из основных административно-территориальных единиц запада – в Ивано-Франковской и Черновицкой областях. Доли выбывших по семейным обстоятельствам в составе выбывших из Украины в Российскую Федерацию были незначительно большими, практически такими же, как в составе выбывших из Украины в другие страны. Данное превышение (на 0,4%) достигалось главным образом за счет такового в Киевской (с городом Киевом), Херсонской и Черкасской областях. Незначительно большими долями выбывших по семейным обстоятельствам в составе выбывших в Россию по сравнению с соответствующими долями выбывших в другие страны были также в Сумской, Николаевской, Полтавской областях, Автономной Республике Крым. Удельный вес выбывших, которые назвали причиной переселения изменение места работы, в составе выбывших из Украины в Россию был в 1,8 раза больше, чем в составе выбывших из Украины в другие страны. Данное превышение наблюдалось во всех основных административно-территориальных единицах, за исключением Ивано-Франковской, Херсонской и Полтавской областей. Особенно большими (больше, чем в три раза) значения этого превышения были в Днепропетровской, Харьковской, Житомирской, Винницкой и Ровненской областях. Большой (1,3 раза) по сравнению с соответствующим показателем структуры выбывших в другие страны среди выбывших из Украины в Россию была также доля тех, кто назвал причиной переселения обучение. Значение данного превышения в основных административно-территориальных единицах различались существенно.

В структуре прибывших из России в Украину удельный вес тех, кто назвал причиной переселения изменение места работы, был меньше (на 26,7%), чем в составе выбывших; по семейным обстоятельствам – незначительно меньше (на 2,7%); обучение – большим (на 45,1%). В Днепропет-

¹ На этом нами уже акцентировалось внимание в статье [6].

ровской области доля выехавших из Украины в Россию по семейным обстоятельствам была в 1,25 раза большей соответствующего показателя структуры прибывших по причинам переселения из России в Украину, в Хмельницкой – в 1,2 раза, в Киевской – в 1,14 раза, в Волынской – в 1,1 раза. Колебания величины различий в значениях долей тех, кто назвал причиной выезда (прибытия) семейные обстоятельства, в составе выехавших из Украины в Россию и прибывших из России в Украину в группе основных административно-территориальных единиц, в которых в составе прибывших из России в Украину значение анализируемого показателя было большим, чем в составе выехавших из Украины в Россию, были незначительными (максимальным в городе Киеве – в 1,05 раза). При высоком превышении значения удельного веса выехавших по такой причине переселения, как изменение места работы, в составе выехавших из Украины в Россию соответствующего показателя структуры прибывших из России в Украину, которое достигалось главным образом за счет Сумской, Днепропетровской, Кировоградской и Черниговской областей, соотношения данных показателей в Закарпатской, Хмельницкой, Киевской, Харьковской областях, городах Киеве и Севастополе были обратными (доли тех, кто назвал причиной переселения изменение места работы в составе прибывших из России были большими, чем в составе выехавших в Россию).

В Украине текущий учет миграции населения в условиях его ухудшения после отмены прописки и замены ее регистрацией сменявших постоянное место жительства при всех обстоятельствах позволял с достаточной точностью и детально исследовать возрастную, половую, образовательную, этническую, по причинам переселения структуру мигрантов. Переход с 2005 г. к новой системе текущего учета мигрантов в талоне снятия (постановки) с регистрации места жительства в Украине вопросы об образовании, национальности, причине переселения отсутствуют. Даже в случае расширения круга вопросов в данном талоне или возвращения к старой отлаженной системе текущего учета мигрантов, что в 2006 г. является маловероятным, потери в информации о мигрантах отрицательно скажутся не только на динамических сопоставлениях, но и на познании процесса миграции населения в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савоскул С. Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 65.
2. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Ж.А. Зайнчковская, А.Г. Вишневский, Е.М. Шарбакова и др. – М.: Центр демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, 2000. – С. 143.
3. Топилин А.В. Миграционный обмен и занятость населения в СНГ. – М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2001. – С. 40.
4. Печенюк Л.В. Причини та мотиви інтелектуальної міграції з України, її основні наслідки // Управління трудовими ресурсами: проблеми і перспективи роз-

витку. – Хмельницький: Технологічний університет Поділля, 1997. – Частина 1. – С. 246.

5. Надолішній П.І. Розбудова нової системи врядування в Україні: етнонаціональний аспект (Теоретико-методологічний аналіз). – К.: Видавництво УАДУ, Одеса: АстроПринт, 1999. – С. 165.
6. Хомра А.У. Текущий учет миграции населения в Украине: состояние, некоторые подходы к повышению точности // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. – Усть-Каменогорск: Малая Ассамблея народов Восточного Казахстана, 2005. – Ч. II. – С. 192, 193.

Щетинина А.С.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ДОКУМЕНТЫ УЧЕТА И СТАТИСТИКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАЦИЙ НА АЛТАЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (исследование поддержано РГНФ, грант № 05-01-01281а)

Документы учета и статистики, несмотря на свою немногочисленность, являются интересным источником по изучению истории вынужденных миграций. Билеты, регистрационные карточки, анкеты, различные списки и ведомости позволяют исследовать вынужденные миграции по отношению к конкретным людям. Так, билет беженца образца 1919 г. помогает проследить путь эвакуации человека: в нем есть графа о месте жительства до бегства; об учреждении, выдавшем билет, с указанием его местонахождения; о месте временного проживания; о пункте реэвакуации. Указывается причина бегства – мировая или гражданская война, желание вернуться на родину и предпочтительное время возвращения. Билет включает также сведения о составе семьи, возрасте и профессии членов семьи, отметки об оказании медицинской и иной помощи [1, л. 2, 2 (об.)].

Надо сказать, что на протяжении 1919–1921 гг. форма регистрации беженцев постоянно менялась: изменялся формуляр билета, помимо билетов позже стали выдавать и регистрационные карточки [1, л. 8, 8 (об.)], форма которых также редактировалась неоднократно, хотя основные сведения оставались неизменными.

Беженцам по национальностям и/или подданству предназначались разные карточки: отдельно для астонов и патышей; для евреев, поляков и украинцев из Восточной Галиции; для литовцев Ковенской, Виленской и Сувальской губерний; существовали также общие билеты или карточки. К постоянным сведениям относились фамилия, имя, отчество, возраст, образование (профессия) главы семьи, состав семьи, прежнее и настоящее место жительства. Могли вноситься также сведения о медицинском и материальном обслуживании, о роде занятий на родине и в России, о причинах и условиях бегства, подробные сведения о каждом члене семьи.

Регистрационные карточки [2, л. 48, 48 (об.)] и билеты [3, л. 33-34], являющиеся видом на жительство, выдавались также военнопленным и гражданским пленным. Кроме личных данных в карточке для пленного указывались место службы до плена и звание, время и место пленения. Обязательной была отметка о трудоспособности, о прохождении регистрации. Могли содержаться данные о месте проживания и роде занятий в плену, о размере заработка, семейном положении [1, л. 6, 6 (об.); 3, л. 33-34]. В билетах информация была более подробной, чем в карточке, но общий состав сведений был схожим.

В некоторых случаях беженцы и военнопленные получали на руки удостоверения. Как правило, их выдавали в качестве подтверждения права на взимание подвода для поездки до места поселения [4], для подтверждения рода занятия [2, л. 49, 53], факта трудовой занятости, для подтверждения того, что предъявитель является беженцем или военнопленным [3, л. 40] и др.

Однако таких нужных и интересных источников в фондах Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) сохранилось довольно мало. Причиной недостаточного количества сохранившихся документов беженцев и военнопленных является то, что один из двух экземпляров билета и регистрационной карточки должен был обязательно отсылаться в Москву, а второй либо оставался в органах по эвакуации, либо выдавался на руки.

Тем не менее эти данные можно найти в статистических материалах — всевозможных списках и ведомостях. Поволжские списки составляли на беженцев и военнопленных первой мировой войны, на беженцев из голодающих районов России, на граждан, подлежащих трудовой мобилизации. В лагерях принудительных работ составляли списки на заключенных.

Создавались такие документы для разных целей: беженцев и военнопленных первой мировой войны переписывали для учета, оказания помощи, для эвакуации. Незарегистрировавшиеся теряли право не только на получение пособия, но и на отправку на родину. Граждан польской национальности регистрировали для возможности наблюдения за ними, они подлежали отдельному учету.

Списки по беженцам первой мировой войны имели различную форму. Самый простой являлся обычным перечислением имен и фамилий беженцев, проживающих в той или иной волости, деревне. Обычно такая форма применялась при составлении списков на эшелоны, отправляющиеся из губернии. Но чаще всего состав сведений был более широким.

При переписи беженцев для учета списки составлялись по каждой волости, где они проживали. Внутри волостного списка данные распределялись по деревням. Эти сведения следовало предоставить в Губленбеж не позднее 15 февраля 1920 г., но указанные сроки были соблюдены не везде. Информация излагалась в табличной форме. Таблица состояла из 7 столбцов: порядковый номер; фамилия, имя, отчество главы семьи; состав семьи с разделением на взрослых и детей до 16 лет; нацио-

нальность; откуда и куда эвакуировался в первый раз, здесь иногда приводились сведения и о дате эвакуации; куда желает выехать; примечания [5]. При указании национальности часто происходила путаница: в графе говорилось о подданстве, вероисповедании, национальности. В примечание могли включаться отметки о желании остаться здесь, иногда эта графа отсутствовала в таблице.

Для учета могли составляться списки, где указывались только фамилия, имя, отчество и наименование документа, по которому беженец зарегистрирован [6]. Как правило, подобная форма применялась для переписи по национальному признаку или месту прежнего проживания.

Для регистрации беженцев, которых до 1917 г. считали административно высланными, форма переписи содержала довольно много информации. Таблица состояла из 7 или более основных разделов, 3 из которых имели подразделы. В первом указывались фамилия, имя, отчество главы семьи, во втором — его профессия, в третьем — национальность. Четвертая графа о месте проживания в Алтайской губернии содержала подразделы о названиях волости, а также села или деревни. Далее шла графа о месте жительства до эвакуации или бегства с указанием губернии, уезда и селения (или города). Обязательно приводились данные о времени выезда. Следующий раздел содержал информацию о членах семьи: фамилия, имя, отчество; родственные отношения к главе семьи; возраст; профессия членов семьи. Иногда могли добавляться графы о подданстве беженца, о роде занятий на момент регистрации, документах, на основании которых зарегистрирован [6, л. 36, 141-142].

В Барнауле беженцев могли учитывать не только персонально, но и по числу семей, полу, по количеству детей и взрослых [1, л. 73].

Различные ведомости и списки беженцев создавались и при распределении последних по губернии, особенно типичны они для беженцев из Поволжья. В данном случае происходило простое перечисление расселяемых и обозначение пункта поселения: уезд, волость, населенный пункт. Часто сведения о распределении ограничивались сведениями о том, сколько человек можно отправить на временное поселение в тот или иной населенный пункт [7]; списки чаще всего создавались волостными исполнительными комитетами [8].

В некоторых списках, которые составлялись на отправляющихся домой (их составляли на эшелоны с беженцами), кроме перечисления семей и пункта следования могли указываться место работы в Алтайской губернии и должность. Как правило, эвакуация осуществлялась в отношении беженцев одного подданства, национальности или прежнего места проживания, поэтому в списки вносили, например, только латышей [9].

Статистическую информацию о беженцах можно встретить не только в архивных материалах: до 1917 г. сбором подобных сведений занимался Комитет Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. Им были опубликованы списки семей беженцев с указани-

ем адресов, а в приложениях также таблица о количестве беженцев по уездам, городам и волостям (в данном случае Томской губернии), о процентном соотношении беженцев и местного населения. По Томской губернии, в составе которой находился тогда Алтайский регион, сведения были изданы в 1916 г., в списках указывался поименно состав семьи беженца, возраст членов семьи, места жительства до и после эвакуации, почтовый адрес [10].

По военнопленным кроме списков статистические данные содержатся также в различных ведомостях учета, которые вели в лагерях для военнопленных. Подобная форма учета касалась не только пленных первой мировой войны, но и русских пленных белой армии. Появляются такие ведомости не позднее января 1920 г. Лист ведомости (иногда он назывался сведениями о военнопленных концлагеря за определенный период [11]) состоял из таблицы и текста. В таблице содержалась информация о движении пленных в лагере: численность трудоспособных и больных или инвалидов; количество прибывших с работы и из лазарета; количество ушедших на работы и в лазарет; число оставшихся трудоспособных и больных или инвалидов. В тексте приводились данные о русских пленных белой армии, об их движении (сколько прибыло, сколько выбыло); о количестве пленных, получающих довольствие; о национальном составе; о числе умерших за определенный период [11].

Среди архивных материалов были найдены образцы ведомостей за 1919 г., но заполненных по этому образцу среди просмотренных документов 1919 г. не выявлено. Эти ведомости имели три разновидности: для русских гражданских пленных, вернувшихся из плена; о состоянии и движении вражеских гражданских пленных; о состоянии и движении вражеских военнопленных.

Первые две ведомости, для русских и вражеских гражданских пленных, состояли из таблицы и текстовых данных [12, л. 7, 8]. В таблице учитывались пленные по государствам, в плену которых они находились или чьими подданными являлись, с разделением на мужчин, женщин, детей. Государства в обеих таблицах были одни и те же: Германия, Австрия, Турция, Болгария. В тексте первой таблицы говорилось о том, сколько русских пленных состояло на 1-е число и сколько прибыло за месяц. Во второй кроме этих данных добавлялись сведения о выбывших: а) на родину; б) в русское подданство; в) умерших, а также количество оставшихся.

Третья разновидность ведомости дает больше сведений [12, л. 9]. Перед таблицей говорилось о штатном количестве мест, затем в таблице приводились сведения о движении пленных тех же государств, что и в предыдущих ведомостях. Здесь разделение было на количество солдат и офицеров. Также говорилось о числе находящихся на работах, о безработных здоровых, о больных и инвалидах. В тексте после табличных данных содержалась информация о состоявших на учете, прибывших и выбывших за отчетный месяц, оставшихся на 1-е число следующего за отчетным месяца.

Все три ведомости предполагали учет пленных по губернии в целом, он осуществлялся на основе данных, которые предоставляли волостные исполнительные комитеты в виде списков, ведомостей. Как правило, они имели форму таблиц с 3-5 разделами, в которые вносили имя, фамилию, национальность, номер регистрационной карточки военнопленного, название населенного пункта, в котором он проживает, и примечания [13].

Помимо именных списков, учет велся по национальному составу в каждом городе или волости Алтайской губернии: в данном случае в списки вносились данные только о количестве военнопленных по каждой национальности, без персональной информации.

Статистические источники позволяют изучать и другие категории вынужденных миграций: мобилизованных по труду, а также «потенциальных» вынужденных переселенцев (лиц, которые уже были поставлены на особый учет либо содержались в лагерях принудительных работ, но выселение по отношению к ним применялось только начиная с конца 1920-х гг. и в 1930-х гг.).

Разного рода списки и ведомости содержат информацию о количестве заключенных в лагерях принудительных работ, где также указывался срок наказания и состав преступления. Именно данные о причинах осуждения граждан позволяют выявлять среди заключенных будущих вынужденных переселенцев репрессивного плана, прежде всего контрреволюционеров и кулаков. Эти же списки помогают установить связь с проводимыми трудовыми мобилизациями, трудовыми повинностями и реакцией населения на такую политику: уходивших от труда следовало по заключать в лагеря принудительных работ. Также имеются списки по количеству мобилизованных, составленные по волостям, из которых зывали население.

Довольно часто статистические данные подлежали публикации, если не были секретными.

Все рассмотренные виды источников достаточно полезны для изучения вынужденных миграций в силу следующих обстоятельств. Во-первых, документы содержат персонализированную информацию, поэтому история вынужденных миграций может быть проиллюстрирована и дополнена конкретными примерами. Во-вторых, персональные данные, если выявить достаточное их количество, могут служить основой для создания базы данных, а значит и для новых направлений влений анализа материала. Обработка статистических сведений может дать интересные, с точки зрения исторической демографии, результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦХАФ АК. - Ф. Р-10. - Оп. 1. - Д. 818.
2. Там же. - Ф. Р-706. - Оп. 1. - Д. 18.
3. Там же. - Ф. Р-706. - Оп. 1. - Д. 21.

4. Там же. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 10, 19.
5. Там же. — Ф. Р-209. — Оп. 2. — Д. 11. — Л. 5.
6. Там же. — Ф. Р-706. — Оп. 1. — Д. 6.
7. Там же. — Ф. 233. — Оп. 6. — Д. 19. — Л. 57, 57 (об.).
8. Там же. — Ф. Р-297. — Оп. 1. — Д. 31.
9. Там же. — Ф. Р-706. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 78-79.
10. Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и адреса их. — Томск, 1916. — Вып. 1, 2.
11. ЦХАФ АК. — Ф. Р-9. — Оп. 1. — Д. 251. — Л. 2, 12.
12. Там же. — Д. 267. — Л. 7, 8.
13. Там же. — Ф. Р-10. — Оп. 2. — Д. 76. — Л. 207, 227.

Южакова Н.Н.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ПОДГОТОВКА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И СЛУЖАЩИХ В КАЗАХСТАНЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В исторической науке Казахстана достаточно хорошо исследованы социально-экономические процессы, проходившие в республике в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Большое внимание уделяется, как правило, героическому подвигу казахстанцев в тылу и на фронте, развитию экономики республики в годы войны и послевоенные годы.

В работах казахстанских исследователей Асылбекова М.Х., Нейштадта С.А. и др. [1, 2] охарактеризованы те общественные силы, которые обеспечивали восстановление народного хозяйства и дальнейший рост социалистической экономики, то есть рабочие и служащие. В монографических исследованиях Тастанова Ш.Ю., Сулейменова Р.Б. рассматриваются структурные характеристики интеллигенции, охарактеризованы отдельные ее группы. Работы Жаманбаева К.Ж., Жуламанова К.Д. [3] посвящены изучению образовательного уровня интеллигенции в разные периоды. В работах многих исследователей характеризуются источники, формы подготовки интеллигенции и служащих, рассматриваются отдельные группы интеллигенции.

Практически, ни в одной работе не рассматривается послевоенная интеллигенция как единое целое, как социальная сила. С одной стороны, интерес к производственно-технической интеллигенции оправдан, так как материальное стимулирование и государственный заказ были сосредоточены в тех отраслях, которые стали основой превращения Казахстана в индустриально-аграрный регион и обеспечили быстрое восстановление послевоенной экономики. Но с другой стороны, рассмотрение

отдельных отрядов и групп интеллигенции в исследованиях не дает полной характеристики служащих и интеллигенции в послевоенные годы, неясен процесс пополнения кадров интеллигенции в этот период, так как произошли значительные изменения в структуре экономики, вызванные войной.

В годы войны республика, ставшая тыловой мастерской, кующей победу, получила стимул к развитию экономики за счет эвакуированных предприятий, развивались преимущественно те отрасли, которые производили оружие и средства производства.

Эти отрасли обеспечивались кадрами рабочих и служащих в первую очередь из эвакуированных специалистов, а также за счет ускоренной подготовки и переподготовки казахстанских специалистов.

В годы войны в Казахстан были эвакуированы предприятия, вузы, учреждения науки и культуры. После окончания войны, возвращаясь на родину, эти учреждения оставили предприятия-дублиеры. В дочерних предприятиях и учреждениях осела часть эвакуированных кадров.

Это обеспечило производственный и научно-технический потенциал для производственно-технического и культурного развития Казахстана в послевоенные годы, но вместе с тем были утрачены традиции подготовки кадров в казахстанской системе, нарушены темпы и ход подготовки специалистов в самом Казахстане.

Задачей данной работы является уточнение структурных характеристик казахстанской интеллигенции в послевоенные годы. Основным методом исследования является анализ статистических данных, помещенных в статоборники «Казахстан в цифрах» и ежегоднике «Народное хозяйство Казахстана».

Приоритетным направлением экономического развития в этот период являлись тяжелая индустрия, электроэнергетика, производство промышленной продукции всех видов. Такая установка была заложена в четвертом пятилетнем плане развития народного хозяйства.

Как отмечал в своей работе С.А. Нейштадт, перевод промышленности Казахстана на мирный лад сопровождался ростом производства в традиционных для предвоенного периода отраслях и темпах: тяжелая индустрия продолжала развиваться более быстрыми темпами, чем легкая промышленность. К 1954 г. удельный вес группы А в промышленности Казахстана составлял 75,8%, а группы Б — 24,2%; также отмечается, что особенностью четвертой пятилетки (1945-1950 гг.) являлось «успешное внедрение новой техники, механизация тяжелых и трудоемких работ, повышение квалификации и рост творческой инициативы рабочих, инженеров и техников, что обеспечило рост производительности труда в промышленности и строительстве» [1, с. 119].

Таким образом, уже в годы войны были определены приоритетные направления экономического развития Казахстана, превращения его в промышленную базу на востоке страны. Так, размеры основных произ-

водственных фондов Казахстана с 1940 по 1950 гг. возросли в 4 раза, тогда как по стране они увеличились лишь на 54%.

В то же время отмечалось, что в развитии экономики имелись и большие недостатки. Недовыполнялись плановые задания по выпуску валовой продукции, в частности, на комбинате «Карагандауголь» не выполнено по плану 1950 г. более половины шахт, не выполнено план объединения «Казахнефть». Потери несли также цветная металлургия, причем причины в большинстве случаев указываются одни и те же: простой оборудования, низкая производительность машин и механизмов (производительность новых станков составляла 30%), слабое внедрение механизации, большинство работ велось вручную, простой рабочих вследствие невыполнения норм выработки, плохое использование механизмов, недостатки в планировании и организации работ, медленное освоение капиталовложений в промышленности и капитальном строительстве.

Существовали также недоработки организационно-технического характера; в ряде ведомств существовало мнение, что нет необходимости обновлять технику, и вообще при социализме не происходит морального износа основных фондов и следует использовать технику до полного физического износа.

Вместе с тем, характеризуя борьбу рабочих и служащих (шли единой группой — прим. автора) за выполнение плана и повышение производительности труда и даже характеризуя рост благосостояния, авторы не дают существенных характеристик этих групп, хотя возможно, это не входит в их задачи.

Проследив основные демографические характеристики интеллигенции и служащих на основании данных статистических сборников, мы приходим к выводу, что одной из важных причин неудач в борьбе за рост производительности труда является недостаточная подготовка специалистов.

Если в годы войны было оправдано повсеместное выдвиженчество, привлечение на ответственные участки производства выдвиженцев, мобилизованных специалистов, эвакуированных со своими предприятиями, а основные виды продукции изготавливались для фронта и отправлялись на фронт, то в послевоенные годы установка на ускоренное развитие тяжелой промышленности и электроэнергетики в соответствии с требованиями технического прогресса требовали, в первую очередь, совершенствования качества подготовки специалистов именно в этих отраслях. Данные статистики за этот период свидетельствуют об обратном (табл. 1).

Таблица 1

Рост численности рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства за 1945-1955 гг., тыс. чел. [4]

Годы	Отрасли		
	промышленность	здравоохранение	просвещение
1945	255	45	80
1955	420	96	151

Число рабочих и служащих в промышленности за 1945-1955 гг. увеличилось почти в 2 раза, то же самое происходило в сфере здравоохранения и просвещения. В то же время из числа инженеров, занятых в промышленности, только каждый седьмой имеет высшее или среднее специальное образование, в то время как в системе просвещения и здравоохранения около половины специалистов с высшим и средним специальным образованием (табл. 2).

Таблица 2

Численность и образовательный уровень основных групп специалистов в 1956 г., тыс. чел.

Отрасли	Всего рабочих и служащих	Всего с высш. и средним спец. образ.	% спец. к общ. числу	С высшим образованием	Со средним спец. образованием
Промышленность	428	57,1	13,3	19,6	37,5
Здравоохранение	109	41,3	38	9,7	31,6
Просвещение	189	79,9	47,3	39,9	40,0

Характеризуя продолжительность работы в промышленности, здравоохранении и просвещении, следует обратить внимание на то, что кадровый состав этих отраслей значительно помолодел.

Большее половины специалистов в промышленности, просвещении и здравоохранении имеют стаж до 10 лет, то есть это поколение, получившее образование и начавшее работать в первые послевоенные годы. Процент же специалистов со стажем работы 20 и более лет резко падает среди специалистов с инженерным и медицинским образованием, исключение составляют педагоги [4, с. 282-283].

Помолодение обусловлено последствиями войны, а также тем, что в Казахстане существовала до войны и в ходе войны налаженная система подготовки кадров, причем наиболее хорошо была поставлена подготовка учителей.

Национальный состав специалистов свидетельствует, что пути подготовки включали в себя прежде всего привлечение эвакуированных, а также приглашение по оргнабору (табл. 3).

Наибольшее количество во всех группах специалистов в абсолютном значении составляют русские, затем казахи, на 3-м месте — украинцы, заметим, что в довоенный период процент специалистов со средним образованием казахской национальности был выше и доходил до 40% (рассчитано по [4, 5]). Наиболее благополучным в этот период было положение с педагогами. Это объясняется, во-первых, налаженной системой подготовки педагогических кадров в Казахстане в довоенный период, во-вторых тем, что представители этой специальности не подлежали мобилизации, как медицинские работники, и большую часть их составляли женщины.

Возможность получить образование и повысить уровень своей подготовки во многом была обусловлена местом проживания, наличием учеб-

Национальный состав специалистов с высшим и средним специальным образованием, чел.

Таблица 3

Национальность	Отрасли					
	промышленность		здравоохранение		просвещение	
	высшее	сред. спец.	высшее	сред. спец.	высшее	сред. спец.
Всего специалистов	27467	58968	12535	45234	51019	45942
В том числе:						
казахи	2895	3846	1274	3445	17718	13679
русские	16588	41996	7540	31385	24209	24747
украинцы	3463	6351	1107	5098	3289	3611
евреи	1425	685	1023	615	925	199
татары	555	1177	418	1346	1068	734
другие	586	1021	214	952	1062	1050
Численность специалистов-казахов в процентах к общей численности специалистов	10,7	6,6	10,2	7,7	34,8	29,8

ных заведений, что было более доступно для городского населения. Большой процент специалистов составили эвакуированные и приглашенные из других регионов, которые также размещались в основном в городах.

Качественное изменение, пересмотр системы подготовки специалистов начался с 1951 г. (табл. 4).

Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием по году окончания учебного заведения, тыс. чел.

Таблица 4

	С высшим образованием		Со средним спец. образованием	
	специалисты всех специальностей	в т.ч. инженеры	специалисты всех специальностей	в т.ч. техники
Всего специалистов	113,8	27,5	195,5	59,0
В том числе окончившие учебные заведения				
в 1941-1950 гг.	23,0	3,7	41,8	9,1
в 1951-1955 гг.	32,3	7,0	48,0	15,4
в 1956-1957 гг.	20,4	5,6	38,8	12,8

Наибольшим из послевоенных был выпуск 1956-1957 гг. За два года было выпущено специалистов практически столько же, как за пять военных лет, и немногим меньше, чем за пять послевоенных. Это привело к постепенному сглаживанию диспропорции в подготовке специалистов производственно-технического характера для развивающейся промышленности [4, 5].

Такой уровень подготовки специалистов невозможен без отлаженной системы подготовки кадров. На характеристике этой системы мы не останавливаемся, она достаточно хорошо представлена в литературе.

В 1946-50 гг. через школу фабрично-заводского ученичества прошло 120 тыс. чел., через систему повышения квалификации в течение 1950 г. — 142 тыс. чел., а с 1951 по 1955 ежегодно — 136,4 тыс. чел.

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что созданная в Казахстане накануне войны система подготовки кадров оказалась эффективной в ходе войны и в послевоенные годы, так как был обеспечен стабильный рост кадров высшей квалификации, в первую очередь, для решения экономических задач восстановления народного хозяйства. Косвенно это подтверждается тем, что не была нарушена тенденция роста численности людей, занятых умственным трудом, отмеченная в предвоенные годы [6].

По статистическим данным Союза ССР с 1939 по 1959 гг. численность казахов, занятых умственным трудом, увеличилась в 1,6 раза, русских — в 1,4 раза. Численность врачей-казахов возросла в 6,3 раза, численность ИТР среди казахов увеличилась в 4,9 раза, число научных работников возросло в 5,6 раза. По абсолютным же цифрам доля специалистов с высшим образованием в Казахстане и ряде республик Средней Азии ниже для представителей титульной нации [6, с. 94-96].

Причина этого — традиционное заселение северо-запада и востока Казахстана русскими переселенцами, а также деструктивные процессы начала XX в., революции и периода войны. Неравномерность формирования интеллигенции обусловлена особенностями социального развития региона. Интеллигенция складывалась из городских мещан и крестьянства, рабочий класс только формировался.

Благодаря политике коренизации, при низком удельном весе представителей коренной национальности в составе населения наиболее индустриально развитых областей (такими традиционно были северо-запад и восток Казахстана), удалось обеспечить рост отдельных групп казахской интеллигенции путем выдвиженчества. Процент представителей коренной национальности в составе управленческой интеллигенции в предвоенные годы достаточно высок — около 59,5%, в то же время численность специалистов невысока — 19,2% [6, с. 161, 162].

Общая тенденция формирования интеллигенции по союзным республикам, прослеженная М.Р. Зезиной [7, с. 87], свидетельствует о том, что темпы роста специалистов коренной национальности обгоняют темпы роста общей численности специалистов и в послевоенные годы. Причем идет структурное выравнивание отдельных групп интеллигенции в соответствии с требованиями времени и необходимостью соответствовать научно-техническим задачам ускоренного экономического развития страны.

По профессионально-отраслевому составу к 1959 г. наблюдается рост числа инженерно-технических и медицинских работников, научных работников, педагогов и воспитателей. Численность других групп, в частности

управленческой интеллигенции, снижается. Причина этого в совершенствовании системы подготовки всех групп специалистов, а также в изменении структуры интеллигенции под воздействием социально-экономических процессов.

К концу 1950-х гг. становится очевидно, что подготовка управленческих кадров путем выдвижения из числа проявивших себя производственников не отвечает требованиям времени. Это отражено в партийно-государственных документах конца 1950 — начала 1960 гг. Постепенно утрачивает свою роль и такой метод подготовки специалистов, как приглашение из других республик. Это становится затратно экономически и не всегда себя оправдывает. Так, в 1958-1959 гг. в Казахстан прибыли 8 тыс. врачей из других республик, в основном из РСФСР, уехали по причине плохих жилищных условий — 4 тыс. [8]. Важную роль в послевоенный период играют специалисты-практики. Они используются на среднетехнических должностях, не требующих высокой квалификации до настоящего времени. В литературе имеется тенденция смешивать понятия выдвиженец и специалист-практик и замещать одно другим.

В условиях совершенствования материально-технической базы производства необходимы были специалисты в промышленности с достаточной теоретической подготовкой, имеющие высшее образование. Нехватка специалистов, особенно в годы войны, восполнялась за счет оставшихся в тылу женщин, ускоренной подготовки специалистов среднего звена на краткосрочных курсах и выдвижения их затем на руководящие должности. Этот метод, оправданный в условиях военного времени, был неэффективен в послевоенные годы, так как партийно-государственной установкой было «ускоренное развитие ведущих отраслей промышленности на основе достижений технического прогресса».

Использование традиционных методов подготовки в новых условиях вело к тому, что во многих случаях из-за нехватки специалистов выдвиженца ставили на руководящий пост, требующий специальных технических знаний, новаторства, знакомства с новым оборудованием и новыми технологиями. Это влекло за собой снижение уровня руководства производством и все последствия, о которых говорилось выше, вплоть до срыва планов производства продукции. Поэтому пополнение производственной сферы специалистами с высшим образованием позволило преодолеть кризисные явления в экономике и обеспечить постепенное наращивание темпов промышленного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане. — Алма-Ата, 1976.
2. Нейштадт С.А. Экономическое развитие Казахской ССР. — Алма-Ата, 1960.
3. Вопросы историографии Казахстана / Под ред. Б.А. Тулепбаева. — Алма-Ата: Наука, 1983.

4. Казахстан за 40 лет: Стат. сб. — Алма-Ата: Госстатиздат, 1960.
5. Народное хозяйство Казахстана за 70 лет: Стат. сб. — Алма-Ата: Казахстан, 1990.
6. Итоги Весоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР // Итоги — М., 1962.
7. Зезина М.Р. Советская интеллигенция в условиях развитого социализма (количественные и качественные изменения в составе интеллигенции союзных республик). — М.: Изд-во МГУ, 1982.
8. Народное хозяйство Казахстана за 60 лет: Стат. сб. — Алма-Ата, 1980.

Айтказина Зура Нурмухановна – аспирант ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Аксенова Вера Викторовна – студентка ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Алексеев Александр Николаевич – профессор ВКГУ им. Д. Серикбаева, доктор исторических наук, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Алексеев Николай Владимирович – профессор, доктор исторических наук, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Анисимова Инна Владимировна – кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры юриспруденции Восточного гуманитарного института, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Блинова Вера Юрьевна – аспирант кафедры экономической и социальной географии Чувашского государственного университета, г. Чебоксары, Россия

Бурачевская Елена Владимировна – ГУ «НИИ статистики Министерства статистики и анализа Республики Беларусь», старший научный сотрудник отдела демографических исследований и анализа занятости населения, г. Минск, Беларусь

Шахотко Людмила Петровна – ГУ «НИИ статистики Министерства статистики и анализа Республики Беларусь», главный научный сотрудник отдела демографических исследований и анализа занятости населения, доктор социологических наук, профессор, г. Минск, Беларусь

Бургарт Людмила Александровна – Римско-католический Приход «Пресвятой Девы Марии Святого Розария», референт, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Бурлак Ирина Михайловна – учитель истории СШ с. Рулиха Восточно-Казахстанской области

Винокурова Елена Ивановна – старший преподаватель кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Гайко Ольга Александровна – преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Галиева Айгерим Азимбаевна – преподаватель Академии КНБ РК, г. Алматы, Казахстан

Григоричев Константин Вадимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан. E-mail: Grigoritchev@yandex.ru

Гришина Ольга Вадимовна – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра народонаселения, магистр экономики, г. Москва, Россия. E-mail: olga_grishina@mail.ru, grishina@gaexpert.ru

Грызунова Галина Васильевна – кандидат социологических наук, проректор по науке и международным отношениям Восточного гуманитарного института, г. Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: galina_gryzunova@mail.ru

Егоренкова Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Жанабаева Гульнара Нуртасовна – старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Жанбосинова Альбина Советовна – кандидат исторических наук, доцент, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Бахметова Г.Ш. – кандидат экономических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Иванкова Л.В. – кандидат экономических наук, Правительство Москвы, Россия

Игибаева Айнагуль Курмашевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Игнатъева Людмила Николаевна – старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: luda_uk@mail.ru

Икомбаева Гуллим Рокымгазыновна – ДГП «Вычислительный центр по статистике Восточно-Казахстанской области», начальник кадровой службы, соискатель ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Ишенинина Гюзель Шаяхметовна – старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: guzel30@mail.ru

Калдыбаева Тыныштык Жумадиловна – профессор ВКГТУ им. Д. Серикбаева, доктор социологических наук, г. Усть-Каменогорск

Калиева Канша Советкановна – преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений ВКГУ им. С. Аманжолова, аспирант Алтайского государственного университета, г. Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: KSKaljeva@ok.kz

Карасаев Гани Мукашевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Карачурина Лилия Борисовна – государственный университет – Высшая школа экономики, доцент кафедры региональной экономики и экономической географии, кандидат географических наук, г. Москва, Россия. E-mail: lkarachurina@hse.ru

Кимасов Андрей Васильевич – преподаватель ВКГТУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Крайнов Владислав Владимирович – аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии Белорусского государственного политехнического университета, г. Минск, Беларусь. E-mail: krainoff@tut.by

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ, г. Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: kmell@yandex.ru.

Крыкпаев Мырзахан Курмашевич – доцент кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д. Серикбаева, кандидат философских наук, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Куделка Дмитрий Николаевич – ГУ «НИИ статистики Министерства статистики и анализа Республики Беларусь», старший научный сотрудник отдела демографических исследований и анализа занятости населения, г. Минск, Беларусь

Кушнерик Римма Арнольдовна – Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры востоковедения, г. Барнаул, Россия. E-mail: orient@hist.asu.ru

Лысенко Юлия Александровна – Алтайский государственный университет, доцент кафедры востоковедения, кандидат исторических наук, г. Барнаул, Россия. E-mail: orient@hist.asu.ru

Манохина Ольга Васильевна – отдел социальной и демографической статистики ГУ «Управление статистики Восточно-Казахстанской области», г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Морозова Сусанна Сергеевна – старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: vosumaev@ustk.kz

Мукушев Мурат – студент ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Нагайцева Евгения Алексеевна – доцент кафедры социальных технологий, инноваций и управления Алтайского госуниверситета, кандидат социологических наук, г. Барнаул, Россия. E-mail: nagaina@list.ru

Никофоров Иван Дмитриевич – кандидат исторических наук, г. Шемонаиха, Восточно-Казахстанская область, Казахстан

Ноздрин Инна – Алтайский государственный университет, аспирант кафедры востоковедения, г. Барнаул, Россия. E-mail: orient@hist.asu.ru

Охотников Андриан Юрьевич – старший научный сотрудник сектора современных этнических процессов Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия. E-mail: tindrum@mail.ru

Панковская Галина Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Седакова Ольга Александровна – магистр истории, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Семёнов Владимир Владимирович – аспирант ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: dvizenie2006@yandex.ru

Слугина Галина Владимировна – старший преподаватель Усть-Каменогорского филиала МЭСИ, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Сокольников Галина Юрьевна – преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Столярова Лилия Викторовна – кандидат политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Столярова Элеонора Олеговна – старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Тарасова Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук, г. Барнаул, Россия. E-mail: tarasova_e@rambler.ru

Тележенко Наталья Владимировна – Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Марк Тольц – отдел демографии и статистики, Институт Хармана, Иерусалимский университет, Израиль

Трифоновна Зоя Алексеевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Чувашского государственного университета, г. Чебоксары, Россия

Трифоновна Мария Михайловна – аспирант кафедры экономической и социальной географии Чувашского государственного университета, г. Чебоксары, Россия

Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Уалтаева Алтын Слямкыдаровна – старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Филиппова Ольга Владимировна – зав. отделом демографических исследований и анализа занятости населения ГУ «НИИ статистики Министерства статистики и анализа Республики Беларусь», г. Минск, Беларусь. E-mail: o-filipp@mail.ru

Фоминих Вадим Владимирович – старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГУ им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Хомра Александр Ульянович – доктор географических наук, заведующий отделом социально-экономической и демографической безопасности Национального института проблем международной безопасности, г. Киев, Украина. E-mail: khou@nisp.gov.ua

Щетинина Анна Сергеевна – аспирант кафедры архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия. E-mail: annuash@mail.ru

Южакова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

СОДЕРЖАНИЕ

Айтказина З.Н. Формирование систем городского расселения	3
Аксенова В.В. Причины, последствия и способы регулирования нелегальной иммиграции в ЕС: уроки для стран СНГ ..	10
Алексеев А.Н. Некоторые тенденции демографического развития Республики Казахстан в начале XXI века	17
Алексеев Н.В. Демографические последствия гражданской войны	25
Анисимова И.В. Землеустройство казахского населения Бельгагачской степи в начале XX в. (по материалам статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда 1908 г.)	32
Аубакирова Ж.С. Некоторые аспекты развития северо-восточной этнодемографической зоны в конце XX – начале XXI века	37
Бурчевская Е.В., Шахотко Л.П. Тенденции изменения младенческой смертности в Республике Беларусь	48
Бургаарт Л.А. Влияние миграционных факторов на формирование и развитие Католической Церкви в Казахстане	54
Бурлак И.М. Демографическое развитие села Рупиха в конце XX – начале XXI века	62
Винокурова Е.И. Проблемы палеодемографического изучения памятников эпохи бронзы Восточного Казахстана	70
Гайко О.А. Идеологические революции: принципы, динамика, следствия	75
Галиева А.А. Особенности демографического развития Турции на современном этапе	82
Григоричев К.В. Внешняя миграция в Казахстан: проблемы и перспективы	85
Гришина О.В. Особенности демографического развития населения г. Москвы за 1989-2002 годы	93
Грызунова Г.В. Государственная служба трансформирующегося общества: неклассический подход социологического анализа	105
Егоренкова Е.Н. Религиозный фактор в системе гендерных отношений Германии XVI-XVII вв.	113
Жанабаева Г.Н. Влияние качества окружающей среды на социодемографические процессы в Восточном Казахстане	119

Жамбосинова А.С. Политические репрессии конца 20-50-х годов XX века: постановка проблемы	122
Иванкова Л.В., Бахметова Г.Ш. Старение населения в России как демографическая и социальная проблема	130
Исигбаева А.К. Организационно-правовые формы управления высшим образованием в Казахстане	136
Исмаилов Л.Н. Динамика численности населения Казахстана в 1939-1959 гг.	145
Исмаилов Г.Р. Миграционные процессы в Восточном Казахстане: тенденции и социальные последствия	153
Ишкимова Г.Ш. Мониторинг состояния здоровья населения и социально-демографической ситуации в Республике Казахстан (1995-2004 гг.)	158
Калдыбаева Т.Ж. Научные основы и последствия демографических исследований	164
Калиева К.С. Сельскохозяйственные переписи в первой четверти XX в. (по материалам ЦДНИ ВКО)	170
Карасаев Ф.М. XIX ғасыр оқындағы (1897) Семей облысындағы халық санағы және қазақтардың әлеуметтік-шаруашылық жағдайы туралы (тарихи-демографиялық бағыт)	173
Карачурина Л.Б. Специфические проблемы занятости внешних и внутренних мигрантов на рынках труда крупных российских городов	179
Кимасов А.В. Урбанизация как актуальная проблема демографических исследований	190
Крайнов В.В. Регулирование миграционных процессов и перспективы развития внешней трудовой миграции в Республике Беларусь	201
Краснобаева Н.Л. Структура занятости и изменение уровня грамотности населения Казахстана в первой четверти XX века	208
Крыпаев М.К. Этносоциальные процессы: история и современность	219
Куделка Д.Н. Пропуск численности наиболее крупных этнических групп Республики Беларусь	228
Лысенко Ю.А., Кушнерик Р.А., Ноздрин И.А. К вопросу об этнических отношениях на территории Республики Алтай (по материалам полевых исследований 2004 г.)	238

Манохина О.В. Естественное движение населения Восточно-Казахстанской области за 1998-2004 годы	243
Морозова С.С. Отражение тенденции старения населения РК в этническом и региональном аспектах	249
Мухомов М.А. Фактор полиэтничности в национальной безопасности Казахстана	256
Никифоров И.Д. Из истории образования и заселения русскими крестьянами территории Убинской волости Змеиногорского уезда Колывано-Воскресенского горного округа, XVIII – XIX века	265
Пенюковская Г.И. Архивные источники о демографических последствиях голода 30-х годов XX века в Восточном Казахстане	272
Седыхова О.А. Влияние миграции на возрастную-половую структуру населения Казахстана	279
Семенов В.В. Реализация творческого потенциала человека в этносоциальной системе	285
Слугина Г.В. Особенности воспроизводства населения г. Усть-Каменогорск в 1941-1945 годах	292
Сохольникова Г.Ю. Влияние адаптационных процессов в молодой семье на прокреационные установки	299
Столярова Л.В. Конфессиональный аспект общественно-политических настроений восточноказахстанцев накануне выборов	306
Столярова Э.О. Ценностные ориентиры молодежи ВКО: этнический аспект (по материалам социологического исследования)	310
Тарасова Е.В., Назайцева Е.А., Охотников А.Ю. Учебная миграция из Казахстана в Западную Сибирь: проблема оценки потенциала	316
Тележенко Н.В. Проблемы межкультурного взаимодействия в молодежной среде (на примере Алтайского края)	323
Марк Тольц. Этнический состав населения Казахстана накануне второй мировой войны (реконструкция действительных результатов переписи 1939 г.)	327
Трифонов А.А., Блинова Е.Ю., Трифонов М.М. Современный рынок труда, трудовая миграция и перспективы занятости в туристической Чувашской Республике	334
Уалиева С.К. Становление демографической школы на Востоке Казахстана	340

Уалтаева А.С. Характерные тенденции миграционных процессов Восточно-Казахстанской области (1995-2004 гг.)	348
Филиппова О.В. Демографические характеристики вступившего в брак населения Беларуси: тенденции изменений за 1989-2004 гг.	357
Фоминых В.В. Этноцентризм – enfant terrible современной казахстанской историографии	367
Хомра А.У. Миграция населения между Украиной и Российской Федерацией в середине первого десятилетия XXI века (по данным текущего учета)	375
Щетинина А.С. Документы учета и статистики как источник для изучения вынужденных миграций на Алтае в первой трети XX века (исследование поддержано РФФИ, грант № 05-01-01281а)	385
Южакова Н.Н. Подготовка интеллигенции и служащих в Казахстане в послевоенные годы	390
Сведения об авторах	398

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

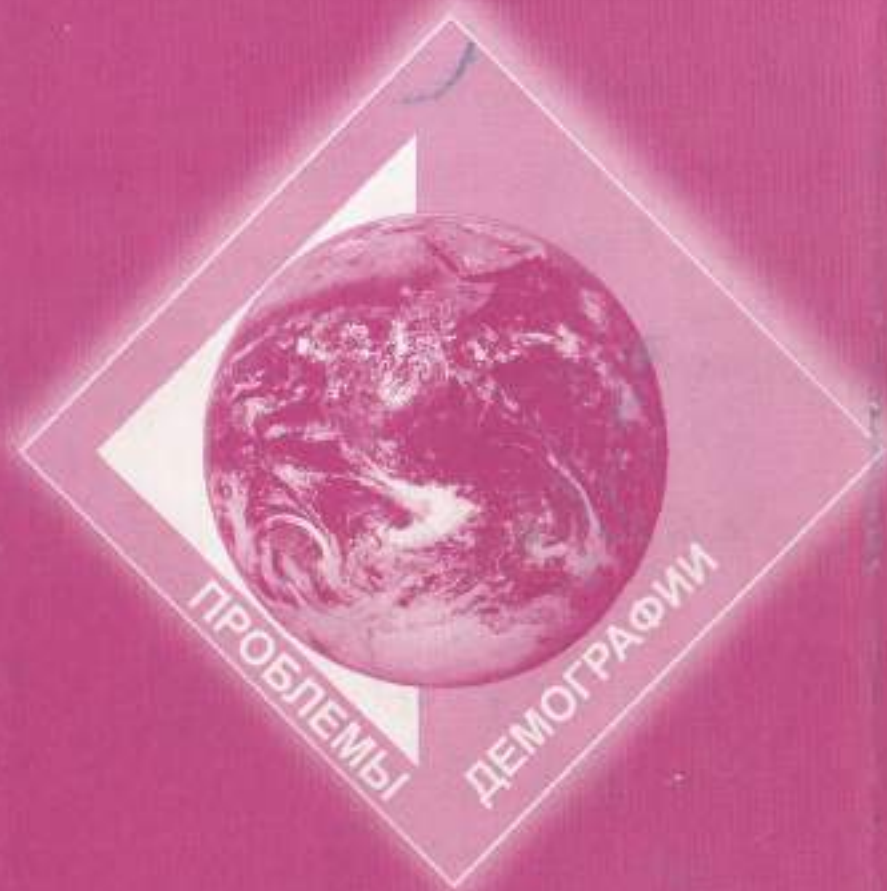
**VII Международная
научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 8-9 ноября 2005 г.)**

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск **Н.К. Садымбаева**
Редактор **Т.И. Новоселова**
Художественный редактор **Ю.Б. Ершова**
Технический редактор **Х.Ж. Рахметуллин**
Дизайн обложки, верстка **Ю.Б. Ершова**

Подписано в печать 21.03.2006. Формат 60х84/16 Усл.-печ. л. 31,8
Уч.-изд. л. 30,0 Тираж 500 экз. Заказ 144 Цена договорная

Издательство «Медиа-Альянс»
070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3
Отпечатано в типографии ТОО «Медиа-Альянс»

ISBN 9965-704-85-6

9 789965 704857

Издательство «Медиа-Альпс»